

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Гаврил Андреевич
САРИЧЕВ

А. И. АЛЕКСЕЕВ

Гавриил Андреевич
САРЫЧЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
Москва 1966

Ответственный редактор
чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимов

Рассудив, коль много есть в море опасностей, которым не только корабли великими трудами и многим иждивением построенные и дорогими товарами нагруженные, но и жизни человеческие подвергаются, не будет никто дивиться, что в науках обращающиеся толь разных и многих ищут способов для отвращения оных.

М. В. Ломоносов

Гидрография моря в России до Сарычева

В жизни Русского государства обширные морские и многочисленные другие водные пути всегда имели огромное значение. Естественно, что с развитием торговых, промышленных и военных походов русских людей развивалась и гидрография.

Гидрография — одна из древнейших наук, возникшая в непосредственной связи с развитием мореплавания. В первое время она отождествлялась с понятием кораблевождения, навигации. Гидрография — часть общей науки описания земли — географии, неразрывно с ней связанная. Гидрография — органическая часть общего землеведения.

Гидрографическая наука в современном понимании — это наука, изучающая отдельные водные объекты земного шара в количественном и качественном отношениях. Гидрография занимается вопросами изучения и описания водных объектов (морей, озер, рек), выявлением закономерностей географического распространения вод на земном шаре и особенностей их морфологии и режима.

В связи с успехами кораблевождения и судостроения из гидрографии выделилась специальная морская гидрография. Советский гидрограф Г. С. Максимов говорил: «Чтобы безопасно провести корабль по его пути, нужно, кроме овладения искусством кораблевождения, знать еще и самый водоем, его берега и условия плавания, уметь пользоваться береговыми опознавательными знаками, знать положение и

глубину прибрежных фарватеров и учитывать течения, приливы и другие явления, действующие на море»¹.

Морская гидрография, или гидрография моря, теснейшим образом связана со многими науками. В понятие морской гидрографии входят геодезическая астрономия, мореходная астрономия, гидрологические наблюдения, элементы земного магнетизма, съемка и промер, аэрофотосъемка, гидрографическое траление, карты и пособия для мореплавателей, маячное и лоцманское дело. В связи с таким широким кругом вопросов гидрограф должен быть хорошо знаком с океанографией и гидрологией, геодезией и астрономией, кораблевождением и навигацией, картографией и радиотехникой и многими другими науками. Вполне понятно, что методы гидрографических работ всегда должны быть такими, чтобы отвечать требованиям кораблевождения, успехам специальных технических наук.

Так, например, в труде А. П. Белоброва, изданном в самое последнее время², затрагиваются такие необходимые для современной гидрографии моря вопросы, как вопросы о пользовании радиологом, фазовым зондом, импульсными радиодальномером и гидролокатором, о приближенном решении геодезических задач на большие расстояния, о классификации форм подводного рельефа и признаках ожидаемой характеристики рельефа дна, об исправлении глубин в районах сплошного промерзания воды, об обработке попутного промера, о морской радиолокационной съемке и т. д. Детально изложены здесь и основные положения промера — главной составной части гидрографии моря. Он подразделяется на промер с применением зрительных способов определения места и промер с применением радионавигационных систем. При выполнении гидрографических работ все большее значение приобретает радиолокационная съемка, вошедшая в практику гидрографии лишь за последние 15 лет. Белобров первый систематизировал цели, виды и методы радиолокационного обследования, а также обработки материалов.

Обеспечение безопасности плавания по морям — такова главная задача, стоящая перед тружениками моря, морскими

¹ Г. С. Максимов. Гидрография как наука. — «Уч. зап. Высшего Арктического Морского училища им. адмирала С. О. Макарова», вып. 1. М.—Л., 1949, стр. 13.

² А. П. Белобров. Гидрография моря. М., изд-во «Транспорт», 1964.

гидрографами. Конечная цель гидрографических исследований — создание морской карты, составление лоций, руководств для плавания и других пособий по судовождению. Гидрография занимается разработкой методов и способов получения этих пособий, учит применению этих методов при измерениях на местности и их разработке.

До середины XIX в. исключительно гидрография занималась изучением морей и океанов. Во второй половине прошлого века она переросла в океанографию, а еще позже, уже в наше время — в океанологию, сохранив за собственно гидрографией моря функции обеспечения безопасности мореплавания. В историю морской гидрографии золотыми буквами вписаны имена таких выдающихся деятелей, как И. Л. Люберас, К. Крюйс, А. И. Нагаев, Ф. И. Соймонов, П. Я. Гамалея, Г. А. Сарычев, И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллинггаузен, Ф. П. Литке, М. Ф. Рейнеке, П. К. Пахтусов, Г. И. Невельской, С. О. Макаров, М. А. Рыкачев, И. Б. Шпиндлер, М. Е. Жданко, Ю. М. Шокальский, А. М. Бухтеев, А. И. Вилькицкий, Е. Л. Бялокоз, Б. В. Давыдов, П. В. Мессер, Н. Н. Матусевич, Г. С. Максимов, А. П. Белобров, Л. А. Демин, А. П. Ющенко и др.

Уже в Несторовой летописи (XII в.) и в Новгородских писцовых книгах (XV в.) имеются записи, которые свидетельствуют о большом значении рек и озер в жизни нашего государства, в жизни русского народа. Замечательный исторический памятник допетровской Руси — написанная в 1527 г. и опубликованная в 1773 г. Н. И. Новиковым «Древняя Российская гидрография». К величайшему сожалению, до нас не дошла первая генеральная карта Московского государства, текстом к которой является упомянутый труд. В XVII в. проходила исключительно плодотворная деятельность С. У. Ремезова. В составленных им и членами его семьи многочисленных картах Сибири имеется много гидрографических сведений. Л. А. Гольденберг сообщает, что в первом атласе «карт»-чертежей Сибири Ремезова 150 чертежей «посвящены гидрографической сети Сибири»³.

XVIII век был замечательным в истории русской гидрографии. В это время возникла, развилась и окрепла русская гидрографическая служба, создавалась отечественная гидрографическая наука как неотъемлемая составная часть географии.

³ Л. А. Гольденберг. Первый атлас «карт»-чертежей Сибири. — «Изв. Всес. геогр. об-ва», 1964, т. 96, № 1, стр. 41.

В понятие гидрографических работ включалось всестороннее исследование морей, к которым Россия имела выход. Поэтому, говоря об исследовании морей, омывавших Россию в XVIII в., следует говорить именно о гидрографических исследованиях, ибо под ними и подразумевается всестороннее изучение морей, подчиненное основной цели — обеспечению безопасности мореплавания.

Бурного расцвета гидрографическая наука достигла во время царствования Петра I. Организационное оформление русского военного флота относится к 1700 г., когда был создан особый приказ, в ведении которого находились все дела флота. В 1707 г. управление флотом было сосредоточено в Канцелярии военно-морского флота, а в 1718 г. перешло к совету старших флагманов, получившему название Адмиралтейств-коллегии. Но несмотря на это, до 1724 г. органа, руководящего гидрографическими работами, вообще не существовало, а для выполнения тех или иных гидрографических работ назначались именным царским указом отдельные офицеры. До 1712 г. гидрографическая служба выполнялась отдельными офицерами по указаниям «военно-морского флота Канцелярии».

В 1719 г. Петр I поставил во главе гидрографического обслуживания флота Иоганна Людовика Любераса⁴. Ему было поручено наблюдение за всеми бакенами и вехами Финского залива, ему же поручалось провести новую опись Финского залива. Первый атлас морских карт Балтийского моря на русском языке по повелению Петра I составили в 1714 г. полностью с иностранных карт, преимущественно со шведских. Карты эти были невысокого качества и не удовлетворяли нужды растущего русского мореплавания, получившего широкий выход на Балтийском море. Плавать по таким картам оказалось делом далеко не безопасным. Осо-

⁴ И. Л. Люберас, по национальности полушотландец, полусвед, при воцарении на престоле Петра I вместе со своими родителями оказался в Лифляндии. Отлично образованный, владевший несколькими языками, получивший образование во Франции, инженер по фортификационным сооружениям, неплохо знавший также методы топографических и гидрографических работ, молодой Люберас понравился Петру, который взял его на русскую службу. Люберас хорошо зарекомендовал себя. В 1714 г. он вместе с А. Э. Девьером руководил строительством Ревельской гавани, затем укреплял Нарген, Выборг, Кронштадт. В 1726 г. вместе с Мишуковым создал первую карту Финского залива. В последние годы руководил работами по сооружению Кронштадтского морского канала. Умер в 1752 г.

бенно это осложнялось в Финском заливе, известном своими мелями, труднопроходимыми фарватерами. Русские моряки во всех таких опасных местах выставляли ограждение, целую систему бакенов, вех, голиков. Работавшие под руководством Любераса моряки-гидрографы Лейн, Агаден, Мишуков, Экгоф и др. сделали до 1723 г. опись южного берега от Красной Горки до Хапсалу. На основании такой описи Люберас и Мишуков в 1726 г. напечатали второе издание атласа Балтийского моря, значительно исправленное и дополненное.

В 1724 г. все работы по гидрографическому изучению морей были возложены на Адмиралтейств-коллегию, которая из своей среды назначала ответственного за это офицера. Такими офицерами, руководившими гидрографической службой, предшественниками Г. А. Сарычева, были И. Л. Люберас, Ф. И. Соймонов, А. И. Нагаев. В штате Адмиралтейств-коллегии предусматривались чертежная мастерская, типография и соответствующее число штурманов, подштурманов и штурманских учеников «для рисования карт и содержания их при чертежной».

25 ноября 1799 г. при Адмиралтейств-коллегии был учрежден Комитет для распространения морских наук и усовершенствования художественной части морского искусства, который ведал вопросами гидрографии. В апреле 1805 г. учреждается Государственный адмиралтейский департамент, руководивший гидрографическими работами. 24 августа 1827 г. этот департамент был реорганизован в два независимых друг от друга учреждения — Управление генерал-гидрографа и Морской ученый комитет.

Офицеры Корпуса флотских штурманов подчинялись непосредственно генерал-гидрографу и инспекторам этого корпуса Балтийского и Черноморского флотов. На отдаленных, Каспийской и Охотской, флотилиях — в Астрахани и Охотске назначались частные инспекторы Корпуса штурманов, которые и отвечали за выполнение всех видов гидрографических работ. Социальные гидрографические исследования осуществлялись путем отдельных съемок, а затем и гидрографических экспедиций моря.

Первым и единственным генерал-гидрографом был преемник А. И. Нагаева адмирал Г. А. Сарычев. Помощником его и директором Гидрографического депо стал Ф. Ф. Шуберт. В 1837 г. был учрежден Гидрографический департамент, который объединил названные выше Управление и Депо.

С 1885 г. он стал называться Главным гидрографическим управлением.

В итоге развернувшихся в России почти одновременно на всех флотах гидрографических работ в первой трети XVIII в. накопилось достаточно материала для первых научных обобщений. В России появились первые русские практические руководства по мореплаванию. В них большое значение уделялось гидрографическим исследованиям.

Переходя к разбору таких работ, нельзя не отметить огромную роль учебников Л. Магницкого и А. Фарварсона. Мореплавание и гидрография были в ту пору понятиями, трудно отделимыми друг от друга. Любой моряк должен был быть и гидрографом. В третьей части «Арифметики» Магницкого (1703 г.) разбираются вопросы определения места корабля и другие морские задачи. Там имеется указание на то, как определять меридиональную линию по гномону или компасу при помощи приложенной таблицы, как найти по таблицам и по высотам звезд и Солнца широту места. В исправление высот Солнца введены поправки за рефракцию и параллакс. Рассматриваются и многие другие практические вопросы мореплавания. В сочинении А. Фарварсона о навигации решаются те же насущные вопросы.

В 1738 г. Федор Иванович Соймонов⁵ издал первый русский морской атлас Балтийского моря — «Морской светильник», в который наряду с иностранными картами вошли и русские. Незадолго перед тем появились книги русских мо-

⁵ Ф. И. Соймонов родился в 1692 г. В 1708 г. поступил в Московскую навигацкую школу. В 1711 г. был на практике в Голландии, откуда дважды ходил в Архангельск и один раз в Лиссабон. В 1716 г., прибыв на родину, плавал на корабле «Ингерманланд» под флагом Петра I, участвуя в боевых действиях против шведов. В 1717—1718 гг. принимал участие в гидрографической съемке некоторых районов Балтийского моря, в 1719—1726 гг. — в работах по описанию Каспийского моря. В 1727 г. переведен на Балтийский флот. В 1730 г. назначен прокурором Адмиралтейств-коллегии, а в 1739 — ее вице-президентом. Сосланный в Охотск и освобожденный в 1742 г., восстановлен в правах с разрешением жить, где пожелает. Соймонов остался жить в Сибири. В 1753—1757 гг. руководил экспедицией «для описи Шилки и Амура и постройки ботов с заданием пройти по этим рекам в Северо-Восточное море до Японии и берегов Американских». В 1757 г. назначен сибирским губернатором. Зарекомендовал себя инициативным, вдумчивым государственным деятелем, автором многих проектов экспедиций, выдающимся ученым-гидрографом. В 1763 г. переведен в Москву сенатором, в 1766 г. уволен в отставку. Умер в Москве в 1780 г.

ряков по теории и практике гидрографии и навигации. В 1733 г. известный мореплаватель С. Г. Малыгин издал «Сокращенную навигацию». В 1737 г. Н. Г. Курганов написал «Универсальную арифметику», в которой даны начала астрономии. Учебник предназначался для морского кадетского корпуса.

В 1739 г. вышел в свет учебник по кораблевождению Ф. И. Соймонова под названием «Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванию, сочиненный в вопросах и ответах для пользы и безопасности мореплавателей». Этот учебник можно с полным правом назвать и первым официальным руководством по гидрографическим работам. Он подводил итог всему до тех пор известному в навигации и гидрографии.

В 11 главах учебника даются практические указания о том, как надо вычислять время малой и полной воды, как определить свое место по звездам и Солнцу, как создать меркаторскую карту, как употреблять лаг и т. д. Для гидрографа особенно важна последняя, 11 глава: «О описании заливов, пристаней и берегов морских». Соймонов писал об этом: «Хотя сие искусство, о нем же объявления желаю, и не присовокупляется к правилам счисления пути корабельного; обачеж нужно, разумеется, быти к должности плавателя, случившагося где-либо обрести какой залив или гавань»⁶.

В этих словах как нельзя лучше выражено единение кораблевождения и гидрографии. Вместе с тем проводится мысль о том, что мореплавателю нужно обладать специальными познаниями, владеть основными приемами выполнения гидрографических работ. Впоследствии среди морских офицеров образовался целый корпус людей, занимавшихся только гидрографическими исследованиями.

Соймонов приводит и основные способы морской гидрографии того времени. Их два: «Описание заливов или гаваней есть двоякое, а именно: первое искусством геодезическим чрез инструменты, усматривая по дугам или изгибам залива, второе — хотя и не так окуротно — обачеж много употребляется заливов описание, на каком-либо морском судне»⁷.

⁶ Ф. И. Соймонов. Экстракт штурманского искусства. СПб., 1739, стр. 166.

⁷ Там же.

При геодезическом способе вдоль берега моря шли с теодолитами (астролябией) или пель-компасом, по которым брали направление; расстояние измеряли мерительной цепью, а глубины и грунт в заливах изучали лотом. С помощью данных наблюдений рисовался план местности или карта. Второй способ — морская опись. Сущность его мы поясним цитатой из руководства Соймонова: «На каком-либо судне, приехав к берегу в залив, стать на якорь. И с того места усмотреть чрез инструмент или пель-компас, на которые румбы, или углы градусов, края того залива: и между оными другие какие-нибудь места, ближайшие к берегу. И что оных больше, то верные и тако усмотря, и, вынув якорь, плыть на другое место, куда пристойнее рассудится, чрез румб счисляя расстояние, плаванное верно, и по известному румбу известное число миль или сажений прилежно, стать паки на якорь и смотреть прежде усмотренные места или знаки на берегу, против которых румбов, или в четверти компасной градусов, будут от второго якорного места находится, яко в следующей табели»⁸. Далее следует пример.

Изложенный здесь способ морской описи стал наиболее употребительным и, пожалуй, единственным в течение всего XVIII в. Разумеется, он был неизмеримо менее точен, чем геодезический, но для рекогносцировочной описи он был совершенно незаменим.

30—40-е годы XVIII в. явились годами накопления в России опыта гидрографических работ. Невиданная по своим замыслам и выполнению Великая северная экспедиция (1737—1743), многочисленные отряды которой детально исследовали северное побережье Сибири на всем его протяжении от Баренцева моря до Берингова и дальневосточные моря, — величайшее событие в истории мировой географической науки. Несмотря на то что Экспедиция проводила всестороннее, комплексное изучение территории и морей, гидрографические исследования были в нем ведущими.

Примерно в это же время на Балтийском море работала первая в России гидрографическая экспедиция, возглавлявшаяся Алексеем Ивановичем Нагаевым⁹. Если до сего време-

⁸ Ф. И. Соймонов. Экстракт штурманского искусства, стр. 167.

⁹ А. И. Нагаев (1704—1781) — выдающийся гидрограф, картограф, мореплаватель. Адмирал русского флота. Известен организацией первой гидрографической экспедиции Балтийского моря, со-

Алексей Иванович Нагаев

ни гидрографические работы велись отдельными людьми и эпизодически, то теперь они приобрели плановый характер. Начиная с 1739 г. под руководством сначала Любераса проводилась съемка Нагаевым северного берега Финского залива, а затем с 1746 по 1752 г. под руководством Нагаева на обширном пространстве Балтийского моря работала гидрографическая экспедиция, в составе которой было несколько партий, возглавлявшихся опытными моряками М. Лебядниковым, Ф. Плещеевым, Е. Ирецким и др.

Гидрографические работы продолжались и зимой, и летом. Если летом преобладали описные, лоцийные работы, то зимой производились преимущественно промерные работы. Измеренные глубины приводились к одному уровню. Это бы-

ставлением лоции и атласа этого моря. Организатор Морского кадетского корпуса и первый его директор. Справедливо считается одним из основоположников отечественной гидрографии моря.

ло чрезвычайно важным нововведением Нагаева в производство гидрографических работ. Несколько позже, в 1765 г., он дал следующее описание способа зимнего промера на основании работ в зиму 1764/65 г. в Кронштадте. «Все глубины меряны футами и дюймами, настоящих в каждом месте случившихся в те времена на море вод. А часы, в которых где, когда меряли глубину, узнавали по поднимаемым в Кронштадте на Кронштадском и Артиллерийском дворе, при восточном угле Кроншлота, на флагштоках синим флагам, по битью часов и колокол на соборной церкви Св. Андрея колокольные; которые поднимаемы были на флагштоки в день, чрез каждый час по одиножды, а в 9 часов по полуночи, в полдень и в 3 часа по полудни, по два раза, один за другим скоро: чтоб те мерятели глубин, из разных мест видя флаги, так поднимаемые, могли узнавать часы, в которые они где какую глубину меряли.

По конце каждого часа и при поднятии флагов караульные у каменного канала шхиперы меряли в каменном канале глубину воды с запиской, как в приложенных при сем рапортах явствует. Чрез то, во все время промера глубин, стало быть известно, в котором часу в канале и во всем около Кронштадта море, как в фарватерах, так и на мелях, вода была глубиною выше ординарной в канале 21-го фута воды или ниже.

А потому и все вымеренные в фарватерах и на мелях глубины, на карту поставлены не те, которые при мерах находили; но те, которые во время ординарной в канале 21 футовой воды, быть должны. Дабы тем удобнее из предбудущих мер тех же мест глубин, с таким же уравниением к ординарной в канале, воде, познать было можно: в котором месте фарватер и мели явятся глубже или мельче нынешнего»¹⁰.

Работы Нагаева превзошли все ожидания и в результате дали русский Атлас Балтийского моря и первую его Лоцию. Работы эти составили целый этап в развитии гидрографии и морской картографии, поэтому расскажем об этих документах несколько подробнее.

Название Атласа таково: «Атлас всего Балтийского моря с Финским и Ботническим заливами, со Шкагер-раком, Каттегатом, Зундом и Бельтами, в генеральных морских и специальных картах состоящий, в котором все Балтийского мо-

¹⁰ П. В. Казакевич. Об уровне Балтийского моря.— «Записки по гидрографии», ч. 6. СПб., 1848, стр. 78—79.

ря, разных сочинений, морския карты собраны, рассмотрены и российскими плавателями на истинные между мест компасные румбы и дистанции приведены, и вымеренными по пространству моря и у берегов глубинами и вновь найденными там же подводными мелями дополнены; а в синусе Финском все морские берега с островами, шхерами, рейдами, заливами, портами и речными устьями, с глубинами при них, и между шхер моря форватеров, со многими вновь найденными мелями, под владением ея императорского величества состоящие по указу ея императорского величества из Государственной адмиралтейской коллегии, ноября 11 дня, 1746 года, вновь описаны, вымерены и в истинных положениях их и между мест компасных румбах и дистанциях на морския карты, для безопаснейшаго Российскому флоту плавания, поставлены флота капитаном перьваго ранга Алексеем Нагаевым. Вырезыванием к печати на досках окончены 1752 года. Печатан в Типографии Морского шляхетнаго кадетскаго корпуса, 1795 года».

Название длинное, но оно и о многом говорит. Все карты Атласа по мере их готовности, каждая в отдельности, просматривались членами Адмиралтейств-коллегии и уж потом, в 1752 г., отдавались на гравировку. Одновременно с Атласом была готова и Лоция, написанная Нагаевым. Название ее таково: «Лоция, или Морской путеводитель. Часть I. Содержащая в себе описание форватеров и входов в порты в Финском заливе, Балтийском море, Зунде и Скагерраке находящихся. Часть II. Содержащая в себе описание входов в порты и форватеров между шхерами и мелями, лежащих при северных берегах Финского залива до Ледзунда; также обоих Бельтов и Скагеррака. Часть III. Содержащая в себе описание мелей, входов в порты и форватеров, лежащих при южных берегах Финского залива, от Гаривалла и Копорского залива до мыса Домеспеса. Сочинена по указу Государственной адмиралтейской коллегии, в 1751-м году, флота капитаном Алексеем Нагаевым»¹¹.

Лоция и Атлас, дополняя друг друга, дали мореплавателям замечательное по своему времени пособие по безопасности плавания. В уведомлении плавателям, помещенном в начале Атласа, Нагаев перечисляет сначала общие недостатки морских карт, говорит о назначении и целях мор-

¹¹ Названия приведены по экземплярам, хранящимся в Гос. биб-ке им. В. И. Ленина.

ских карт и приходит к выводу, что «плавание на Балтийском море и синусе Финском от места до места, чрез широкости их, для разности на разных старых картах между мест компасных румбов и дистанций, и за недостаточным на оных назначением морских глубин, также и за неведением доселе подводных там мелей и немалой опасности и бедствий по сие время оставалось; поэтому, которые все недостатки Государственная Адмиралтейская коллегия усмотря, в 746-м году, ноября 11 дня, приведение тех морских карт в самую аккуратность указом ея императорского величества определили поручить мне; по которому велено все прежде учиненные карты и описи морския рассмотреть и, таким образом, во оных недостатки пополнить надлежит».

Перечислив затем источники, по которым составлялись карты Атласа, и напомнив о заслугах офицеров, трудами которых «на Балтийском море поверка и сыскание между знатных мест румбов и дистанций, и промер по широте того моря глубин... отправлялись с крайним трудом и прилежанием», Нагаев в конце уведомления выражает надежду, что карты Атласа «с такою аккуратностью и пополнением сочинены», что мореплаватели «из употребления оных карт в их морских вояжах получают перед всеми прежде сочиненными картами превосходная пользы и удовольствия».

Карты Атласа делаются Нагаевым на три группы.

В первую, в которой только семь карт, входят карты, составленные без всяких исправлений по шведским картам. Они охватывают район Скагеррака, Категата, проливов Бельт и восточного побережья Швеции.

Вторая группа карт, составленных также по шведским картам, но в «румбах и дистанциях между мест поправленные, ситуациею на берегах и глубиною на море вымеренною дополненные, флота капитаном первого ранга Алексеем Нагаевым», содержит четыре карты, охватывающие районы проливов Бельт, южного и западного побережий Балтийского моря с островами Борнгольмом, Эландом и Готландом.

Наконец, третья, и самая большая, группа карт содержит карты, «вновь описанныя, вымеренныя и сочиненныя, флота капитаном первого ранга Алексеем Нагаевым». Здесь 17 карт.

Таким образом, в Атласе Нагаева 28 карт, охватывающих весь бассейн Балтийского моря. Они делятся Нагаевым на специальные и морские. По современной терминологии их можно сравнить с путевыми морскими картами и частными

картами или планами. Из 17 карт, составленных Нагаевым, 13 карт — специальные и 4 — морские. Это и не удивительно: плавание в Балтийском море опаснее всего у берегов. Атлас Нагаева облегчил возможность захода мореплавателей во все порты России на Балтике. Несмотря на то что крупномасштабные карты не имеют градусной сетки меридианов и параллелей (они ориентированы по компасным пеленгам с учетом склонения), карты явились весьма надежными и правильно передавали конфигурацию берегов, расстояние отдельных мест друг от друга и, что особенно важно для мореплавателей, давали достаточную подробность глубин.

Карты Нагаева не только существенным образом облегчали плавание. По ним можно проследить и историю создания самой карты и наглядно представить себе вид берегов, даже не заглядывая в лоцию. Особенно тщательно промерены мели и места, близкие к ним. В заголовке карты говорится, кто и когда составлял данную карту и на какое склонение она рассчитана. Внизу дается масштаб карты, причем на всех вновь составленных картах в первую очередь дается русский масштаб, затем мили немецкие и иногда итальянские. Русский масштаб давался в верстах; в одном градусе считали 104 версты и $318\frac{1}{4}$ саженьей. Эта мера градуса неточна и от этого происходили значительные ошибки в точности определения места. Но это не ошибка Нагаева. Это результат состояния науки того времени.

Лоция Нагаева была издана в двух книгах. В первой книге помещалась I часть, а во второй — II и III части. Лоция Нагаева — первое полноценное навигационно-гидрографическое описание Балтийского моря. Наряду с чисто лоцийными данными, органически связанными с Атласом, в ней можно найти и исторические сведения.

Точность, тщательность обработки данных и высокие методические достоинства характеризуют работы Нагаева. Он был хорошо осведомлен о всех имеющихся картографических и лоцийных материалах. Больше того, еще до составления своего Атласа и Лоции Нагаев перевел на русский язык и кое-где подправил шведский атлас Н. Штремкрона.

Относительно точности составленных Нагаевым карт и верности помещенных сведений не может быть двух мнений. По тому времени они были лучшими и единственно правильными пособиями при плавании по Балтийскому морю. Более 50-ти лет карты Нагаева служили верную службу российскому флоту. И благодарные мореплаватели уже в те времена

высоко оценили труды Нагаева. «Если вникнуть в степень современных Нагаеву познаний теории сочинения карт не только в России, но даже у иностранцев, если вспомнить притом, что изобретенный у иностранцев в 1731 г. октан Гадлея появился у нас первый раз в 1757 г. и только что начали с ним знакомиться на флоте, а секстан и в 1799 г. мало употреблялся еще и за границею, если ко всему прибавить, что тогда у нас считалось в одном градусе меридиана 104 версты $318 \frac{1}{4}$ сажени, почти на полверсты более настоящего, что весьма важно при тогдашнем обыкновении связывать отдаленные береговые места посредством счислимого плавания, то нельзя не благодарить Нагаева за полезный и добросовестный его труд, служивший русским мореплавателям почти 50 лет»¹².

К этой оценке трудов Нагаева прибавим высказывание советского ученого Т. И. Райнова: «Атлас Нагаева, явившийся одновременно итогом всех предыдущих русских гидрографических работ в Балтийском море и результатом больших личных усилий составителя, знаменовал значительную степень зрелости русской военно-морской гидрографии в середине XVIII в.»¹³

Теория гидрографической науки, навигации и мореплавания получила свое развитие и в трудах С. Мордвинова, Ф. И. Соймонова, Н. Г. Курганова и великого русского ученого М. В. Ломоносова.

В 1748 г. вышли в свет «Книги полного собрания о навигации» С. Мордвинова. В них имеется и определение навигации: «Навигацией называется та наука, по которой корабль через моря от места до места во все части света препроводят. Двойка есть навигация: одна малая, а другая большая». Автор имеет в виду дальние плаванья и каботаж. В книгах четыре части: первая — геометрия плоская и сферическая тригонометрия, вторая часть — сфера небесная — т. е. общая астрономия, третья часть — астрономические определения и таблицы и четвертая — навигация, инструменты, счисление, склонение, сочинение карт и пр. Несколько ранее, в 1744 г., Мордвинов издал «Каталог мореплавателям, содержащий таблицы к знанию о движении солнца, луны и звезд и таб-

¹² «Морской сборник», № 7, ч. XII. СПб., 1854, стр. 162.

¹³ Т. И. Райнов. О роли русского флота в развитии естествознания XVIII века.— «Труды ин-та истории естествознания АН СССР», т. I. М., 1947, стр. 182.

лицу полных наводнений в знатных по берегам океана местах, заливах и реках и прочая». Второе издание этого каталога было сделано в 1762 г. В 1765 г. Ф. И. Соймонов выпустил учебник по астрономии.

Во второй половине столетия развернулась замечательная педагогическая и научная деятельность Николая Гавриловича Курганова¹⁴. Еще в 1757 г. вышла его «Универсальная арифметика», в которой изложены основы арифметики, математики, геометрии и астрономии. Здесь же даются церковный календарь и так необходимые в морских расчетах логарифмы. В 1765 г. появились сразу два учебника, имевших большое значение для мореходства,— учебник Соймонова по астрономии и «Генеральная геометрия или общее измерение протяжения, составляющее теорию и практику оной науки», Курганова. В посвящении Курганов писал: «Будучи главнейшая путеводительница к мореплаванию и к другим оное подкрепляющим наукам, сия (т. е. геометрия) покажет вам свободный и безопасный путь в пространнейшия моря, сия научит вас презирать и разверзающуюся до преисподних бездн пучину, и встающую до небес волн океана, сия сделает вас ветров и бурь повелителями»¹⁵.

Кургановым же переведены на русский язык и значительно дополнены сочинения Сойериана и Бутера, являвшиеся в течение длительного времени основными пособиями для штурманов и гидрографов¹⁶. В предисловии к «Бугерову сочинению» Курганов очень ярко характеризует роль и значение гидрографов. «Без сомнения, можно почитать гидрографа за первых изобретателей, коим и последние причины, всех в сей науке изъясняемых вещей, известны во всей их подробности. Им необходимо должно больше знать теории для того, чтобы дозволено было мореплавателям знать оной меньше». И далее: «На должность гидрографа производить мореплавателей, достойных к предприятию езды во все концы Земли и к достижению всех приморских стран»¹⁷.

¹⁴ Н. Г. Курганов (1726—1796) — известный русский ученый, преподаватель Морского кадетского корпуса, профессор навигации, астрономии и опытной физики. Написал несколько учебников по мореплаванию, астрономии, математике, геометрии. Известен, кроме того, как автор «Письмовника».

¹⁵ Н. Г. Курганов. Генеральная геометрия. СПб., 1765.

¹⁶ «О точности морского пути». СПб., 1773; «Бугерово новое сочинение о навигации, содержащее теорию и практику штурманского искусства». СПб., 1785.

¹⁷ «Бугерово новое сочинение...», стр. XII.

М. В. Ломоносов оставил свой яркий след в мореплавании и связанными с ним науками. Основными произведениями Ломоносова, в которых непосредственно рассматриваются вопросы мореплавания и гидрологии, являются «Рассуждение о большей точности морского пути» и «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

Не все гипотезы, смелые предположения, изобретения и усовершенствования Ломоносова в области морских наук были совершенными, вполне удачными. Наоборот, некоторые из них были ошибочными, не подтвердившимися впоследствии. Но уже сама постановка отдельных проблем и вопросов поражала смелостью и оригинальностью мысли, звучала в те годы вызовом иностранному засилью в науке. До Ломоносова, по справедливому замечанию М. С. Боднарского, не было в России самостоятельной научно-теоретической разработки географии. Все, что имелось, было или сырым, несистематизированным материалом, или переводами с иностранного. «Ломоносов первый дал образец такого рода систематизации, и потому ему по справедливости может быть присвоено имя первого русского географа»¹⁸.

Эти слова в полной мере можно отнести и к Ломоносову — теоретику мореплавания. Имевшиеся до Ломоносова работы по мореплаванию являлись преимущественно переводами с иностранных, и только уже в годы жизни ученого начали появляться отечественные труды (Ф. И. Соймонов, С. И. Мордвинов, А. И. Нагаев), посвященные исключительно разработкам способов кораблевождения, составления карт и лоций. Авторы этих сочинений были моряками-практиками, и поэтому их очень ценные теоретические разработки и практические пособия для мореплавателей не выходили за рамки конкретных приемов, способов выполнения того или иного маневра, рекомендации лучших примов выполнения определенного круга наблюдений, определений и т. д.

Ломоносов наиболее глубоко взглянул в суть мореплавания. Несовершенство искусства мореплавания, методов кораблевождения не могли не привлечь к себе внимания великого ученого. В «Рассуждении о большей точности морского пути» Ломоносов рассмотрел основные вопросы морепла-

¹⁸ М. С. Боднарский. Ломоносов как географ. М., 1912, стр. 57.

вания: организацию морского образования, состояние и совершенствование методов кораблевождения, конструирование различных мореходных приборов, исследование условий плавания. Все эти главные, узловые вопросы современного мореплавания разработаны Ломоносовым с учетом перспектив дальнейшего развития морских наук, возможности скорейшего улучшения методов и приборов, применявшихся в кораблевождении. Самим Ломоносовым представлено много новых методов и способов, сконструированы новые приборы.

В «Приступлении» Ломоносов производит детальный разбор причин большого числа несчастий, случившихся с мореплавателями, и замечает, что эти «бедствия почти от одной неисправности мореплавания происходят, которое для того от самых древних времен за достойное прилежания к лучшему приведению почитается»¹⁹. Он сознавал, что не все предлагаемое им может быть сразу же с пользой воплощено в практических делах, но «отложив всякое сумнительство, все, что для сей материи размышлял, изобрел, произвел», Ломоносов изложил в «Рассуждении».

Три круга вопросов мореплавания рассмотрены в этом сочинении: 1) о сыскании долготы и широты в ясную погоду; 2) о сыскании долготы и широты в пасмурную погоду; 3) об ученом мореплавании. Ломоносов справедливо указывал, что астрономические способы определения места корабля в море хороши только при ясной, безоблачной погоде. Основным же инструментом для астрономических определений служит квадрант Гадлея. Несмотря на то что к середине XVIII в. в Западной Европе были известны секстан и хронометр, в России о них ничего не знали, поэтому инструменты, рекомендуемые Ломоносовым, являются совершенно оригинальными. Для определения времени на меридиане корабля в ясную погоду Ломоносов предложил секстан с искусственным горизонтом, в конструкции которого основное внимание обращено на уничтожение влияния рефракции на наблюдения. Для определения же времени на начальном меридиане Ломоносов предложил способ по изобретенному им оригинальному хронометру и по наблюдению звезд.

Во второй части сочинения Ломоносов предлагает методы определения широты и долготы места корабля в пасмурную погоду. Самым интересным из них, несомненно, является

¹⁹ М. В. Ломоносов. Рассуждение о большей точности морского пути.— Полн. собр. соч., т. IV. СПб., 1901, стр. 126.

метод путесчисления с помощью самопишущего компаса — прообраз современного курсографа. Ученый разработал идею механического лага оригинальной конструкции, прибор для определения скорости и направления течения и др.

Наиболее интересна в научном отношении третья часть рассуждения — «О ученом мореплавании». Отметив, что мореплавание до сего времени почти не имело научной теории, Ломоносов указывает на необходимость научно-исследовательских работ в Морской академии. Для этого необходимо было в первую очередь растить научные кадры «в математике, а особливо в астрономии, гидрографии и механике искусных, и о том единственно старались, чтобы новыми полезными изобретениями безопасность мореплавания умножить» (стр. 161—168).

По мнению Ломоносова, Морская академия должна собирать и издавать отчеты о путешествиях, составлять планы научно-исследовательских работ и руководить путешествиями «ученых мореплавателей». Очень интересны мысли Ломоносова о магнетизме Земли и небесных тел, высказанные во 2-й главе третьей части — «О составлении истинной магнитной теории». Подчеркнув, что теория немыслима без практики («из наблюдений устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения — есть лучший способ к изысканию правды» — стр. 63), Ломоносов за 80 лет до Гаусса высказал мысль о Земле как магните, действие которого складывается из действий магнитов, его составляющих. «Итак, положим, — говорит Ломоносов, — что Земля — магнит, из разных великих частей разной доброты составленный или из многих магнитов разной силы в один сложенный, которые по своему положению и крепости сил действуют; то необходимо следует, что на ней по разности мест должно быть разное магнитной стрелки склонение» (стр. 164).

Таким образом, по замечанию академика М. А. Рыкачева, весь ход развития этой отрасли науки был как бы намечен Ломоносовым в его рассуждении, конечно в самых общих чертах. Разница заключалась лишь в том, что Ломоносов высказал общую мысль, а Гаусс разработал ее математически²⁰. В 3-й главе третьей части Ломоносов проводит свою теорию объяснения приливо-отливных течений, а в 4-й высказывает ряд соображений по поводу предсказания погоды, и в частности ветра.

²⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1902, стр. 36.

Любимым занятием Ломоносова была гидрология полярных морей. Основные мысли по этому вопросу сосредоточены в его сочинении «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»²¹. Ломоносов описывает физические условия полярных морей и историю плаваний по ним. Он дает первую классификацию полярных льдов (сало, ледяные поля и айсберги), рисует в общем и целом правильную картину дрейфа полярных льдов, вводит представление об ископаемом льде и занимается многими другими проблемами полярного мореплавания. Нет необходимости подробно разбирать здесь все теории, развитые Ломоносовым. Это достаточно убедительно рассмотрено во многих работах²². В результате своих исследований Ломоносов пришел к следующим основным выводам.

Занявшись подсчетом площади Северного Ледовитого океана, Ломоносов нашел, что льдом покрыта только $\frac{1}{12}$ часть океана. Это послужило одной из главных ошибок в теории Ломоносова о проходимости Северного Ледовитого океана в 80-х широтах. Наличие свободной ото льда воды в этих районах океана Ломоносов связывал также с явлением северных полярных сияний. Рассуждения Ломоносова оказались ошибочными, потому что к тому времени не накопилось достаточно наблюдений для более правильных обобщений. Но в одном, основном, Ломоносов оказался прав: Северовосточный морской путь проходим на всем своем протяжении. Ломоносов был убежден в проходимости Северного морского пути и в необходимости его хозяйственного освоения и использования.

Ломоносов первый указал на теплообмен между морем и воздухом через ледовитый покров, указал на роль солнца при прогреве воды. Как известно, на основании этого и других сочинений Ломоносова и составленной им карты Северного Ледовитого океана была организована экспедиция В. Я. Чичагова, которой после нескольких попыток не уда-

²¹ В сб.: «Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова». СПб., 1854.

²² М. С. Боднарский. Ломоносов как географ. М., 1912; В. Ю. Визе. Ломоносов и Северный морской путь. М., 1946; В. Захаров. М. В. Ломоносов и русское научное мореплавание.— «Морской флот», 1948, № 7 и 8; Н. И. Барбашов. К истории мореходного образования в России. М., Изд-во АН СССР, 1959; В. А. Первалов. Ломоносов и Арктика. М., 1949 и др.

лось уйти далеко на восток от Шпицбергена. Второй же отряд экспедиции под руководством П. К. Креницына сделал многое для исследования северной части Тихого океана и положил начало картографированию и описанию Алеутских островов. Между прочим, Ф. И. Соймонов и А. И. Нагаев имели непосредственное отношение к этой экспедиции и проекту Ломоносова «О возможности достигнуть от Шпицбергена, чрез Северный полюс, в Восточное море». Когда в 1762 г. по распоряжению императрицы Екатерины проект был направлен к Ф. И. Соймонову, тот не одобрил его. К сожалению, подробности ответа Соймонова до сих пор не найдены. Что же касается А. И. Нагаева, то осторожный гидрограф уклонился от ответа, сославшись на коллективное мнение членов комиссии, в которой участвовал и Ломоносов. Нагаев написал для экспедиции «Наставление мореплавателям».

Заключительные строки «Рассуждения» горят пламенным призывом к развитию науки, к уничтожению войны: «О, если бы оные труды, попечения, иждивения и неисчетное многочисленство, которые война похищает и истребляет, в пользу мирного и ученого мореплавания употреблены были, то бы не токмо неизвестные еще в обитаемом свете земли, не токмо под неприступными полюсами со льдами соединенные береги открыты, но и дна бы морского тайны рачительным человеческим снисканием, кажется, исследованы были! Взаимным бы сообщением избытков коль много прирасло наше блаженство! И день бы учений колико яснее воссиял бы откровением новых естественных таинств».

В конце XVIII в. развернулась деятельность крупнейшего представителя отечественной гидрографии Г. А. Сарычева, о котором и рассказывается подробно в настоящей книге.

Подводя краткие итоги состояния русской гидрографической науки в XVIII в., нужно сказать следующее. Развитие русской гидрографической науки прослеживается с начала этого столетия. Существенным толчком послужили петровские преобразования, направленные на укрепление хозяйственной и военной мощи государства. Вместе со всеми этими преобразованиями возникали и развивались естественные и технические науки, среди которых почетное и важное место отводилось гидрографии. При Петре I впервые была поставлена задача полного географического описания страны.

Выход России к морю на западе, юге, востоке и огромная протяженность морских берегов на севере, необходи-

мость защиты вновь приобретенных земель и морских границ, хозяйственные и научные цели обуславливали интенсивность гидрографических исследований. Развитие гидрографических исследований в XVIII в. оказывало заметное влияние на состояние географической науки в России.

Большой опыт русских гидрографических исследований позволил уже к половине XVIII в. перейти к теоретическим выводам и обобщениям. У истоков русской морской гидрографии стояли выдающиеся деятели военно-морского флота Иоганн Людовик Люберас, Федор Иванович Соймонов, Алексей Иванович Нагаев и затем Гавриил Андреевич Сарычев. Большое значение для гидрографии имели труды М. В. Ломоносова.

Несмотря на определенную связь и взаимозависимость русской гидрографии с научными достижениями зарубежной (Франция, Великобритания, Голландия, Швеция) гидрографии, научные труды русских ученых по гидрографии отличаются своеобразием. Гидрографические исследования на морях Русского государства позволили первым русским гидрографам уже в середине XVIII в. создать оригинальные первоклассные труды, на которых затем, наряду с трудами зарубежных ученых, воспитывалось не одно поколение русских моряков и гидрографов.

В России гидрографическая наука в XVIII в., занимая важное место в ряду географических наук, обеспечила потребности русского государства в гидрографических исследованиях, создала предпосылки для организации на морях России систематических гидрографических исследований в XIX в., успешно справилась с крупнейшими океанографическими исследованиями на Балтийском море и на морях Дальнего Востока, положив начало развитию океанографии, оформившейся в первой половине XIX в. в самостоятельную науку.

В России в конце XVIII — начале XIX в. Г. А. Сарычевым было создано классическое теоретическое исследование и практическое руководство по гидрографическим работам. Подводя итоги русской гидрографии за XVIII в., это руководство вместе с тем неизмеримо подняло роль гидрографии как науки, дало благодатную почву для дальнейшего ее развития и организационного оформления в XIX в. — веке расцвета русской гидрографии и возникновения отечественной океанографии.

Путь к экспедиции

В деле об определении воспитанников в Морской кадетский корпус за 1775 г. хранится документ, который пока является единственным известным проливающим свет на происхождение Гавриила Андреевича Сарычева. 5 ноября 1775 г. директор корпуса Иван Логинович Голенищев-Кутузов распорядился «означенного недоросля Сарычева в Морской кадетский корпус в кадеты на имеющиеся ныне вакансии определить, написать в список, во верности службы привести к присяге, наукам обучать и довольствовать против прочих». Из того же документа следует, что Сарычев происходит из мелкопоместных дворян Севского уезда. Отец его, имевший 5 душ крепостных, служил «в морских батальонах прапорщиком». А «ныне ему (Гавриилу Сарычеву.— А. А.) от роду двенадцатый год, российской грамоте читать и писать обучен»¹.

Не удалось обнаружить метрического свидетельства о рождении Г. А. Сарычева, хотя оно, несомненно, было представлено при поступлении в корпус. И, конечно, на основании его был составлен цитировавшийся выше документ. Из сравнения его с послужными списками, подписанными самим Сарычевым в позднейшие годы, можно заключить, что он родился в ноябре-декабре 1763 г.

Точное место рождения Сарычева не установлено, но можно предположить, что это были Кронштадт или Петербург, где постоянно служил отец. Мать Сарычева звали Маврой Афанасьевной². Отец умер, когда Сарычев учился в кор-

¹ Центральный государственный архив Военно-морского флота (далее — ЦГАВМФ), ф. 432, оп. 1, д. 183, лл. 86, 87.

² Там же, ф. 172, оп. 1, д. 408, ч. II, л. 148.

пусе, а мать еще в 1803 г. была жива. У Сарычева был брат Алексей (1760—1827), уже учившийся в корпусе, и сестра Любовь, вышедшая замуж за Безобразова. В переписке Г. А. Сарычева и его жены часто встречаются Петр Андреевич, Богдан Андреевич, Егор Андреевич и Елизавета Андреевна. Вполне возможно, что это его братья и сестра.

Вот и все, что нам удалось обнаружить в архивах о детских годах будущего ученого-гидрографа. К этому можно добавить еще ранний конспект юного Сарычева по географии, сохранившийся в личном фонде адмирала и хранившийся в Пушкинском доме³.

Молодой Сарычев учился в корпусе в такое время, когда еще был жив знаменитый гидрограф Федор Иванович Соimonов и еще находился на действительной службе не менее знаменитый гидрограф Алексей Иванович Нагаев, а одним из преподавателей корпуса являлся любимый кадетами профессор Николай Гаврилович Курганов.

Товарищами Сарычева по корпусу стали Дмитрий Сенявин, Петр Курганов, Евграф Тыртов, Алексей Ларионов, Николай Чупраков, Отто Гастфер, внуки выдающегося мореплавателя Христиан Беринг и Яков Беринг. А с 1777 г. Сарычев познакомился с Леонтием Спафарьевым, с которым на протяжении долгих лет затем сотрудничал на поприще гидрографической науки. Командиром третьей роты, в которую зачислили Сарычева, стал капитан-поручик Александр Шишков.

Это были времена, когда вся страна находилась под впечатлением «предерзостного бунта» Емельяна Пугачева. 24 февраля 1775 г. директор его докладывал начальству о прочтении воспитанникам указа о переименовании реки и города Яик, откуда пошел гулять по России Емельян Пугачев, в реку Урал и город Уральск. Был зачитан воспитанникам и указ Екатерины II от 19 декабря 1774 г. о последствиях Пугачевского восстания.

И, наверное, не случайно именно в это время появился указ Екатерины II от 17 марта 1775 г., по которому велено было «всех нижних строевых чинов, служащих в сухопутных и морских регулярных войсках, отныне впредь без суда не

³ Часть личного фонда Г. А. Сарычева (переписка семьи, некоторые документальные материалы) оказалась в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом); этот фонд использован в настоящей работе впервые.

наказывать батожем, кошками и плетью, ибо таковыя наказания не суть исправления, но сущая казнь»⁴.

В день заключения мира с Османской Портой — 10 июля 1775 г. воспитанники узнали о пожаловании адмиралу и кавалеру Алексею Ивановичу Нагаеву ордена Св. Александра Невского и об увольнении его от службы «с жалованьем, ныне получаемым вместо пенсiona»⁵. Ему было разрешено держать при доме караул, что было тогда особой высокой честью. Адмирал Нагаев не бросил своих занятий. Биограф Нагаева, его ученик М. Веревкин, писал: «Жестокие болезни, удручавшие его старость за четыре или пять лет до его кончины, не удерживали его от неусыпного, можно сказать, упражнения в сочинении и поправлении морских чертежей. Во внутреннем его жилище не было почти места, не занятого книгами или бумагами; в часы только сна и беседования с приятелями не имел он в руках своих пера, грифеля, циркуля или книги»⁶. Вместе с картографическими материалами Нагаев начал собирать материалы по истории флота, о жизни и деяниях выдающихся моряков и письма Петра I, с которым ему довелось еще в 1724 г. ходить на корабле «Екатерина» на закладку Рогервикской гавани. Намеревался Нагаев также издать подробное описание обоих путешествий Беринга и Чирикова и путешествий капитанов Креницына и Чичагова⁷.

В корпусе Гавриила Сарычев встретился со своим старшим братом Алексеем, учившимся уже второй год. От него он подробно узнал о порядках, преподавателях, предметах. Мальчик был приведен к присяге и собственноручно расписался на документе, который регламентировал отныне всю дальнейшую его жизнь. Наступили годы учебы. За третьей ротой последовала вторая — это прошел год, за второй — первая, и вот 1 мая 1778 г. кадет Сарычев стал гардемаринном. Позади три года учебы. Сарычев изучал математику, геометрию, географию и другие науки, «до морского офицера относящиеся». Впереди были кораблевождение, морская практика, корабельная архитектура, морская опись.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 181, лл. 17, 19, 21, 60.

⁵ Там же, л. 64.

⁶ «Сказание о мореплавании с присовокуплением краткого описания жизни адмирала Алексея Нагаева мичмана М. Веревкина», ч. 2. М., 1782, стр. 168.

⁷ Подробнее жизнь и деятельность А. И. Нагаева изложена в кн.: А. И. Алексеев. Адмирал Нагаев. Магадан, 1959.

В. О чем разсуждает Мат. География

О. О вѣстѣ вѣст и вѣстѣ земли и о различ-
ныхъ явленіяхъ зависящихъ отъ разнороднаго пово-
ненія частей ея поверхности въ разнородной
мѣрѣ небесныхъ.

В. Какія вѣстѣ земли въ разсужденіи земли

О Коперникове, Тихо Брахе и Птолемеи

В. Какое изъ силъ вѣстѣ почитается лучшая

О. Коперникова

В. Что полагаетъ Коперникъ въ центрѣ земли

О. вѣстѣ

О. солнца.

В. Какъ вѣстѣ должно въ разсужденіи

О. солнца

О. мѣсто на Эллиптикѣ и вѣстѣ его

В этом же году состоялось его первое плавание. Начальником учебного похода был подполковник корпуса Вилим Фондезин. Новоиспеченных гардемарин распределили на эскадру контр-адмирала Ивана Яковлевича Барша. Сарычев, Чупраков, Ларионов и Гастфер попали на фрегат «Св. Евстафий», которым командовал капитан-лейтенант Иван Исаков. На этом фрегате они проделали путь от Кронштадта до Ревеля (Таллина), несли вахту, знакомились с корабельным устройством, пробовали определять место корабля с помощью штурманских приборов. А чтобы они привыкали к обществу офицеров и набирались ума-разума, им не только предписали столоваться в офицерской кают-кампании, но и по очереди обедать у самого контр-адмирала.

В Ревеле 15-летние гардемарины ходили на экскурсии по городу. Фондезин водил их «по городовому валу, вокруг города то ж и все, что нужно к их любопытству», показывал⁸. Обратный путь к Кронштадту Сарычев с товарищами проделал на корабле «Александр Невский» под командой капитана 2-го ранга Кондратьева. Практика прошла успешно. Гардемарины оказались «поведения хорошего. Во обучении теории и в примечании практики были прилежны, содержали себя порядочно, поведения доброго ж»⁹.

Гардемаринские годы прошли в непрерывных дальних плаваниях. Юноши вплотную столкнулись с трудностями морской жизни, морской службы, они готовились стать в скором времени морскими офицерами. В 1780 г. гардемарины были в дальнем плавании на корабле «Не тронь меня». Они, обогнув Скандинавию, прошли от Архангельска до Кронштадта.

По возвращении Гавриил Сарычев и некоторые его товарищи предстали перед экзаменационной комиссией во главе с вице-адмиралом Самуилом Грейгом. В числе членов комиссии был и Николай Курганов. Адмирал Нагаев по состоянию здоровья не смог посетить родного корпуса. И вот 1 января 1781 г. Гавриил Сарычев стал офицером — его произвели в мичманы. А через неделю с небольшим весь военно-морской флот и ученый мир России скорбили по поводу кончины адмирала Алексея Ивановича Нагаева, первого ученого-гидрографа российского. Незадолго до этого в далеком Серпухове

⁸ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 377, лл. 38, 50 (рапорт В. Фондезина директору корпуса от 8 августа 1778 г.).

⁹ Там же, л. 154.

под Москвой скончался Федор Иванович Соймонов, один из основоположников гидрографической службы и науки в России. И вот теперь — другая утрата. Конечно, Сарычев не думал тогда, что именно ему предстояло продолжить и умножить труды маститых адмиралов, создать гидрографическую науку, использовавшую все последние зарубежные достижения и расцветшую на родных русских морских просторах.

Офицерская служба Сарычева началась в эскадре контр-адмирала Сухотина, которая направлялась из Кронштадта в Средиземное море. Сарычев был на корабле «Не тронь меня» под командованием капитана 1-го ранга Мельникова. Год назад он, гардемарин по последнему году, обошел на этом корабле северные берега Европы, а теперь, мичман-первогодок, плыл на нем мимо французских, португальских, испанских, итальянских, греческих и африканских берегов.

Вернулся Сарычев в Кронштадт в 1782 г. и сразу же был откомандирован на корабль «Три иерарха» для проводки под командой капитана Одинцова кораблей из Петербурга в Кронштадт. Затем Сарычев вновь попадает на «Не тронь меня». Только командиром его теперь был капитан 2-го ранга Калугин. Навигацию 1783 г. Сарычев провел со своим кораблем на Балтийском море.

В 1784 г. мичман Гавриил Сарычев в числе офицеров, среди которых находился и лейтенант Алексей Сарычев, был назначен описывать Днепр и его приток реку Сож.

Дебют гидрографических работ оказался удачным. Сарычев обрел уверенность в действиях, проявлял инициативу, получал полное удовлетворение от работы. Позже он писал об этом периоде деятельности: «Я был счастлив, что выдуманная мною правила описи были из всех лучшие, так что при сочинении мною карты положение реки с берегами оказалось верно и глубины ее означались в настоящих своих местах»¹¹. В результате появилась карта реки Сож от истоков до впадения в реку Днепр. «Составлена в 1784 году, в Гомеле флота капитаном Коковцевым с описей, произведенных штурманом Рогожниковым, капитан-лейтенантом Фоминым, мичманом Сарычевым Гаврилом, лейтенантом Сарычевым Алексеем, капитан-лейтенантом Бордуковым». На карте хорошо показаны глубины реки в футах, устья притоков, населенные

¹¹ Г. А. Сарычев. Правила, принадлежащая к Морской Геодезии... СПб., 1804, стр. 11.

пункты, границы земельных участков, прилегающих к реке, и фамилии их владельцев, надводные и подводные опасности¹².

Эти успехи и постоянные положительные аттестации предопределили дальнейшую судьбу Гавриила Сарычева. Русское правительство готовило большую экспедицию на северо-восток страны. Для ее проведения было много оснований. В результате экспедиций В. И. Беринга и А. И. Чирикова стало известно, что «Америка, против Камчатки лежащая, начинается островами, каков есть Берингов и его соседственные, и потому не без основания утвердить можно, что виденные места, мимо коих шли помянутые мореплаватели, суть острова и составляют архипелаг»¹³.

Великий ученый предполагал правильно. К востоку от Камчатки действительно расположилась большая цепь Алеутских островов. К ним и устремились мореходы, промышленники, купцы. Емельян Басов, Михаил Неводчиков и десятки других прокладывали пути к богатым морским и пушным зверем Алеутским островам. Почти каждый смельчак приносил известие о новом острове. Сведения об Алеутских островах попадали к сибирским губернаторам, а затем в Петербург. Сибирские губернаторы, и в частности один из них, известный ученый-моряк, гидрограф Ф. И. Соймонов, всячески поощряли инициативу мореходов и купцов. Соймонов даже организовал специальную экспедицию в район Берингова пролива под руководством лейтенанта И. Б. Синдта и сбор материалов по исследованию Крайнего Северо-Востока русскими людьми и местными жителями, в котором активное участие принимали Ф. Х. Плениснер, Т. И. и В. И. Шмалевы, К. М. Бем, Н. И. Дауркин, Я. Линденау, В. А. Хметевский и многие другие.

Заинтересовался Алеутскими островами и Ломоносов, который вообще живо реагировал на географические открытия в Арктике и в северной части Тихого океана. В 1763 г. он обратился к наследнику престола Павлу, занимавшему должность генерал-адмирала, с «Письмом о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном». По мысли Ломоносова, можно

¹² «Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве центрального картографического производства ВМФ». Л., 1958, № 565, стр. 131.

¹³ «Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова». СПб., 1854, стр. 65.

было в высоких широтах пройти Северным морским путем к Камчатке. Морская комиссия, рассматривавшая проект Ломоносова, согласилась с ним, с его доводами, и 14 мая 1764 г. появился указ о снаряжении экспедиции под начальством В. Я. Чичагова. Одновременно последовало распоряжение об организации экспедиции П. К. Креницына, который должен был встретиться с В. Я. Чичаговым в районе Берингова пролива и нанести на карту Алеутские острова.

Обширность замыслов видна из инструкции, в которой, в частности, говорилось: «Когда случится сойтись с отправленными на встречу с камчатскими судами, тогда, смотря по обстоятельствам, должно: 1) снабдить друг друга избытками, в чем у других недостаток; 2) показать и сообщить друг другу своих путешествий журналы; 3) взять друг у друга по два или по три человека на смену, так чтобы с Камчатки отъехавшие пришли в Колу (Баренцево море.— А. А.) обратным на кораблях путем и в Санкт-Петербург, а со здешней стороны пошедшие достигли бы в Камчатку, а оттуда Сибирю в Россию»¹⁴.

Экспедиция содержалась в строжайшей тайне, указ о ней не передавался даже сенату. Как известно, в результате двукратных попыток Чичагову не удалось пройти к востоку от Шпицбергена и на сем эта экспедиция кончилась. Судьба же экспедиции Креницына была иной.

Но сначала несколько слов о самом Креницыне. Дата рождения Петра Кузьмича Креницына не установлена. Известно, что учился он в Морской академии, куда поступил 16 октября 1742 г. Товарищами его по учебе были помощники В. Я. Чичагова Василий Бабаев и Никифор Панов, а также будущий ученик и биограф адмирала А. И. Нагаева Михаил Веревкин. 16 октября 1743 г. Креницын стал гардемаринном, а приказом Адмиралтейств-коллегии № 1581 от 24 мая 1748 г. «написан в мичманы»¹⁵.

Вся офицерская служба Креницына прошла на Балтийском море, где он ежегодно плавал и выполнял гидрографические работы. В 1756 г. он совершил переход из Архангельска в Кронштадт, в 1757 г. стал лейтенантом и, будучи командиром бомбардирского судна «Юпитер», принимал активное участие в Северной войне. За отличие в 1762 г. он произве-

¹⁴ «Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова», стр. XLIV.

¹⁵ «Материалы для истории русского флота», ч. X. СПб., 1883, стр. 30.

ден в капитан-лейтенанты и назначен командиром фрегата «Россия». В мае 1764 г. Креницын назначается начальником экспедиции и 4 июня того же года производится в капитаны 2-го ранга.

Помощником Креницына был назначен капитан-лейтенант Михаил Дмитриевич Левашев. Он поступил в Морскую академию 6 сентября 1751 г. и в 1753 г. был определен кадетом в Морской корпус. 6 ноября 1757 г. он — гардемарин, а 6 июля 1758 г. — мичман. Как и Креницын, Левашев службу провел на Балтике, участвовал в Северной войне, плавал из Архангельска в Кронштадт. 22 мая 1764 г. он был произведен в лейтенанты, а 1 июля того же года в связи с назначением в экспедицию стал капитан-лейтенантом.

Из Петербурга экспедиция выехала 1 июля 1764 г. и только в октябре 1765 г. прибыла в Охотск. По пути, в Тобольске от нового сибирского губернатора Д. И. Чичерина Креницыну была дана инструкция, в которой говорилось: «За главнейшее основание порученной вам экспедиции поставляю несколько уже известных, сысканных купцами Алеутских островов, основательное описание и положение оных на карту сделать, а особливо большого и многолюдного острова Кадык; приложив всевозможное старание, обходя его вокруг описать весьма нужно: остров то или матерая земля, ибо на показании бывших на том острове наших людей утвердиться не можно»¹⁶.

Охотские власти предоставили в распоряжение экспедиции все средства порта. Были снаряжены четыре судна: бригантина «Св. Екатерина» (72 человека) под командой П. К. Креницына, гукор «Св. Павел» (52 человека) под командой М. Д. Левашева, галиот «Св. Павел» (43 человека) во главе со штурманом Афанасием Дудиным 2-м и бот «Св. Гавриил» (21 человек) — командир Афанасий Дудин 1-й.

10 октября суда вышли в море и через несколько дней потеряли друг друга из виду. Всем им не удалось благополучно подойти к Камчатке. Осенние охотские штормы сделали свое дело. «Св. Екатерину» в ночь на 25 октября выбросило на береговую отмель в 25 верстах выше Большерецка. Команда с большим трудом перебралась на берег. Гукор. «Св. Павел»

¹⁶ А. П. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. — «Зап. Гидрогр. департамента», ч. X. СПб., 1852, стр. 78—79.

сумел войти в устье реки Большой, но вынужден был также выброситься на берег, так как оба каната лопнули. «Св. Гавриила» постигла та же участь, что и «Св. Павла». Самая же интересная судьба — у галиота «Св. Павел» (Дудин 2-й). Он был вынесен в Тихий океан через Четвертый Курильский пролив, его около месяца носило по океану. 21 ноября галиот сумел подойти к Авачинской губе, но льдом был снова отнесен в море, «странствовал еще целый месяц, потерял бушприт, рею, все паруса и канаты и, уже не имея ни воды, ни дров, пустился прямо к берегу и выскочил на седьмой Курильский остров»¹⁷. Погибли 30 человек, спаслись только 13, и в том числе командир. Зиму они провели на острове и на следующий год сумели добраться до Большерецка.

Неудачи не сломили воли руководителей экспедиции. В Большерецке приготовили к плаванию гукор «Св. Павел» и бот «Св. Гавриил». Креницын вызвал из Нижнекамчатска известных камчатских мореходов Степана Глотова и Ивана Соловьева. 17 августа 1767 г. суда вышли из Большерецка и, обогнув Камчатку, 6 сентября прибыли в Нижнекамчатск. По пути выяснилось, что бот «Св. Гавриил» течет и для дальнейшего плавания непригоден. Креницын воспользовался галиотом «Св. Екатерина», оставшимся здесь после плаваний к Берингову проливу И. Б. Синдта. Зима ушла на ремонт судов, подготовку экспедиции, расспросы мореходов.

23 июля 1768 г. галиот «Св. Екатерина» и гукор «Св. Павел» из устья реки Камчатки отправились к Алеутским островам. 30 июля они прошли проливом между островами Беринга и Медный. 11 августа суда разлучились. Креницын и Левашев самостоятельно описывали Алеутские острова. Креницын опознал остров Сигуам и остров Амукту, а Левашев — остров Акутан. У Уналашки они встретились, подошли к острову Унимак, положили его на карту. 1 и 2 сентября оба судна описывали побережье, полуострова Аляска и 5 числа вновь разлучились, на этот раз уже надолго. Некоторое время они продолжали порознь описывать острова, а затем встали на зимовку.

Креницын зимовал в заливе своего имени на восточном побережье острова Унимак, а Левашев — на Уналашке в Капитанском заливе. Зимовки были тяжелыми, особенно для Креницына. С местным населением очень долго не удавалось

¹⁷ А. П. Соколов. Летопись крушений и пожаров судов русского флота (1713—1853). СПб., 1855, стр. 14.

паладить дружественных отношений, и это сказывалось на положении экипажа. Во время зимовки погибли от цинги 60 человек, а оставшиеся в живых 12 человек были обязаны жизнью приходу Левашева.

Левашеву, зимовавшему вблизи селения, удалось договориться с алеутами и через них 10 мая 1769 г. установить связь с начальником экспедиции, а затем и прийти ему на помощь. Это произошло 6 июня 1769 г., а 23 июня суда покинули печальное место зимовки Креницына. В числе многих там остались лежать навечно Афанасий Дудин 1-й и известный мореход, первооткрыватель островов Кадьяк и Умнак Степан Глотов.

Через три дня суда вновь разлучились и пришли в Нижнекамчатск самостоятельно. 29 июня Креницын был уже там, а Левашев все лето проплавал южнее Уналашки и Умнака, положил на карту Четырехсопочные острова и прибыл в устье Камчатки только 24 августа.

Зиму экспедиция провела в Нижнекамчатске. Местные власти не проявили должного внимания к ней, и, для того чтобы найти себе пропитание, многие члены экспедиции организовали рыбный промысел и этим обеспечили себе существование. Но как бы то ни было, к лету 1770 г. суда были готовы отправиться в Охотск. 4 июля 1770 г. П. К. Креницын, теперь уже капитан 1-го ранга, выехал в исходе первого часа на лодке-однодеревке из Нижнекамчатска по реке Камчатке к тому месту, где стояла «Св. Екатерина», для окончательного осмотра судна перед выходом в море. Вместе с ним были казаки Семен Каюков — в носу лодки, Василий Сизов — на корме, Иван Черепанов, алеут, стоял позади Креницына. Четвертый казак, Михаил Замятин, был послан за травой, но что-то замешкался и остался на берегу. Возвращаясь назад, он увидел, что лодка перевернулась, «а его высокоблагородия (Креницына. — А. А.) только одну голову по бровей и руками раза два кверху бултыхающего и потом опустил вниз»¹⁸. Вместе с Креницыным утонул и Иван Черепанов. Каюков и Сизов сумели выбраться на берег. Так неожиданно погиб П. К. Креницын.

Левашев принял командование, и суда 8 июля вышли в море, а 4 августа прибыли в Охотск. Здесь они были сданы, команда отправлена к местам своих служб, а Левашев вернулся в Петербург 22 октября 1771 г. К этому времени он

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 214, оп. I, д. 86, л. 157.

был уже капитан 2-го ранга, а 22 ноября 1771 г. был произведен в капитаны 1-го ранга. Левашев прослужил на флоте до 1773 г., когда был по болезни уволен в отставку в чине капитан-командора. Точная дата смерти его неизвестна (1774—1776 гг.).

Экспедиция Креницына имела огромное политическое и научное значение. Она продемонстрировала перед всем миром решимость русского правительства закрепить успехи русских мореходов. Впервые Алеутские острова были исследованы с научными целями. Достоверные сведения о природе, жителях, расположении Алеутских островов и части Аляски возбудили еще больший интерес к ним и послужили толчком к организации других русских экспедиций. Вскоре на Кадьяке оказался Г. И. Шелихов, появились постоянные русские селения.

Россия не могла в дальнейшем пройти мимо того, что открытые русскими людьми большие пространства Северной Америки и острова Алеутской гряды стали все больше делаться предметом особого внимания иностранцев, которые появлялись в русских водах. Обострились отношения России с Испанией. Владычица морей Великобритания направила сюда знаменитого Джемса Кука. Здесь появились представители Ост-Индской компании. Немало беспокойства доставляли царскому правительству и жители Крайнего Северо-Востока — «немирные чукчи».

Все это — политические соображения и научные задачи — заставляло русское правительство обратить самое серьезное внимание на свои дальневосточные владения. Надо было укрепить Крайний Северо-Восток. Было принято решение об организации экспедиции в этот район. Начальником экспедиции назначался Иосиф Биллингс¹⁹. Этой экспедиции посвящено много исследований, к которым мы и отсылаем заинтересовавшихся²⁰. Мы же проследим лишь за участием в этой

¹⁹ Биографические сведения о нем. см. в главе «О некоторых спорных вопросах экспедиции».

²⁰ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год, ч. I и II. СПб., 1802; Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северо-восточному океану в 1791 году. СПб., 1811; M. Sayer. An account of a geographical

экспедиции Г. А. Сарычева, введем в научный оборот некоторые новые архивные материалы и постараемся выяснить спорные вопросы, по ряду причин получившие хождение после смерти Иосифа Биллингса.

В указе Екатерины II Адмиралтейств-коллегии от 8 августа 1785 г. об организации экспедиции с исчерпывающей полнотой определены ее задачи. Географическая и астрономическая экспедиция в Северо-восточную часть России организовывалась «для определения степеней долготы и широты устья реки Колымы, положения на карту берегов всего Чукотского носа до мыса Восточного, також многих островов, в Восточном океане к Американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матерю землею Иркутской губернии и противоположными берегами Америки».

Более конкретно и четко главная задача экспедиции была записана в статье X «Наставления» начальнику экспедиции, которая составлялась при непосредственном участии академика П. С. Палласа: «Вы должны поставить себе главную должностию сочинение точнейшей сим островам (Алеутским и пр.— А. А.) карты, определяя их расстояние частыми наблюдениями и стараясь паче всего провести о находящихся там лучших пристанях. Вы должны простираť сии изыскания даже до берегов Америки и паче всего обращать внимание на острова, редко еще посещаемые и не совершенно известные, лежащие вдоль и под ветром сих берегов на восток острова Унимака и Большого носа Аляски, составляющего

and astronomical expedition to the northern parts of Russia by commodore Joseph Billings in the years 1785 to 1794. London, 1802.

Основная литература об экспедиции: А. С. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке.— «Морской сборник», 1869, № 7; В. Н. Берх. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны, ч. I. СПб., 1821; Н. Н. Зубов. Г. А. Сарычев.— В кн.: «Русские мореплаватели». М., 1953 и в кн.: «Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов». М., 1954; Е. Е. Шведе, Г. А. Сарычев.— В кн.: «Отечественные физико-географы и путешественники». М., 1959; М. И. Белов «История открытия и освоения Северного морского пути», т. I. Л., 1956, стр. 421—439; М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг.— «Летопись Севера», т. II. М., 1957; А. И. Алексеев. Братья Шмалевы. Магадан, 1958; он же. Ученый чукча — Николай Дауркин. Магадан, 1961; он же. Братья Шмалевы. Жизнь и деятельность.— «Летопись Севера», т. III. М., 1961; он же. Г. А. Сарычев — выдающийся мореплаватель и ученый.— «Изв. Всес. Геогр. об-ва», 1964, т. 96, № 2 и др.

часть матерой земли, как, например: Саннах, Кадьяк и Лесной, острова Шумагинские и Туманный, виденные Берингом и другие»²¹.

Биллингсу поручалось также постараться, «сколько возможно, сведать о земле чукчев, силе и нравах сего народа, а при случае потрудитесь своим поведением склонить к утверждению сего народа в зависимость от России и о добром мнении о прочности правления, под которым они находятся»²². В той же инструкции указывалось, что нужно было «стараться дойти по суку, по льду и водою до самого главного мыса Чукотского». На Чукотке Биллингсу поручалось как можно обстоятельнее ознакомиться с бытом чукчей и других народностей. Экспедиции предписывалось пройти морем из Нижнеколымска в Тихий океан, где начать исследовательские работы на Алеутских островах, в Аляскинском архипелаге, у северо-западных берегов Америки на судах, построенных в Охотске или на Камчатке. В случае же, если бы плавание из Нижнеколымска оказалось неудачным, то Биллингсу надлежало перебраться в Камчатку и отсюда начать исследовательские работы, по окончании которых требовалось повторить попытку описать северо-восточное побережье Азии вплоть до высадки на берег или плавания вдоль его на байдарках.

Помощниками Биллингса были назначены лейтенанты Роберт Галл, Гавриил Андреевич Сарычев и Христиан Тимофеевич Беринг. В составе экспедиции были: натуралист доктор Карл Генрих Мерк, его помощники Данила Гауз, Иван Меин, Карл Кребс, лекари Михаил Робек, Петр Алэгретти, Антон Лейман, Василий Волошанов, штурманы Гавриил Прибылов, Сергей Бронников, Антон Батаков, геодезисты Алексей Гилев и Осип Худяков, художник Лука Воронин, капитан Тимофей Шмалев, ученый-самоучка чукча Николай Дауркин, сотник Иван Кобелев и др. — всего 141 человек. Сюда не входит большое число местных жителей, солдат, привлеченных Биллингсом. Участникам экспедиции были даны большие привилегии. По достижении устья Колымы все офицеры произво­дился в следующий чин, а по прибытии к берегам Северной Америки — в последующий. Кроме того, всем чинам экспеди-

²¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., стр. 287.

²² М. И. Белов. История открытия и освоения Северного Морского пути, т. 1. Л., 1956, стр. 422.

ции выплачивалось двойное жалование и предусматривалось особое денежное вознаграждение.

Экспедиция была хорошо снабжена астрономическими, навигационными, метеорологическими, геодезическими инструментами, имела все новейшие карты и описания районов плавания и другое снаряжение. Все планы ее держались в строжайшем секрете.

Сарычев еще в корпусе проявлял интерес к Сибири и Дальнему Востоку. Открытие русскими Америки со стороны Тихого океана и Алеутских островов экспедицией Витуса Беринга, с внуками которого столько лет вместе провел юноша, недавняя экспедиция Креницына, с участниками которой часто встречался гардемарин Сарычев в Кронштадте и Петербурге, будоражили молодой пытливый ум. И естественно, что когда стало известно об экспедиции, то Сарычев и Беринг оказались в числе первых, подавших рапорты и получивших разрешение Адмиралтейств-коллегии.

Сарычев хорошо понимал, каких испытаний потребует от него предстоящая экспедиция. Он хорошо знал также, что тех знаний, которые получил он в корпусе и во время плаваний, не всегда будет достаточно. Несмотря на то что начальник экспедиции сам хорошо разбирался в новейших астрономических приборах и определениях, Сарычев решил пройти астрономическую практику при Академии наук и обратился с рапортом к президенту Адмиралтейств-коллегии графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. А тот адресовал Сарычева к П. С. Палласу со следующим письмом (от 31 августа 1785 г.):

«Государь мой Петр Симонович!

Думаю, что и самим вам будет приятна просьба сего вручителя господина поручика флота Сарычева, с которою он ко мне адресовался. Он отправляется в числе прочих морских офицеров с господином Биллингсом; знает очень хорошо свою морского офицера должность и довольно математику, но не случалось никогда делать ему астрономических примечаний долготы и широты. Сие то хочется ему видеть на практике и для сего просил он меня, чтобы адресовать его к вам, государь мой.

Много одолжить меня изволите, ежели ему и другим еще с ним же отправляющимся офицерам, которые явятся у вас с ним, пожалуете, буде то можно, покажете хотя однажды практику тех примечаний на здешней Академической обсерватории и притом пожалуйте изъясните им и употребление

некоторых им еще мало известных инструментов, кои берет с собою господин Биллингс.

О дозволении ходить на обсерваторию просил ея сиятельство княгиню Дашкову, которая охотно на то согласилась и хотела дать о том свое повеление»²³. Таким образом, по инициативе Сарычева офицеры экспедиции сумели ознакомиться, хотя и очень кратко, с методикой астрономических определений.

Понемногу Сарычев узнавал и других спутников по экспедиции. В самый последний момент ему представился совсем юный рисовальный мастер Лука Воронин.

Получены пакеты к сибирскому генерал-губернатору, оформлены документы, выслушаны последние напутствия несравненной матушки, которой любящий сын оставил денежный аттестат на 50 руб. на все время путешествий, усвоены советы старшего брата, запечатлены на щеках поцелуи сестры — и поручик²⁴ Гавриил Сарычев в сопровождении двух мастеровых отбыл 12 сентября 1785 г. из Петербурга навстречу неизведанному.

²³ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 414, л. 55об.

²⁴ Чин, соответствовавший лейтенантскому, был получен Сарычевым 1 мая 1785 г.

В морях и странствиях

Именно Сарычев выехал с передовым отрядом мастеровых «для предварительного приготовления к экспедиции». Молодой офицер очень ревностно относился к порученному ему делу. 14 сентября Сарычев был уже в Новгороде, 18-го — в Твери, 20-го — в Москве, 22-го — во Владимире, 2-го октября — в Казани, а 19-го он писал рапорт И. Г. Чернышеву уже из Тобольска. Появившись 10 ноября в Иркутске, Сарычев развил энергичную деятельность, ходил по ведомствам генерал-губернатора, требуя, «чтоб для постройки новых судов сделать все нужные орудия и запастись материалами здесь в нынешнюю еще зиму, а будущим летом доставить в Охотске»¹.

В Якутске, куда он прибыл 10 января 1786 г., ему много говорили о трудностях пути в Охотск и советовали дожидаться весны. Но Сарычев был непреклонен: «Я, не хотя упустить времени, решился непременно ехать, каковыя бы, впрочем, ни могли повстречаться со мною трудности и беспокойства»². Но вместе с тем он не упускал случая ближе познакомиться с жизнью города. В письме секретарю Чернышева М. И. Антоновскому от 14 января 1786 г. Сарычев писал: «Здесь каждый купец совершенно умеет по-якудски говорить и чрез то употребляет всякие хитрости: берут с собою водку, ездят по якутам и стараются обманывать, поят и после меняют подчёрнутых соболей на хороших; тако же покупают за дешёвую цену всякие меха»³.

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I. СПб., 1802, стр. 16.

² Там же, стр. 18.

³ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 408, ч. I, л. 178.

Верхами с вьюками небольшой отряд 22 января отправился через якутские улусы. 350 верст шли до реки Алдана по равнинной местности с сенокосными лугами, лиственничными и березовыми лесами. Сарычев внимательно следил за природой, заносил в дневник все достойное внимания. Он описывает якутов, их обычаи, верования, отмечает их страсть к табаку и водке, подробно рассказывает об их жилище, одежде, домашнем скоте.

Дорога на Оймякон была трудна, но только один раз в записях Сарычева встречается указание, что путешествие становилось уже несносным, что стало невозможным с утра до вечера сидеть на лошади, а ночи проводить, зарывшись в снег. С Оймякона участники похода ехали уже с оленными тунгусами — лошади не шли по глубокому снегу. Было уже начало марта. Две семьи тунгусов, 25 оленей — вот постоянные попутчики Сарычева от Оймякона до Охотска. На оленях ехать было еще труднее, чем на лошадях: седла без подпруг и без стремян. Описания мест, зарисовки кочевых тунгусов день ото дня прибавлялись в поденном журнале молодого офицера: «Сии народы ведут кочевую жизнь и зимою, и летом. Они беспрестанно переселяются с места на место, со всем своим домом, семьею и имением и редко где простоят неделю по нужде, то есть по причине ненастья или для промыслу зверей; впрочем, почитают за великое наказание долго жить на одном месте»⁴.

Наступил момент, когда стало невозможным ехать и на оленях. От селения Арка путешествовали на нартах в собачьей упряжке. 27 марта Сарычев появился в Охотске. Этот город считался областным. Ему подчинялись Камчатка, Алеутские и Курильские острова, Чукотка и все побережье Охотского моря от Охотска до Камчатки — иными словами, весь Охотско-Чукотско-Камчатский обширный край со всеми прилежащими островами. Впечатление от Охотска у Сарычева было самое плохое. В письме к Антоновскому он сообщал: «Город Охотск, если только можно назвать сим именем, в рассуждении строения и жителей более походит на оставленный без призрения гошпиталь. Доведен же до такого состояния бывшими здесь командирами, которые старались более о своей пользе, нежели общей»⁵.

⁴ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 35.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 408, л. 180—180об.

Из Охотска, как и из Петропавловска и Нижнекамчатска, плавали к Алеутским островам и к берегам Северной Америки промышленники, мореходы. Сарычев узнал, как снаряжались такие промышленные экспедиции. От купцов назначался передовщик, опытный промысловик, а от правительства — штурман, мореход. Осмотрев портовые суда, Сарычев пришел к выводу, что нужно строить новые. Бывшие там два судна экспедиции Креницына были негодны, а прочие три находились на Камчатке. На них рассчитывать не приходилось.

Вместе с временным охотским начальником И. Г. Кохом Сарычев в апреле отправился на лыжах осматривать леса. Обошли за полмесяца более 70 верст и в урочищах Чернолесье и Мундуканском на правом берегу реки Охоты «нашли его столько, что без нужды могли заготовить на оба судна». С наступлением весны развернулись лесозаготовительные работы. В конце апреля вскрылась Охота, пошла рыба и здоровье людей улучшилось. Вечерами после долгого и трудного дня Сарычев садится за поденные записки, занося туда впечатления о большом ходе рыбы, о ловле ее самыми примитивными способами, об устройстве коптилен. Затем его заинтересовали перелетные птицы. Он пишет про ловлю на взморье морских уток — турканов, про морских чаек — «говорушек, мартышек и разбойников», упоминает лесных птиц — тетеревов, рябчиков, куропаток, орлов белохвостых, наблюдает за водяными воробьями — нырками.

В начале июля в Охотск прибыл Биллингс, а вслед за ним Галл, Мерк с припасами и командой. Сарычев узнал, что он 7 марта 1786 г. повышен в чине. Теперь он капитан-поручик, или капитан-лейтенант. По приказанию начальника экспедиции Сарычев сдал строительство судов Галлу. Сам же 1 августа на сотне лучших лошадей с 20 казаками и грузом, в сопровождении Бакова, Робека, Батакова и Воронина отправился в далекий путь через горы в Верхнеколымский острог. Вслед за ним выехали Биллингс, Мерк, Меин и сопровождающие их казаки.

Этот исключительно тяжелый переход через Охотско-Колымское нагорье и хребет Черского оказался очень полезным для науки благодаря участию в нем Сарычева, который даже в самых трудных условиях успевал наблюдать за природой, сравнивать, делать выводы. К северу от Охотска в долине реки Охоты дорога была хорошей и «везде представляла места прекрасные». Вокруг росла лиственница, а местами березняк, ольховник, ивы и тополи, по сторонам дороги — мно-

Вид местности вблизи реки Оймякон

Рис. Л. А. Воронина

жество шиповника и жимолости. Попадались голубица и княженика. Трава на полях везде была густая и высокая. Сарычев говорит, что «это доказывает тучность земли». А вот то, что здесь все-таки хлеб не может родиться, «приписывать должно не неплодию земли, но краткости лета, глубоким снегам, которые не растаивают местами до половины июня, и влажным холодным погодам, часто бывающим в такое время, когда нужны жары, чтобы хлеб мог созреть»⁶. Поэтому плохо росли в этих местах и огородные овощи за исключением картофеля, редьки и моркови.

В Арке Сарычева догнал Биллингс, и с 5 по 15 августа они путешествовали вместе, а затем Биллингс с Мерком и двумя егерями ушел вперед. В Арке Сарычев наблюдал, как местные жители веселились, исполняли традиционные танцы, и у него в записях появились примечательные слова: «Сколь ни бедно кажется состояние сих людей, но они гораз-

⁶ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 52.

до им довольнее, нежели просвещенные в непрерывном довольстве живущие богачи»⁷.

Более 400 верст прошли Сарычев и его спутники по берегу реки, но затем сбежал их проводник. Они едва сумели догнать Биллингса, идя по его следам. Потом Биллингс снова уехал вперед. С 29 августа отряд вступил в горные районы. Сразу же переправлялись через два хребта «один от другого в версте: первый покрыт мелким лиственничным лесом, мохом и кустами кедровника, растущего не выше двух саженей и приносящего плод через два года; другой, отменной высоты против всех виденных нами хребтов, простирается грядою от юго-востока к северо-западу: снизу до половины только покрыт мохом, верх его состоит из голого камня»⁸.

Этот хребет, по мнению Сарычева, находился в 25 верстах от Оймякона. Теперь на карте он носит имя Сарычева. Преодолев еще два хребта, участники похода вышли к реке Моме, впадающей в Индигирку. С нее перешли в верховья реки Зырянки, текущей в Колыму.

В Верхнеколымске встретили Беринга, который шел туда из Якутска и много имущества растерял по пути. Острог стоит на реке Ясашной (Ясачной), ширина которой в этом месте не превышала 90 саженей. В конце ноября на реке заложили первое судно длиной в 45 футов.

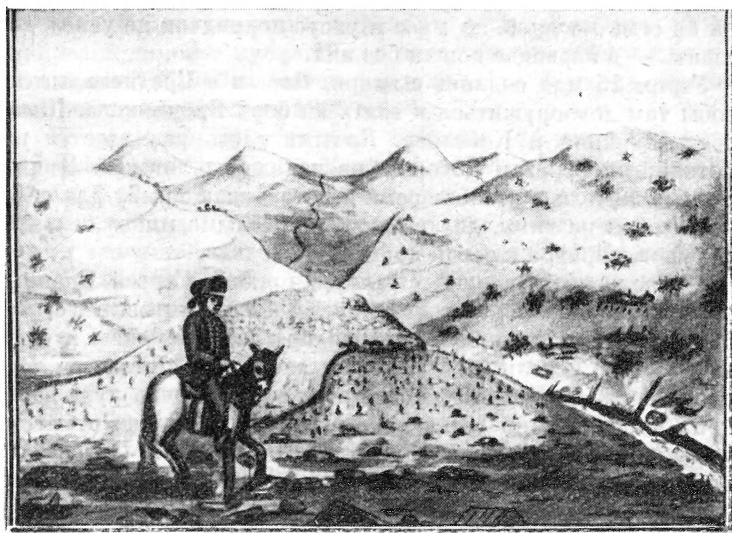
Зима была суровой. В январе морозы доходили до 43° «и стужа была несносная, так что захватывало дыхание, выходящий же изо рта пар мгновенно превращался в мельчащие льдинки, которые от взаимного трения производили шум, подобный небольшому треску»⁹. Солнце показывалось на горизонте только около полудня, и то на самое короткое время. Сарычев отметил, что при самых жестоких морозах здесь почти не бывает ветра, а как только начинается ветер, так уменьшается мороз. Ртутными термометрами пользоваться было нельзя. Уже при 30° мороза самая чистая ртуть превращалась в твердое вещество. Сарычев пользовался спиртовыми термометрами. Биллингс и Мерк съездили зимой к жившим неподалеку юкагирам. Сарычев воспользовался этой поездкой и собрал сведения об этом народе.

А тем временем Баков заканчивал первое судно, в апреле

⁷ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 54.

⁸ Там же, стр. 58.

⁹ Там же, стр. 67.

Вид хребта Черского

Рис. Л. А. Воронина

заложили другое, поменьше, длиной 28 футов. Сарычев строил гребные суда. 15 мая река вскрылась ото льда, можно было спускать суда на воду. 18 мая спустили «Паллас» — так называли большое судно в честь П. С. Палласа, а на другой день — «Ясашну», малое судно, названное по имени реки Ясашной. Вскоре вода вышла из берегов, затопила строения экспедиции и команда перебралась на суда.

Начались последние приготовления к плаванию Ледовитым океаном по пути Семена Дежнева и Федота Алексеева. Главная трудность состояла в отсутствии моряков в экспедиции. У Сарычева, командовавшего «Ясашной» (на «Палласе» находился Биллингс), морское дело знал он сам и боцманмат. Сарычев сумел за короткое время обучить двух геодезистов вести судовой журнал, мерять лотом глубины и разбираться в показаниях компаса. Третьего геодезиста он приспособил к комиссариатским делам, а трех казаков срочно обучил рулевому делу. Он принял все меры к тому, чтобы управлять судном самым легчайшим способом; вдобавок ко всему по бортам были приделаны по два весла, которые оказались весьма кстати при плавании во льдах. Было взято продовольст-

вия на семь месяцев, но мясо и уксус подрядчик не успел доставить — в плавание пошли без них.

Утром 25 мая снялись с якоря. Пошли в Среднеколымск, чтобы там довооружиться и взять на борт Бронникова, Шмалева, Дауркина и Кобелева. Колыма здесь распадается на протоки, по берегам которых расположены летовья. В них местные жители в летнее время заготавливают рыбу для себя и для собак на зиму, делая юколу. В Колыме много нельмы, муксунов, чиров, а к осени появляется сельдь.

В Среднеколымске на «Паллас» прибыл Сергей Бронников, доставивший из Охотска через Гижигу китовый ус, необходимый при строительстве байдар. Тем временем и суда были готовы, успели даже отковать якорь для «Палласа». Вечером 11 июня поплыли дальше и на седьмой день пути встали на якорь против устья реки Омолона. Сарычев отметил, что на одном из притоков Омолона — Омолонской Магазейке, впадающей слева, верстах в 400 от устья имелось древнее строение, сохранившееся от первых казаков, приплывших в Колыму с Лены морем и затем поднявшихся по Колыме до Омолона и дальше по этому притоку до его верховьев.

На летовье у Омолона к Сарычеву на судно перебрался известный исследователь и историк края капитан Тимофей Иванович Шмалев, а к Биллингсу — сотник Иван Кобелев и чукотский переводчик, ученый-самоучка Николай Иванович Дауркин. Они прибыли из Гижиги для того, «чтобы во время плавания по Ледовитому морю, в случае встречи с чукчами, можно было лучше приласкать сих диких людей»¹⁰.

В Нижнеколымске встали на якорь против впадения в Колыму Большого Анюя и Сухого Анюя. Было время большого плава оленей. И Сарычев отметил, какое большое значение для жителей имеют олени и олений промысел. Оленей бьют во время переправы животных два раза в году: весной, когда дикие олени валом идут из лесов к морю, спасаясь от комаров, и осенью, когда они возвращаются обратно. Вот тогда-то казаки, юкагиры бьют оленей на своих лодках-ветках в воде. Олени плывут не все вдруг, а один за другим, и каждый охотник успевает набить штук до 60 в день.

Закончив последние приготовления, суда вышли в плавание: 19 июня снялся с якоря «Паллас», а через день — «Ясашна». Сарычев успевает в таких трудных условиях са-

¹⁰ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 77.

мостоятельного плавания описывать реку Колыму. Вскоре миновали зимовье купца Шалаурова, построенное им на правом берегу в 1763 г., затем увидели маяк Дмитрия Лаптева, поставленный им еще в 1735 г.

По достижении устья реки Колымы (24 июня) Биллингс в соответствии с указом Екатерины II стал капитаном 2-го ранга. В этот же день в полдень суда вышли в океан. Уже на следующий день путешественники увидели льды, которые ветром и течением гнало к берегу. Долго искали пути на восток между льдом и берегом, который Сарычев охарактеризовал так: «Весь он одет мохом и травой; инде растет стелящийся по земле в фут длиною ивняк и березняк; изредка видны мелкие цветочки. На вершинах гор и внизу под утесами лежит оледенелый снег толщиной сажени в две. Здесь видели четырех медведей и стадо оленей»¹¹.

Трое суток простояли на одном месте, затем лед позволил пройти на 8 миль вперед. И опять стали. Ветра не было, и льдины спокойно плавали вдоль берега. Сарычев и здесь не упустил случая провести наблюдения. Он обратил внимание на направление течения и на приливы, «ибо заметили по поставленному у берега шесту, что чувствительной перемены в прибывании воды не было»¹². Он провел здесь астрономические наблюдения и пришел к выводу, что на всех картах берег оказался севернее почти на 2°. Его наблюдения — 69°29', что почти соответствует истинному положению устья Колымы.

1 июля суда снялись с якоря и пытались в течение пяти суток идти к северу. После безуспешных попыток направились к востоку и с невероятными трудностями добрались до Баранова Камня, где встали на якорь. Офицеры сошли на берег. Сарычев, внимательно осматривая местность, обнаружил крест. «Судя по ветхости креста, — записал он, — можно предполагать, что он поставлен во время плавания на коках, около 1640 года»¹³. Любопытное упоминание об экспедиции Ф. Алексеева и С. Дежнева, ранее не отмечавшееся историками географии! С высоты Баранова Камня начальник экспедиции убедился, что море на северо-восток сплошь покрыто непроходимыми льдами. Решено было переждать время и возвратиться к устью Колымы.

¹¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 84.

¹² Там же, стр. 85.

¹³ Там же, стр. 92.

17 июля предприняли новую попытку, но неудачную. До 22 июля шли прогалинами между льдинами, а затем вынуждены были вновь возвратиться к Баранову Камню. Биллингс видел, что пути вперед морем нет, он созвал совет офицеров, на котором решался вопрос: что делать дальше? Об этом он писал в своем «Журнале или поденнике» (этот документ до сего времени не был опубликован); «В 7-м часу капитан-лейтенант Сарычев приехал к нам с „Ясашного“ с капитаном Шмалевым. Я тотчас собрал всех офицеров на совет; прочитал им 7-й пункт данной мне инструкции, в силу которой я начал плавать по Ледовитому морю в 24-е число июня на „Палласе“ и на „Ясашной“, которые были беспрестанно затираемы плывучими по морю льдинами. Все офицеры единогласно сказали, что лед отнимает возможность проезда, что нечего далее предпринимать, разве хотя б чтобы судно совершенно погибло; чему бы, конечно, быть, есть ли бы мы не поворотились назад в 10-м часу до полуночи. Рапорт штурмана Бронникова от 7 июля утверждает подобным образом, что никакого возможного проезда нет даже и для байдары. Лед стоит плотно у восточного берега и оттуда простирается на север без конца, сколько зрением можно обнять горизонт в ту сторону; так оной лед еще и теперь стоит. А погода становится холоднее со дня на день, и сие доказывает ясно, что оной лед не растает; и невероятно даже, чтоб он разбился ветрами или волнением моря и разнесся бы по океану. Следовательно, не о чем-де думать о другом, как только о возвращении нашем в Нижне-Колымск. Сей приговор подписан штурманом Бронниковым, штурманом Батаковым, шкипером Афанасьем Батовым, капитаном Тимофеем Шмалевым, Гавриилом Сарычевым и Иосифом Биллингсом»¹⁴.

Соответствующую запись сделал в журнале, веденном на «Ясашне», и Сарычев: «В 1/2 6-го часу приезжал от начальника экспедиции катер за призывом на судно „Паллас“ командующаго судна „Ясашны“ и находящегося на оном капитана Шмалева и по возвращении командующей объявил, что с общего согласия штаб- и обер-офицерами канцилиум (консилиум.— А. А.) положено за невозможностию для великих льдов следовать далее и за поздним временем возвратиться назад»¹⁵.

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 159, лл. 174об.—176.

¹⁵ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 198, л. 53.

17 87 = 2000

тогда по прощенью туману увидишь
весь берег: — от камня къ водѣ
нагинаясь не высокой и ровной ~~своею~~
кончится въ дали горами, по вершинам
видно несколько наметаного снега — къ
югу За ровными мѣстами въ дали
видны хребты.

Этот нагальникъ зѣлалъ коня-
мъ и всѣмъ офицерамъ; въ
конецъ положено было невозможнымъ
проходить Задами дайте возврати-
тся назадъ къ тѣмъ, наступало
осеннее холодное время, которое с
нѣмкого крохотъ опасностей въ се-
стокихъ отрогахъ не представляло.
— Къ счастью нашему приключен-
ию, что въ отъ насъ плавало
неслучилось крепкого севернаго вѣтра,
въ такомъ случаѣ не избежали бы
несчастья отъ разбитія лодки;
ибо захватили въ него отроу —
нетъ по вѣтру берегу.

Лишь только кончили събѣтъ
то снались съ якоря и пошли
назадъ. — Запротивили отрогъ

В Колыму суда пошли только 26 июля, а 22 июля, когда было принято решение возвращаться, Сарычев произвел первые археологические исследования в Арктике. Он раскопал место стойбища шелаг, нашел предметы быта, и в частности два каменных треугольных ножа, которые отдал Биллингсу и Мерку, установил места расселения шелаг и причины поселения их на крайнем севере.

Интересные рассказы чукчей передал во время плавания Сарычеву Т. И. Шмелем (об этом уже говорилось ранее)¹⁶. Он впервые сообщил Сарычеву, а тот всему миру о существовании земли к северу от Чукотки — острова Врангеля.

Суда через пять суток возвратились в Нижнеколымск, где и были оставлены. Участники же плавания двинулись по суше и по рекам в Якутск. Сарычев рассказывает в своих записях о настроении, царившем среди участников экспедиции после неудачного плавания. Он даже сомневается в том, что Дежневу удалось в свое время проделать такой путь. Несомненно, личная неудача имела влияние на подобное высказывание, хотя, как это мы увидим несколько позже, отношение Сарычева к землепроходцам было весьма скептическим.

Сарычев сообщает также некоторые подробности совета офицеров, на котором было решено прекратить плавание. В частности, предлагалось обойти Чукотку на собаках, но это предложение было отвергнуто из-за отсутствия корма для собак. Поэтому решили попытаться пройти на запад к Колыме после плавания по Тихому океану. В связи с этим Кобелеву и Дауркину было приказано ехать в Гижигу, дожидаться там прибытия чукчей и вместе с ними отправиться к берегам Берингова пролива, где ожидать суда Биллингса.

Путешествие в Якутск было тяжелым. Шли двумя отрядами. Впереди ехали Биллингс, Мерк, врач, секретарь экспедиции и с ними 20 человек нижних чинов. Все остальные участники двигались с Сарычевым на барже, которую, пока позволяла погода, тянули бечевой в две смены; на барже находилось все имущество экспедиции. 29 августа пришли в Среднеколымск, где ждали, пока стала Колыма.

Затем, 28 сентября, верхами на лошадях вышли на Алазею, с нее — на Индигирку и 18 октября прибыли в Зашиверск. По дороге осмотрели остатки мамонта, сохранившиеся

¹⁶ А. И. Алексеев. Братья Шмалёвы, их жизнь и деятельность. — «Летопись Севера», т. III. М., 1962, стр. 99—100.

в размытом берегу реки Алазеи. Отвергая различные примитивные догадки о причинах появления в таких холодных местах мамонтов, Сарычев говорит, что «лучше приписать это великой перемене земного шара, нежели упомянутым причинам, и верить, что в сих местах был некогда теплый климат, сродный натуре сих животных»¹⁷.

Из Зашиверска ехали во время страшных холодов до вершины Яны между очень высокими безлесными хребтами, тянувшимися с юго-востока к северо-западу, являющимися водоразделом рек Индигирки и Яны и составляющими систему хребта, названного позднее именем Черского. Холода стояли ужасные. Сарычев пишет, что огонь разводили только для того, чтобы разогреть пищу, платье просушить было негде. Спали в вырытых на снегу ямах по очереди, чтобы не замерзнуть.

Большим испытанием для путешественников стал переход через Верхоянский хребет. «Поднимались на хребет несколько отлогою стороною, но спуск был утесом крутизны чрезвычайной: прямо бы по оному сходить было невозможно, если бы не была проложена дорога многими изгибами; но и тут страх видеть под ногами неизмеримую пропасть принуждал нас спускаться иногда ползком»¹⁸. 19 ноября вышли на реку Алдан, и 24 ноября появились в Якутске. Здесь застали только что приехавшего Биллингса со своей группой и Беринга, отправлявшего отсюда грузы в Охотский порт.

Вскоре Биллингс отправился в Иркутск, распорядившись, чтобы Сарычев ехал в устье реки Май и строил там лодки, удобные для перевозки грузов к Охотску. 28 января Сарычев с отрядом был уже на Усть-Майской пристани. Сергей Бронников отправился отсюда описывать реку Маю и дорогу до устья реки Улькана. Сарычев же строил лодки. К весне было готово 25 штук. В конце апреля Сарычев встретился со старым своим сослуживцем Иваном Константиновичем Фоминым, который ехал в Удской острог. Фомин долго был гостем Сарычева. Они расстались 28 мая, когда на смену Сарычеву прибыл Беринг, которому и были переданы дела. На Мае уже прошел ледоход. Беринг остался переправлять грузы к Юдомскому Кресту, Фомин направился в Удской острог, а Сарычев 12 июня возвратился в Якутск.

¹⁷ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 106.

¹⁸ Там же, стр. 112.

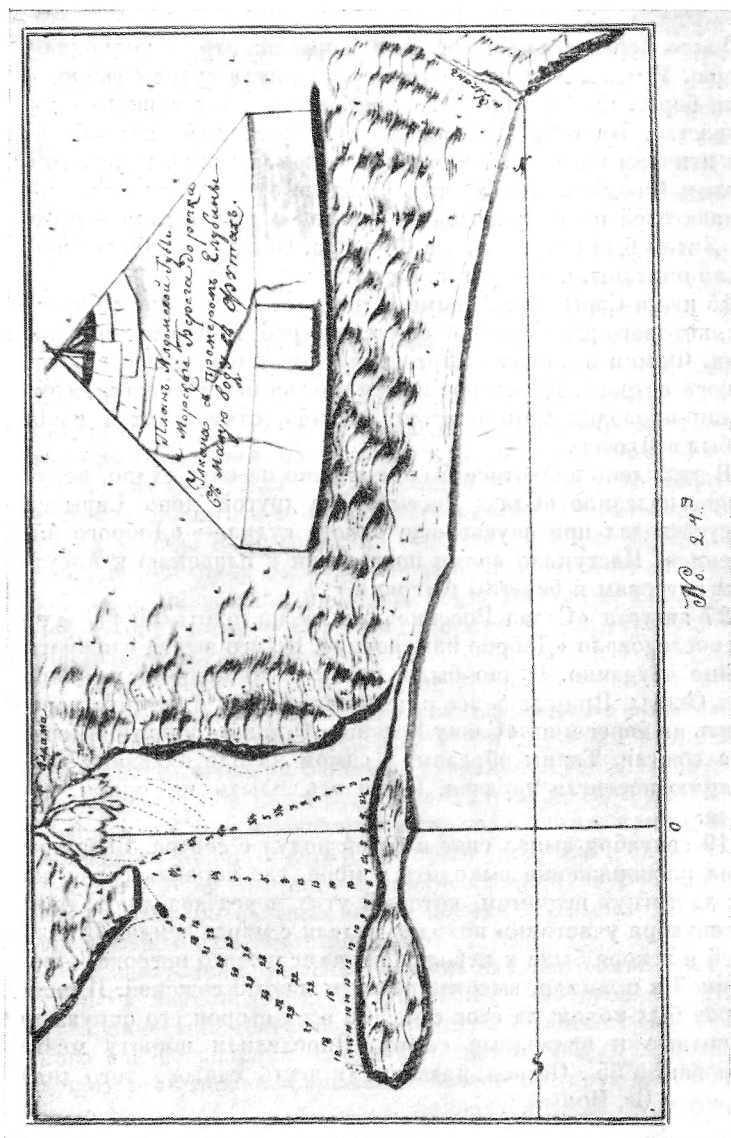
Туда как раз прибыл основной груз экспедиции, и в обязанность Сарычева входила доставка его уже в это лето к Юдомскому Кресту. И Сарычев снова в пути. До Усть-Маи грузы тянули на быках, а дальше в лодках. Ширина Маи — не более 300 саженой, а глубина — до 9 футов, но есть и мелкие места. Сначала река течет плавно, медленно, но далее вверх быстрина увеличивается. Берега покрыты лиственницей, ольхой, рябиной, часто встречается смородина-дикуша.

В конце августа, когда перешли на Юдому, наступила стужа. Люди стали роптать. Тогда, пишет Сарычев, «должен я был собою показывать пример и вместе с ними бродить в воде. Сим только средством мог удержать их в повиновении и успел переправиться благополучно через сии трудные места, продолжавшиеся двадцать пять верст»¹⁹. 27 августа прибыли в Юдому. На Усть-Мае и на Юдомском Кресте Сарычев сделал астрономические определения. На Кресте Сарычев оставил кладь, а сам верхом 29 августа выехал в Охотск. Через день его на Ураке догнал Биллингс. Вместе они быстро добрались по Охоте до порта.

Здесь оказалось, что готово лишь одно судно, а второе только заложено. Сарычев снова занялся строительством судов, а Биллингс уехал по делам опять в Якутск. Так прошла зима 1788/89 г. Весной 1789 г. Сарычев описал общее устье рек Охота и Кухтуй, сделал план Охотского порта, определил астрономический пункт в Охотске и произвел опись морского берега от Охотска до Алдомы. Экспедиция эта примечательна, и на ней стоит остановиться немного подробнее.

31 мая 1789 г. Сарычев, которого сопровождали два «геодезии унтер-офицера» и восемь человек команды, захватив на три месяца провизии, вышел на 25-футовой байдаре из Охотска. На следующий день он был в Ураке и отсюда начал подробную опись побережья. Ветер был попутный, и плыли под парусами. Берег до самой реки Ульи шел низкий, горы виднелись вдалеке от берега, за Ульей они подходили ближе. Сарычев высказал правильную мысль о происхождении берега. Так как он состоит из мелких окатанных камешков, «то думать надобно, что море омывало прежде подошвы тех гор и что впоследствии времени составилс я этот берег: сему, кажется, способствовали текущие из гор реки, приносящие безпрестанно в море мелкие камешки, которые оно волнением

¹⁹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 130.

План залива Адома, составленный Г. А. Сарычевым

выбрасывает на берег и приметно всякой год его прибавляет»²⁰.

Далее берег стал обрывистый, горы вплотную подходили к морю. У мыса Ханянда путешественников сулом выкинуло на берег, где они пробыли двое суток, пока сушилось их имущество. На острове Нансикан Сарычев любовался большим птичьим базаром. 7 июня они открыли залив, названный заливом Феодота. Описав его, Сарычев отметил, что для мореплавателей он непригоден — «разве по нужде стоять можно». Затем был открыт залив Феодора. Оба залива были тщательно описаны, нанесены на карту.

15 июня Сарычев в Алдоме встретился с капитаном Фоминым, которого знал еще по совместной работе при описи реки Сожи. Фомин в поисках порта осматривал берег к северу от Удского острога. Некоторое время друзья были вместе, затем Фомин проводил Сарычева до Улькана, откуда тот 7 июля прибыл в Охотск.

В этот день в Охотске было спущено на воду судно, получившее название «Слава России»; на другой день Сарычев присутствовал при спуске еще одного судна — «Доброго намерения». Наступило время подготовки к плаванию к Алеутским островам и берегам Америки.

27 августа «Слава России» вышла на охотский рейд, за ней последовало «Доброе намерение». Но его выход сложился крайне неудачно. Судно было разбито волнением на бере реки Охоты. Пришлось все с него снимать и с трудом переносить на берег и на «Славу России». Остов «Доброго намерения» сожгли. Таким образом, в самом начале плавания экспедицию постигла неудача. Пришлось плыть на одном корабле.

19 сентября выпал снег и ветер подул с севера. Биллингс отдал распоряжение выходить в море, где корабль сразу же был застигнут штормом, который утих через два дня. Утром 22 сентября участники похода увидели с марса землю. Пошли к ней и вскоре были у небольшого каменистого острова — величиной в полмили, высотой от воды на 100 саженей. Издали остров был похож на стог сена. Со всех сторон его окружали подводные и надводные камни. Определили широту места острова: 56°55'. Остров назвали (в честь святого того дня) островом Св. Ионы.

²⁰ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 138.

Отсюда их путь лежал к Курильским островам. Осмотрев первые пять из них, экспедиция вышла в океан через Четвертый Курильский пролив. Сарычев отметил, что этот пролив наиболее удобен для мореплавателей: он широк, в нем нет сильных течений и не бывает больших сулоев. Затем корабль повернул на север. Участники похода приступили к описи восточного побережья Камчатки. Особенно тщательно Сарычев составлял карту Авачинской губы и Петропавловской гавани, где они бросили якорь 5 октября.

В книге Сарычева много места отведено описанию зимовки на Камчатке, описанию самого Петропавловска, где еще сохранились постройки капитан-командора Беринга и где жили 11 камчадалов и 24 казака с прапорщиком во главе. Сарычев обосновался вместе с Галлом и Баковым в частном доме. Они завели свой собственный собачий выезд. Сначала они обучались езде около дома, а затем смело пускались в путь до Паратунки, на 25 верст и далее через горы.

28 октября Биллингс объявил о производстве Сарычева, Галла и Беринга в капитаны 2-го ранга с 19 сентября, с момента выхода в плавание из Охотска. Вскоре замерзла гавань, и участники экспедиции начали экскурсию по Камчатке. Первыми уехали в Большерецк Биллингс, Галл, Баков, лекарь, а за ними — Сарычев с Берингом. Эти экскурсии подробно описаны Сарычевым.

Большерецк оказался больше Петропавловска: в нем до 30 домов, церковь; здесь, по рассказам, хорошо родится репа и картофель. Отсюда Биллингс и его спутники отправились в Нижнекамчатск, а Сарычев в январе 1790 г. вернулся в Петропавловский порт. Здесь он стал свидетелем извержения Ключевской сопки, «которая извергала пламя, камни, лаву и множество черного песку, которым покрыло близлежащие места»²¹. А из Авачинской сопки все время курился небольшой дымок. 25 февраля около полудня Сарычев зарегистрировал небольшое землетрясение.

С наступлением весны Сарычев занялся «описными работами» в Авачинской губе. Он решил, что губа — результат вулканической деятельности: остаток огромного кратера одного или нескольких соседних вулканов. Размышляя над будущим этой гавани, Сарычев сожалеет, «что эта превосходная от природы устроенная гавань находится в таких отдаленных

²¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 183.

морях, где нет Российского флота, и чрез то остается без пользы»²². Он мечтает о заселении Камчатки и говорит, что если бы в ней было «распространено хлебопашество, расположен скот и учреждены разные фабрики, то со временем страна сия сделалась бы странюю изобилия, богатства и счастья. Климат здесь умеренный, земля плодородна и с избытком произращает все нужное для жизни»²³.

9 мая «Слава России» вышла из Авачи. Галл был оставлен на Камчатке для строительства другого судна. Все время стояли туманы, и, чтобы не затягивать время, решили идти сразу к Америке, подходя к островам для описи только тогда, когда позволит погода. Но и в этих условиях Сарычев не упускает случая вести наблюдения. Так, благодаря лишь визуальным наблюдениям он описал остров Амчитка: «Берега его, покрытые туманом, казались невысоки, безлесны и не очень гористы; западная сторона кончится низменностью; отсюда несколько на запад виден был в тумане остров, называемый Крысьим. Восточная сторона Амчитки гористее, и берега продолжаются каменным утесом от юго-запада к северо-востоку. В полдень широта была $51^{\circ}18'$, долготы $179^{\circ}21'$, тогда южная оконечность сего острова лежала от нас на NW $24^{\circ}00'$ в 7 милях. Длина его определенная нами во время нашего плаванья, 34 мили»²⁴. Эти сведения точно совпадают со сведениями нашего времени. Такие наблюдения он делал в течение всего времени плаванья к Америке.

В начале июня корабль подошел к Уналашке, и Сарычев описал здесь Бобровую губу у Спиркина острова, после чего Сарычев с Мерком пошли через остров к Капитанской гавани, в которой зимовал капитан Левашев. Переходя через хребет, который тянется по всему острову, Сарычев обратил внимание на то, что горы эти покрыты мхом только до половины, а верхушки их голы и оканчиваются скалами. В долинах, по берегам озер и ручьев росли кустами ольховник и тальник. На северной стороне острова был замечен вулкан.

В Капитанской гавани Сарычев обстоятельно познакомился с жителями, описал их внешний вид, их занятия, рукоделье женщин. Он заинтересовался морской одеждой, которую на-

²² Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I, стр. 185.

²³ Там же, стр. 186.

²⁴ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, СПб., 1802, стр. 4.

девают на себя уходящие в море на байдарках алеуты: поверх обычной одежды одевалась еще рубашка с капюшоном, сшитая из кишок морских зверей. Штаны и сапоги алеуты делали из горла сивучей, а голову покрывали «деревянною с навесом вперед шляпою, украшенною корольками и сивучьими усами».

Затем Сарычев объехал Капитанскую гавань на трехместной байдаре, обтянутой сивучьими кожами. Сарычев научил алеутов мерить лотом глубину, а сам с компасом брал пеленги, выходя иногда на берег. Алеуты показали ему место, где стояли юрты команды Левашева. Сарычев нашел упавший деревянный почти весь сгнивший крест, на котором едва различалась надпись: «С 1768 на 1769 год зимовал здесь с судном флота капитан-лейтенант Левашев»²⁵.

По пути к Америке участники похода подходили к Шумагинским островам, останавливались у Евдокеевских островов, где на судно приезжали на байдарках местные жители, и с ними один русский, сказавший, что он от купца Шелихова промысляет здесь сивучей и птиц. 28 июня судно вошло в гавань Трех святителей и бросило якорь у селения, устроенного Шелиховым. Оно состояло из нескольких землянок, одного амбара и двух изб. Экспедицию встретил управляющий Шелихова Евстрат Деларов. За несколько дней Сарычев описал остров, жителей, залив Ляхик.

19 июля вошли в Шугачскую губу и встали против острова Цукли. Здесь 21 июля Биллингс стал капитаном 1-го ранга.

Сарычев с шихмейстером Гаузом и 16 служилыми на баркасе отправился осматривать губу и берег. Он также хотел выяснить, остров или материк — земля, у которой бросил якорь их корабль. Он очень много пишет в своей книге об этом посещении Америки, когда он впервые побывал на берегу (с 23 по 27 июля). Между прочим, Сарычев спрашивал местных индейцев относительно судьбы двух шлюпок экспедиции Беринга? Но никто ничего не знал. Один из жителей сказал только, что он слышал от своего отца, что судно подходило не к острову Цукли, а к острову Каяк.

1 августа «Слава России» за недостатком провизии и пресной воды должна была возвращаться в Петропавловскую гавань. Сарычев, сожалея об этом, писал, что если бы провизия была доставлена сюда на остров Кадьяк, то «тогда не

²⁵ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 61—62.

имели мы надобности идти зимовать в Камчатку, а с пользою могли бы употребить сие время на осмотрение Американских берегов, лежащих далее к югу, и препроводя зиму в теплых странах, в марте месяце возвратиться опять к северу; на место того, что в Камчатке без всякого дела должны жить 7 месяцев праздно» ²⁶.

13 октября экспедиция возвратилась в Петропавловск. Началась вторая камчатская зимовка. Были продолжены разъезды по полуострову, а также велась подготовка ко второй морской кампании на Тихом океане. Галл строил судно в Нижнекамчатске. Зимовка прошла благополучно. В дневниках Сарычева прибавилось много записей о Камчатке.

16 мая 1794 г. «Слава России» вышла в плавание к Берингову проливу, откуда предполагалось попробовать обратным путем обойти Чукотку и дойти до устья Колымы. Были назначены места встреч с Галлом. Сначала хотели зайти к Галлу в устье Камчатки, но помешали ветры. Тогда пошли ко второму месту встречи — острову Беринга. Но здесь Галла не оказалось. Хотели высадиться на остров и поискать остатки зимовки Беринга, найти могилу отважного мореплавателя. Ведь на судне был внук Витуса Беринга — Христиан Беринг! Но рисковать было нельзя. Погода была плохой. «Мы очень сожалели, — записал Сарычев, — что нам не можно было съехать на берег, посмотреть место, где погребен первый сей по здешним морям плаватель, и отдали долг праху его одним воспоминанием вздохами о плачевной участи погибших с ним здесь соотчичей наших» ²⁷.

При подходе к Медному острову судно едва не выскочило на берег: по словам Сарычева, Биллингс не доверял русским картам и вел судно только по английской карте, сочиненной во время путешествия капитана Кука. Сарычеву стоило большого труда уговорить начальника экспедиции держать курс на два румба к северу. К счастью, Биллингс согласился, «ибо на другой день поутру в 4 часа, когда туман несколько прояснился, увидели мы, что прошли мимо северной оконечности Медного острова, в расстоянии не более 200 сажен, и каменья подводные были видны за кормою судна: тогда все удо-

²⁶ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 61—62.

²⁷ Там же, стр. 74.

стоверились, что на англинской карте сей остров положен гораздо южнее настоящего»²⁸.

9 июня прошли остров Танага. 25 июня вошли в Капитанскую гавань. Счисление пути оказалось исключительно точным. За все время плавания в долготу не было никакой погрешности. Здесь некоторое время ожидали Галла, но его опять не было. Тогда оставили для него в селении Илюлюк провизию. Здесь остался и доктор Пьер Алегретти с егерем. Экспедиция же 8 июля двинулась к островам Прибылова. Эти острова, состоящие из двух — острова Св. Павла и острова Св. Георгия, были в 1786 г. открыты промышленником и мореплавателем Г. Л. Прибыловым. Он пробыл на островах два года и за это время добыл здесь 2320 бобров, 30 тыс. морских коров, 8000 голубых песцов, 700 пудов моржового зуба и других ценностей, которые продал в Охотске за 250 тыс. руб.! Это была баснословная сумма в те времена.

Вскоре корабль подошел к острову Св. Матфея. Участники похода высадились на него. Сарычев обратил внимание, что на восточной стороне острова много наносного леса, а на западной нет ни одного выкинутого дерева. Из этого факта мореплаватель сделал важный вывод, что «на американском берегу против сего острова впадает в море какая-нибудь большая река изобильная лесом»²⁹. Экспедиция осмотрела и остров Св. Лаврентия.

Утром 28 июля путешественники увидели мыс Родней на американском берегу и к вечеру встали на якорь в 8 милях от него. На двух баркасах на берег отправились Биллингс, Мерк, Баков и Воронин. Их приняли хорошо. Американцы приезжали сами на судно, а Биллингс прожил на берегу более суток. Дальше пошли вдоль берега. 1 августа прошли остров Окибьянь (Кинг). 2 августа увидели острова Гвоздева, а на другой день уже лавировали в Беринговом проливе «между Северо-Восточным мысом Азии и Северо-Западною оконечностью Америки. Оба сии берега гористы и безлесны; горы местами покрыты снегом»³⁰.

4 августа путешественники бросили якорь в заливе Св. Лаврентия. На берег съехали Биллингс, Сарычев и Мерк. Там им вручили рапорт от сотника Ивана Кобелева, который

²⁸ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 75.

²⁹ Там же, стр. 88.

³⁰ Там же, стр. 99.

докладывал об исполнении поручения и сообщал, где он сейчас пребывает. Узнали от жителей, что Дауркин находится неподалеку с чукчами, и послали за ним. Кобелев ничего не сказал в своем рапорте о Дауркине. Причину этого удалось узнать только по прибытии к вечеру 5 августа Дауркина на 12 больших байдарках с оленными чукчами. Из беседы с ним выяснилось, что в ожидании экспедиции Дауркин и Кобелев побывали в Америке.

Но об этом факте в книге Сарычева прямо не говорится ни слова и до недавнего времени о нем судили основываясь лишь на некоторых косвенных указаниях. Так, Сарычев в нескольких местах намекает на факт посещения чукчами Америки. Он говорит, что прибывшие с Дауркиным чукчи «лицом очень похожи на тех американцев, которых мы видели у мыса Роднея»³¹. Мартин Соур добавляет: «У них было множество шкурок лис, куниц, зайцев и американских ондатр, в Америке они добывают большую часть мехов...»³². Дальше он пишет о женщинах, бывших вместе с чукчами в байдарках: «Это, однако, были не их жены, а пленницы, взятые у их американских соседей, с которыми они часто находились в состоянии войны. Причиной последнего столкновения между ними было следующее: две группы, встретившиеся на охоте за морскими животными, поссорились, произошла стычка, в ходе которой американские чукчи захватили одну байдару и взяли в плен ее команду; группа их противников на обратном пути получила подкрепление, сделала набег на американское побережье и увезла несколько женщин, после чего восстановился мир»³³. Сарычев приводит еще несколько свидетельств посещения Америки чукчами. Описывая байдары, он говорит, что «на таковых байдарках ездят чукчи в море, не токмо близ берегов, но часто переезжают на острова и чрез Берингов пролив в Америку [...]. Американские байдары, которые мы видели у мыса Роднея, точно такие же, как и здесь»³⁴. Он подтверждает слова Соура, что чукчи на своих байдарках «ездят морем не токмо подле берегов, но иногда, по свойственной

³¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 104.

³² M. Sauer. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by J. Billings. London, 1802, p. 75.

³³ Там же, p. 79.

³⁴ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 106.

A black and white illustration of a large sailing ship, likely a galleon, sailing on a choppy sea. The ship has multiple masts and sails, with a prominent flag on the mainmast. The background shows a distant, hilly coastline under a cloudy sky.

Залив Св. Лаврентия
Рис. Л. А. Воронина

им привычке к грабежам, переплывают Берингов пролив и вооруженною рукою нападают на селения диких американцев: ограбляя оных и захватя пленных, отъезжают обратно с добычею»³⁵. Наконец, мы обратили внимание на карту, сочиненную по журналу «Славы России» при плавании ее от острова Уналашка до Берингова пролива в 1791 г. На ней есть примечательное указание, что «селения ж американского берега от Кыгмылле до острова Аяк и реки Хеуверен назначены по сказкам чукоч острова Имеглина, бывших сего ж лета в Америке»³⁵.

Все это были косвенные, хотя и очень убедительные подтверждения того, что Дауркин и Кобелев в ожидании Биллингса побывали летом 1791 г. в Америке. Лишь в 1958 г. С. Г. Федорова нашла прямое доказательство этого события. В фондах Государственного исторического музея сохранилось письмо, написанное Дауркиным на моржовом клыке³⁷, из которого следует, что Дауркин и Кобелев побывали в Америке 11 июня 1791 г.

Между тем Биллингс решал вопрос об исследовании Чукотки. Неудача похода «Палласа» и «Ясашной» из устья Колымы заставляла начальника экспедиции принимать любые меры для выполнения указа Екатерины и наставления Адмиралтейств-коллегии. Рассматривались самые различные варианты. Плавание на «Славе России» и ожидаемом судне «Черный орел», построенном Галлом, отпадало опять-таки из-за трудных ледовых условий. После ряда серьезных возражений отпало и плавание на байдарах. В конце концов Биллингс решил отправиться по Чукотке пешком с небольшим отрядом вместе с чуками.

13 августа Биллингс сдал «Славу России» Сарычеву и предписал ему идти к Уналашке для зимовки, встретиться с Галлом, закончить опись Алеутских островов, затем идти в Петропавловск, описать, если будет возможность, Курильские острова и возвратиться в Охотск. На следующий день Сарычев снялся с якоря и 18 августа был у Чукотского носа. Здесь он пытался подойти за дровами к острову Св. Матфея, но

³⁵ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 108.

³⁶ Центральный Государственный Военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. ВУА, № 23766.

³⁷ С. Г. Федорова. Письмо на моржовом клыке. — «Ежегодник Государственного исторического музея за 1958 г.», М., 1960.

неудачно. Тогда «Слава России» взяла курс прямо на Уналашку и 30 августа бросила якорь на месте прошлогодней стоянки — против селения Илюлюк. Сарычев узнал, что Галл приходил сюда и пошел по следам «Славы России» к заливу Св. Лаврентия.

Экипаж «Славы России» стал готовиться к зимовке. 2 сентября неожиданно пришел Галл на «Черном орле». Так как он был старшим после Биллингса в экспедиции, то Сарычев сдал ему «Славу России», а сам принял «Черного орла». Зимовать решили вместе. Начали строить сарай, юрту для больных, наладили отношения с местными жителями, договорившись с ними об обмене табака на рыбу. В начале октября в путь проводили Осипа Худякова. Он отправился описывать острова Унимак, Саннах и мыс Аляска. Тем временем у алеутов начался зимний промысел котиков. Сарычев подробно описывает все стадии промысла.

Несмотря на все, казалось бы, принятые меры, среди участников зимовки появились больные цингой. К исходу декабря их было 12 человек, в половине января — уже 23, а к 8 февраля 2 человека умерли. Болезнь быстро распространялась. Почти половина зимовщиков была больна. В течение февраля и марта умерли 11 человек со «Славы России» и 3 — с «Черного орла». Чтобы как-то бороться с болезнью, стали развозить больных по селениям алеутов. Это помогло.

Между тем Сарычев половину февраля и почти весь март изучал остров Уналашка. На трехместной байдарке в сопровождении крещеного алеута Елисея Пупышева и нескольких одноместных байдар он сумел описать за исключением южной стороны все побережье этого крупнейшего острова Алеутской гряды. Чтобы удобно было брать пеленги, Сарычев укрепил компас на байдаре перед собой, а на одноместной байдаре, шедшей рядом, один из матросов брал глубины. В результате этого плавания он составил первое описание Уналашки, в котором можно найти подробные сведения об острове. На острове имелось 14 селений, в которых проживало 323 мужчины. О женщинах данных нет. Сарычев подробно описывает географическое положение Уналашки, растительность, животный мир, уделяя большое внимание птицам и морским животным. Он передает легенду о происхождении алеутов, рассказывает о браках, свадебных обрядах, похоронах, описывает жилища, строительство байдар, оружие жителей.

В апреле начали готовиться к походу, ремонтировали суда. Галл, Беринг и Сарычев единогласно решили «при следовании ныне в Камчатку сделать сей путь сколько можно полезным». Они наметили план действий: описать острова Атка, Семисопочный, Амчитка, Крысьи, Семичи, Атту³⁸. 21 апреля возвратился Худяков, благополучно выполнивший задание. Вскоре после этого суда вытянулись на рейд и встали на якорь. 16 мая они вышли в море.

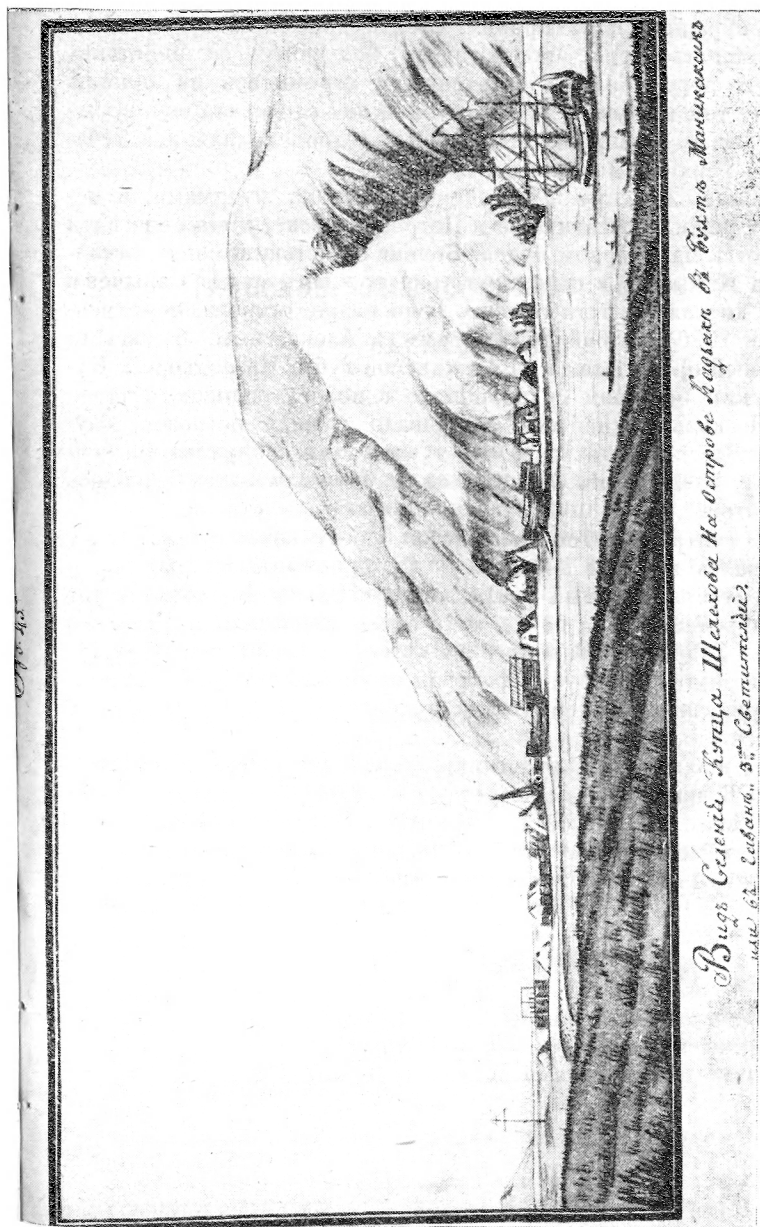
Намеченный план был выполнен. Не удалось подойти только к Атке. Везде определялись широты и долготы, склонения компаса. Один за другим появлялись планы островов, бухт, заливов. Заклячая описание Алеутских островов, Сарычев высказал мнение о их происхождении. «Замечания достойно,— писал он,— что, начиная от Америки, по всей цепи Алеутских островов, продолжающихся грядою, есть огнедышащие горы; многие из них гореть совсем перестали, а из некоторых идет только дым; прежде же сего, как сказывают, бывали сильные извержения, с страшными землетрясениями, опровергавшими горы и утесы, да и по берегам островов видно, что подземельной огонь произвел великие перемены: во многих местах слои каменных утесов находятся в чрезвычайном беспорядке, иные опускаются под острым углом в море и опять поднимаются вверх, то перпендикулярно, то косвенно, а в иных местах и переопрокинуты. Сие самое дает повод к заключению, что вся оная гряда островов, продолжающихся один за другим, от мыса Аляксы до Камчатки, была, может быть, некогда непрерывным кряжем матерой земли, которая от сильных землетрясений разделилась на острова и произвела проливы»³⁹.

В середине июня вошли в Авачинскую губу. Во время стоянки Сарычев обратил внимание на два разных течения, которые бывают в начале прилива и в начале отлива: одно верхнее, идущее с приливом или отливом на глубине сажени от поверхности, а другое — нижнее, идущее под первым течением, но совершенно в противоположном направлении. Сарычев считает, что причиной такого явления является приливо-отливная деятельность океана, «ибо заметил я, что при окончании отлива вода во всю глубину свою стремилась в одну сторону, и при начале прилива, когда вода должна

³⁸ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 172.

³⁹ Там же, стр. 180.

Видъ Селенія Ляца Шелхова на острове Кадьякъ въ Вѣсто Манчжонскаго
на въ Саванъ, 2^й Светителъ.

Селение Г. И. Шелихова на острове Кадьяк
Рис. Л. А. Воронина

была обращаться на прилив, следуя движению Луны, тогда поверхность моря, подлежащая большому ее действию, прежде переменила свое течение и стремилась на прилив, между тем как внизу или в глубине она следовала еще прежнему своему направлению; отчего и происходили два течения — верхнее и нижнее»⁴⁰.

«Слава России» была очень потрепана штормами, и поэтому решили оставить ее в Петропавловске, а команде идти в Охотск на «Черном орле». Беринг с частью команды остался на Камчатке в ожидании транспортного судна. Сарычев и Галл хотели по пути описать Курильские острова, осмотренные в 1790 г. с байдар Гилевым и Алексеевым. 6 августа «Черный орел» вышел из Авачинской губы. На подходе к Курильским островам судно попало в полосу сплошного тумана. Несколько дней оно лавировало в виду островов, спускаясь до пятого острова. Но туман и не собирался рассеиваться, больше того, пошел снег, начались метели. Пришлось уходить.

13 сентября судно подошло к берегу южнее реки Ульи. Оставался переход к Охотску. Он прошел благополучно, и 18 сентября «Черный орел» вошел в Охоту. На другой день все перебрались на берег, куда затем вытащили и «Черного орла». Узнав, что Биллингс в Якутске, послали ему отчет. Во время зимовки в начале февраля от Биллингса было получено приказание закончить исследования и возвращаться в Якутск.

14 июля 1793 г. участники экспедиции выехали из Охотска и 6 августа были встречены отрядом Биллингса в Якутске. Затем все вместе перебрались в Иркутск, где жили около трех месяцев, и, наконец, после восьмилетних скитаний, в апреле 1794 г. вернулись в Петербург.

⁴⁰ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 183—184.

О некоторых спорных вопросах экспедиции

Экспедиция, о которой только что было рассказано, породила множество спорных вопросов. Они возникли еще при жизни некоторых участников экспедиции, но еще большее наслоение получили со временем. Часть этих вопросов не снималась потому, что отсутствовали новые данные, подтверждающие или опровергающие их. В данной главе мы попытаемся поставить некоторые такие вопросы и дадим на них ответ в свете новых архивных изысканий.

*И. И. Биллингс, его назначение начальником экспедиции,
путешествие по Чукотке.*

*О роли Сарычева в экспедиции
и взаимоотношениях его с Биллингсом*

Представляется возможным несколько подробнее изложить биографию Биллингса, чем она известна до сих пор. Иосиф Иосифович Биллингс (Joseph Billings) родился в 1761 г.¹ в Англии. По данным В. Н. Берха², который сообщал их со слов М. Соура, время рождения Биллингса весьма приблизительно — 1758—1760 гг. Он писал, что Биллингс родился в порту Ярмут в семье рыбака. С малых лет плавал на судах угольного флота. Затем обучался часовому делу. Более точных сведений по русским источникам установить

¹ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 55, лл. 184—185об. Послужной список Биллингса.

² В. Н. Берх. Географическая и астрономическая экспедиция. Путешествие капитана Биллингса по Ледовитому морю. — «Сын Отечества», № 4. СПб., 1820, стр. 166.

не удалось. Была сделана попытка получить такие сведения из Великобритании. Ответ был неутешителен: точная дата оставалась неизвестной. Зато место рождения можно указать теперь более точно. По данным „Dictionary of national biography“, Биллингс родился в Turnham Green. Такое указание ставит под сомнение сведения Берха и позволяет говорить о Тернем-Грин, вблизи Лондона. Из Королевского общества нам сообщили, что такое местечко имеется в приходе Чезвик, в Мидлсексе, в 6 милях к западу от Вестминстерского моста³. По послужному списку Биллингс — выходец из дворян и „реформатского закону“, т. е. принадлежит к англиканской церкви. С 1776 г. Биллингс числился на военной службе, был участником последней экспедиции Дж. Кука и находился до сентября 1779 г. на корабле „Discovery“; в сентябре же был переведен на „Resolution“.

Обстоятельства, при которых Биллингс попал на русскую службу, достаточно хорошо известны. Произведенный после плавания с Куком в чин мичмана английского флота Биллингс был рекомендован русским послом в Англии в русскую службу. В журнале Адмиралтейств-коллегии за № 3332 от 18 октября 1783 г. записано: «Адмиралтейств-коллегии вице-президент граф Чернышев предложил письмо от находящегося в Англии министра Симолина о желании вступить в российскую службу английского мичмана Иосифа Биллингса, тем же чином, и почитать со дня отправления его из Гревезанда (Грейвсенд — на правом берегу реки Темзы, в графстве Кент. — А. А.), а по бытности в том чине 4 или 5 месяцев получит чин лейтенантский, а если здоровье или обратный призыв английского адмиралтейства службу оставить его принудят, то позволено 6 было ему возвратиться в отечество; приказали: онаго Биллингса по желанию его во флот мичманом на основании его кондиции принять, жалованье производить ему с числа отправления его из Гревезанда»⁴.

Между этим документом и послужным списком есть расхождение. По списку Биллингс значится лейтенантом русского флота с 1 января 1783 г. Вполне возможно, что в постановление были внесены впоследствии поправки. Это подтверждается любопытным документом, найденным нами

³ Письмо от Royal Geographical Society к автору от 5 февраля 1965 г.

⁴ «Материалы для истории русского флота», ч. XIII. СПб., 1890, стр. 45

в архиве. В 1783 г. Биллингс обратился к графу Чернышеву со следующим письмом (точная дата его не указана): «Я полагаю, что г. Бакстер (посол Великобритании в России.— А. А.) имел уже честь предупредить ваше превосходительство, что я прибыл в Россию не столько с целью служить ее величеству в качестве офицера флота, сколько с надеждой, что я буду использован в какой-либо экспедиции в соседние с Камчаткой моря. Прослужив во флоте 12 лет, из которых пять лет сопровождал знаменитого капитана Кука в его последнем вояже с целью открытия северо-западного прохода между Азией и Америкой, я льщу себя надеждой, что меня сочтут способным открыть торговлю мехами с островами, открытыми во время этого плаванья, которые изобилуют этой ветвью торговли, в особенности мехами котиков, которые хотя и расположены близко у побережья Камчатки, никогда не посещались европейцами. Этими мехами, равными по качеству камчатскому, можно установить торговлю, очень выгодную, с Северным Китаем. Вполне возможно распространить эту торговлю и на Японию, что сделает ее еще более прибыльной. Самые драгоценные шкурки могут быть получены самыми простыми и дешевыми средствами. Нужно очень мало времени, чтобы добыть от 5 до 6 тысяч штук шкурок котиков, продажа которых будет настолько же прибыльной, как и бесспорной. В то время как занимались бы добычей пушнины, я мог бы продолжить исследования капитана Кука в этих морях, определить точное положение этих островов, о которых говорилось выше. Поскольку астрономия всегда была моим делом, я надеюсь, что и в этом я оправдаю оказанное мне доверие. В заключение я прошу ваше превосходительство в качестве первого знака вашего покровительства подвергнуть меня самому строгому экзамену, чтобы устранить всякое сомнение в моей опытности и способности»⁵.

Этот документ очень ценен. Прежде всего он единственный подлинный документ Биллингса, из которого ясны цели поступления его на русскую службу. Видимо, это письмо возымело свое действие, так как вскоре Биллингс был назначен начальником экспедиции и активно включился в подготовку ее организации. В ходе подготовки Биллингс все время опирался на Сарычева, хотя тот и не являлся старшим после Биллингса офицером в экспедиции. Таковым был Галл.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 411, лл. 343—344.

В жизни Биллингса путешествие по Чукотке явилось самым трудным, самым суровым испытанием. Вместе с ним в путь отправились доктор Карл Генрих Мерк, штурман Антон Батаков, подлекарь Антон Лейман, геодезии сержант Алексей Гилев, рисовальный мастер Лука Воронин, натуральной истории помощник Иван Меин, матросы Семен Сибиряков, Андрей Оглоблин, армии егерь Петр Фокин, барабанщик Данила Белорыбцов, переводчик Николай Дауркин. Впоследствии к ним присоединился сотник Иван Кобелев.

Биллингс видел свою главную задачу в том, чтобы убедить чукчей перейти в русское подданство. Предпринимая путешествие вместе с чукчами, он хорошо представлял себе зависимость своих действий от чукчей. Поэтому 11 августа он выслал вперед геодезиста Гилева описывать берег Чукотки до Колючинской губы включительно. Основной же отряд Биллингса тронулся в путь 26 августа вместе с чукчами из Мечигменской губы. Чукчи совершенно не принимали во внимание расчеты путешественников и останавливались там, где им вздумается.

Не будем подробно описывать это путешествие: ему посвящена другая книга⁶. Отметим здесь только некоторые моменты. Учитывая трудности совместного с чукчами путешествия по Чукотке, Биллингс все-таки предполагал, что чукчи будут передвигаться как можно ближе к берегу моря. Это входило в его планы. В самом же деле путешествие оказалось куда более трудным. «Все просьбы и увещания наши,— писал Биллингс в Адмиралтейств-коллегию,— дабы следовать подле берега, служили только к подозрению...

Они беспрестанно пустыми догадками своими препятствовали намерениям нашим, так что даже меровые линии, бумага и чернила наши истребляемы были, и нередко, соединяясь, умышляли на жизнь нашу и в одно время, окружив нас, признались откровенно в предприятии своем умертвить нас»⁷. Стоит вспомнить кончину Шалаурова и его спутников, о чем будет разговор несколько ниже, как станет ясна совершенно реальная опасность для жизни всех участников этого смелого похода. Необходимо отметить также исключительно важное значение, которое приобрело присутствие в отряде

⁶ А. И. Алексеев. Ученый чукча — Николай Дауркин, Магадан, 1961, стр. 72—82.

⁷ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. 339, оп. 888, д. 43, лл. 89—90.

чукчи Николая Дауркина и сотника переводчика Ивана Кобелева, пользовавшихся у чукчей непререкаемым авторитетом. Именно в значительной степени благодаря им Биллингс мог написать, что, окончив поход, «не только что открыли чукотского народа силу, богатства, нравы и способы для провозждения жизни и торговли, но и достаточно испытали и описали азиатский берег до того пункта земли, которая описана в бывшее в 1787 году плавание по Ледовитому морю на боту, называемом „Паллас“, все же сие возмogli учинить, будучи убеждены и ободрены предметом полезнейшего намерения всемиловитейшей монархини нашей, подробности во всем онаго значатся в журналах наших»⁸.

27 января отряд прибыл в Зашиверский округ и встретил русских. Затем перебрались в Нижнеколымск, а в Якутске появились в конце апреля. Путешествие было окончено благополучно. По поводу этого путешествия, а также плавания Биллингса и Сарычева на «Палласе» и «Ясашне» возникло много споров, на разборе которых мы остановимся отдельно.

Возвратившись в Петербург, Биллингс еще долго был связан делами с экспедицией. Для окончательного подведения ее итогов он просил оставить при себе Карла Мерка, Карла Кребса, Мартина Соура, Луку Воронина, Гавриила Ерлина, Ивана Алексеева, Василия Сивцова, Андрея Оглоблина и Данилу Белорыбцова. Они помогли ему составить отчет по экспедиции, к сожалению до сего времени неизвестный ученому миру. Но он сохранился в архивах, причем не только в переводе, но и в оригинале. Для Биллингса экспедиция окончилась 1 апреля 1796 г., когда после издания указа от 10 августа 1795 г. о расформировании экспедиции он был переведен по личной просьбе на Черное море, где флотом командовал выдающийся русский флотоводец адмирал Ф. Ф. Ушаков. За экспедицию Биллингса наградили орденом Св. Владимира 3-й степени и ежегодной пенсией в 600 руб.

По прибытии в Севастополь капитан 1-го ранга Биллингс был назначен командиром фрегата «Св. Андрей». Но ему часто приходилось выезжать по разным делам из Севастополя. Так, с 30 сентября 1796 по 24 февраля 1797 г. он был командирован в Петербург. Причины командировки не выяснены. Возвратившись в Севастополь, Биллингс по распоряжению Черноморского адмиралтейского правления с 4 июня

⁸ Там же, л. 91.

по 21 августа того же года на бомбардирском судне «Рождество богородицы» занимался гидрографическими работами в районе Севастополя, у берегов Таврии и затем у южных берегов Крыма — от Севастополя до Еникале и в районе Тамани и устья реки Кубани.

По возвращении в Севастополь Биллингс снова вступил в командование фрегатом «Св. Андрей», на котором и пробыл до 10 марта, когда принял вновь построенный в Херсоне корабль «Св. Михаил». Но уже 11 мая на том же «Рождестве богородицы» продолжал описные работы от Севастополя к Тендре, Очакову, Одессе, устью реки Днестра до города Овидеополя и обратно к Тарханкуту, Кезлову, а оттуда возвратился в Севастополь.

В личном деле Биллингса есть указание, что по возвращении в Севастополь он не принимал командование своим кораблем, так как находился там «для делания карт Черного моря и представления к главному начальству». Биллингс описал наиболее важный в то время для русского флота участок Черного моря. Многие пункты побережья были определены им астрономическим путем. Используя данные всех прошлых съемок, как русских так и иностранных, и, конечно, своих последних наблюдений, Биллингс в 1799 г. составил и издал атлас всего Черного моря. «Карты Биллингса, превосходя точностию своею все прежние, были уже хорошим руководством для плаванья у берегов Крыма», — отмечалось впоследствии историками-гидрографами⁹.

9 мая 1799 г. Биллингс был произведен по «вакансии по флотам: ...в капитан-командоры из капитанов 1-го ранга»¹⁰. И в «рописании судов и командиров Черноморского флота» от 21 мая 1799 г. Биллингс был назначен «на предполагаемый вновь 100 пушечный корабль»¹¹. Но командовать кораблем Биллингсу уже не пришлось.

Из доклада президента Адмиралтейств-коллегии императору от 19 ноября 1799 г. выясняются причины отставки Биллингса. В докладе говорится, что после возвращения из Северо-восточной экспедиции он по болезни был переведен в Черноморский флот, «но и там чрез течение четырех лет не получил никакого поправления и всегда, а наипаче на

⁹ «Краткий исторический очерк гидрографии русских морей», ч. IV. Пг., 1916, стр. 8.

¹⁰ «Материалы для истории русского флота», ч. XVI. СПб., 1902, стр. 460.

¹¹ Там же, стр. 365.

море от случающихся сырых погод страдает несносно стеснением груди и не предвидит, чтоб когда-либо мог так воспользоваться совершенно». Поэтому Биллингс, предполагая, что «не предвидит, что когда-либо мог так воспользоваться совершенно, находит себя к продолжению службы неспособным, просит во уважение истинной его болезни от службы уволить, а за понесенные все его в службе труды, сопряженные с разными его изнурениями, удостоить награждением к пропитанию и с позволением ношения нынешнего мундира, поелику он расположен быть всегда в России»¹². 28 ноября 1799 г. Биллингс был уволен от службы с мундиром и пенсией.

Иосиф Биллингс скончался в 1806 г. в возрасте 45 лет. Точная дата, место смерти и обстоятельства последних лет жизни остаются невыясненными. Известно, что Биллингс был женат. Его жена Екатерина, урожденная фон Пестель, родилась 14 июня 1772 г., умерла в Москве 18 июня 1827 г.¹³ Этим и исчерпываются пока наши фактические данные об Иосифе Биллингсе.

Несправедливая оценка роли Биллингса в экспедиции началась с того, что И. Ф. Крузенштерн по поводу назначения Биллингса начальником экспедиции написал: «Между офицерами российского флота находились тогда многие, которые, начальствуя, могли бы совершить сию экспедицию с большим успехом и честью, нежели как то совершено сим англичанином. Все, что сделано полезного, принадлежит Сарычеву, толико же искусному, как и трудолюбивому мореходцу. Без его неуспынных трудов в астрономическом определении мест, снятия и описания островов, берегов, проливов, портов и проч. не приобрела бы, может быть, Россия ни одной карты от начальника сей экспедиции»¹⁴.

Заметим сразу, что это высказывание Крузенштерна было опубликовано уже после смерти Биллингса, т. е. в 1809—1812 гг. Видимо, и сам Крузенштерн не осмелился говорить такое при жизни мореплавателя. Добавим, что Крузенштерн писал это тогда, когда Сарычев выпустил свои книги об экспедиции, когда Сарычев стал фактическим начальником гидрографической службы в России и когда Крузенштерн по роду службы был подчинен Сарычеву.

¹² ЦГАВМФ, ф. 198, оп. 1, д. 14, л. 193об.

¹³ «Московский некрополь» т. I., СПб., 1907, стр. 21.

¹⁴ И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света... в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах... М., 1950, стр. 8.

В 1819—1821 гг. разбор работы экспедиции с точки зрения участия в ней Биллингса и Сарычева занялся известный историограф русского флота В. Н. Берх. Выступив с двумя статьями в «Сыне Отечества» и затем в «Хронологической истории...», он подверг резкой, но далеко не справедливой критике поведение Биллингса, и ему отвечал сам Сарычев. Почему-то об этой полемике современные историки географических знаний забыли, а они весьма показательны для характеристики Сарычева.

Известно, что плавание из Нижнеколымска к мысу Дежнева было прекращено 21 июля 1787 г. В этой связи Берх писал: «Обсудим, вправе ли он (Биллингс.— А. А.) был прекратить путешествие 21 июля? Почему не следовало по одному направлению на север или восток и по каким препятствиям доставил нам только одно наблюдение в то время, когда именовался начальником географической и астрономической экспедиции? Капитан Биллингс, возвратясь из экспедиции своей, 8 лет и 5 месяцев продолжавшейся, оставил службу (на самом деле, как мы видели, переведен на Черное море.— А. А.). Журнал путешествий его издан в свет почтенным Г. А. Сарычевым, коему ученый свет обязан всем, что в сей книге только есть полезное»¹⁵.

Эти высказывания Крузенштерна и Берха повторялись во многих статьях, исследованиях, монографиях (например, Н. Н. Зубов, Е. Е. Шведе и др.). Причем к этим обвинениям Биллингса добавилось еще обвинение Зубова о недостойном поведении начальника экспедиции, предпринявшего путешествие по Чукотке. «Совершенно непонятен также следующий факт,— пишет Зубов.— Биллингс, будучи начальником морской научной экспедиции, дойдя до Берингова пролива, бросает свои корабли, отправляется в путешествие по Чукотке и потом в Россию, а в это время его корабли остаются на зимовку у Алеутских островов и производят важные гидрографические работы»¹⁶. При этом он ссылается на отзыв секретаря Биллингса М. Соура и вгорившего ему А. С. Сгибнева.

М. Б. Гренадер пошел еще дальше, написав в своей диссертации следующее: «Материалы показывают, что Биллингс оказался весьма недобросовестным и нечестным человеком.

¹⁵ В. Н. Берх. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны, ч. I. СПб., 1821, стр. 182—183.

¹⁶ Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи океанов и морей. М., 1954, стр. 129.

ПУТЕШЕСТВІЕ

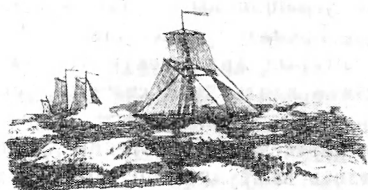
ФЛОТА КАПИТАНА САРЫЧЕВА

по

СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СИБИРИ, ЛЕДОВИТОМУ МОРИЮ И ВОСТОЧНОМУ ОКЕАНУ, ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ ОСЬМИ ЛѢТЪ, ПРИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ И АСТРОНОМИЧЕСКОЙ МОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ, ВЫШЕЙ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА КАПИТАНА

БИЛЛИНГСА,

съ 1785 по 1793 годъ.

ЧАСТЬ I

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано съ Указнаго дозволенія въ типографіи Шнора,
1802 года.

Титульный лист «Путешествия флота капитана Сарычева». СПб., 1802.

Этим весьма затруднялась и усложнялась деятельность фактического руководителя экспедиции Г. А. Сарычева»¹⁷.

Ни в коем случае мы не собираемся умалять заслуг Г. А. Сарычева в этой экспедиции. Действительно, его первенство в ней в научном отношении неоспоримо. Но не слишком ли уж принижается роль в ней Биллингса? Из-за чего, почему возникло, на наш взгляд, исторически неверное представление о роли Биллингса в экспедиции, о его моральном облике? Попробуем в этом разобраться. Высказывания Сары-

¹⁷ М. Б. Гренадер. Северо-восточная географическая экспедиция 1785—1795 гг. Петропавловск, 1957. Автореф. канд. дис., стр. 6.

чева играют в этом решающую роль, поэтому в книге о нем такие доказательства вполне уместны.

Прежде всего необходимо отметить, что среди советских историков географии уже появлялись высказывания о необъективной оценке роли Биллингса в экспедиции. Убедительно, аргументируя выводы архивными документами, М. И. Белов показал, что «Биллингс принадлежал к числу тех иностранцев, которые, находясь на русской службе, служили России честно и с пользой для дела»¹⁸. М. Б. Черненко, анализируя деятельность сухопутного отряда экспедиции, возглавлявшегося Биллингсом, не соглашался с Зубовым в оценке роли Биллингса в путешествии по Чукотке. Он писал, что «Биллингс и его отряд вполне успешно выполнили возложенные на них задачи»¹⁹. И даже Гренадер утверждал: «В 1791—1792 гг. отряд Биллингса открыл Анадырскую горную систему и совершил путешествие вдоль этой системы севернее Анадырского хребта. При этом была открыта самая высокая часть системы, а затем пересечен Анадырский хребет»²⁰. Нам также уже приходилось выступать по этому поводу и доказывать, что Биллингс помнил, что он не только мореплаватель, путешественник, географ, астроном, но и прежде всего представитель русского правительства, государственный деятель. Именно из этих побуждений он и предпринял нелегкое, рискованное путешествие по Чукотке²¹.

Позволим себе задержать внимание читателей еще раз на этом вопросе. Начнем с назначения Биллингса начальником экспедиции и о влиянии молодого Сарычева на ее ход. Зубов писал, например, что «Сарычев по своей молодости не мог оказывать решающего влияния на ход экспедиции...»²². Но ведь и Биллингс был не намного старше Сарычева: к началу экспедиции Биллингсу было 24, а Сарычеву — 22 года. Так что разговоры о молодости только одного Сарычева несостоятельны. Кроме того, совершенно неверно, что Сарычев не оказывал решающего влияния на ход экспедиции. Сарычев

¹⁸ М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М., 1956, стр. 423.

¹⁹ М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг.—«Летопись Севера», т. II. М., 1957, стр. 127.

²⁰ М. Б. Гренадер. Северо-восточная географическая экспедиция 1785—1795 гг., стр. 13.

²¹ А. И. Алексеев. Ученый чукча — Николай Дауркин, стр. 82

²² Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи океанов и морей, стр. 129.

на протяжении всей экспедиции играл в ней важнейшую роль, и отношения между Биллингсом и им не были враждебными, нетерпимыми. Это подтверждается и последующими высказываниями самого Сарычева, которые мы приводим ниже.

Биллингс сам не напрашивался в руководители экспедиции, хотя и стремился к исследовательской деятельности на северо-востоке страны. Участник последней экспедиции Дж. Кука, он был замечен русским послом в Англии, и согласился, как то со многими иностранцами раньше бывало, перейти на русскую службу, а затем и на предложение стать начальником экспедиции ответил согласием. Сарычев, отвечая на статью В. Н. Берха, подчеркивавшего, что Биллингс «по прибытии в Петербург, был экзаменован, оказался малознающим, и хотели было отказать ему, но граф Чернышев настоял, и Биллингса приняли лейтенантом в Балтийский флот»²³, писал: «...неблагосклонные заключения г. Берха о капитане Биллингсе и о экспедиции, бывшей под его начальством, основанные на доставленных ему, как он говорит, сведениях одним почтенным чиновником, одноземцем Г. Биллингса, бывшим с ним в экспедиции, которого имени не объявляет, почему и не следовало бы бытописателю подобныя известия, относящиеся к бесславию кого-нибудь, принимать за исторические истины и издавать в свет, и притом, не только сомнительные, но и невероятные»²⁴.

Одноземец, о котором идет речь, конечно, личный секретарь Биллингса М. Соур, имевший, как показывают документы, полные основания быть недовольным своим начальником. Не случайно Соур написал о Биллингсе, что тот был жадным, алчным, эгоистом, тираном, незнающим, невежественным офицером, но в доказательство таких резких и громких слов не привел точных фактов²⁵.

Но вот как обстояло дело по возвращении экспедиции в Петербург. 10 августа 1795 г. последовал указ Адмиралтейств-коллегии, в котором, в частности, говорилось, что после возвращения экспедиции повелено «1) представленные помянутым Биллингсом дневные записки, замечания и карты хранить при адмиралтейской коллегии с надлежащей осто-

²³ Г. А. Сарычев. Письмо к издателю.— «Сын Отечества», ч. 60, кн. IX. СПб., 1820, стр. 112.

²⁴ Там же, стр. 111.

²⁵ «Dictionary of national biography».

рожностью..., 6) находившегося при нем клерка комиссарского чина Сауро (Соур), по отобрании у одного бумаг, на руках его бывших, определить адмиралтейской коллегии к делу по ее усмотрению или в случае желания его уволиться от службы отпустить из оной»²⁶.

Еще ранее, в сентябре 1794 г., Соур был взят под стражу и у него по просьбе Биллингса производили обыск. Соур на допросе показал: «К сему допросу присовокупить имею по совести, что те примечания, яко на одну память взятые не значили ничего, и он делал, было их единственно от скуки во время болезни»²⁷. Соур был взят под стражу после того, как выяснилось, что он утаил часть документов и, собравшись увезти их из России, притворился больным и попросил об увольнении. Вот тогда-то Биллингсу все стало ясно, и он подал рапорт Адмиралтейств-коллегии, в котором говорил: «Как оные (документы.— А. А.) сие время оставались у него, Соура, то я мню, не были ли они им употреблены к каким-либо тайным запискам, и не есть ли сие причиною прошения об его увольнении, дабы на свободе тогда мог оные употребить на свои выгоды? И поелику он, Соур, испрашивает увольнение в такое время, когда экспедиция еще не решена, подает мне тем повод мыслить, как он, будучи моим письмоводителем и имея в своем ведении мои журналы, которые он мог тайно списывать, равно как и вести свои собственные записки, не намерен ли он открыть оные в свет изданием в печать, прежде нежели сие благоугодно будет ее императорскому величеству»²⁸.

В заключение Биллингс просил «ево, Соура, доколе последует об нем надлежащее рассмотрение, отдать под приговор ево Биллингса, так как он для приведения к концу некоторых по экспедиции дел весьма ему нужен, тем более что, кроме его, никто другой из находящихся при нем по незнанию англинского языка употреблен к тому быть не может»²⁹.

Ну, посудите сами, мог ли Биллингс доверять Соуру, когда он знал, что тот вел записи и использовал его, Биллингса, документы? По поручению Адмиралтейств-коллегии Биллингс

²⁶ «Материалы по истории русского флота», ч. XIV. СПб., 1893, стр. 487—488.

²⁷ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131, л. 126.

²⁸ М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I, стр. 423.

²⁹ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131, л. 128об.

произвел на квартире Соура обыск, но ничего не обнаружил. Соур заблаговременно сумел припрятать секретные материалы и затем, когда добился увольнения за границу, издал их в Лондоне и Париже. Естественно, что для Биллингса, оставшегося служить в русском флоте и умершего в России, у Соура не нашлось справедливой, добросовестной, честной характеристики. Биллингс с удовольствием бы избавился от Соура, но у того было все, связанное с экспедицией. Документы показывают, что Биллингс еще до экспедиции пользовался услугами Соура, который переводил для него различные материалы на русский язык, служил ему переводчиком³⁰. Поэтому есть все основания не доверять характеристике Биллингса, данной Соуром и повторенной многими историками. Это тем более необходимо, что у нас есть характеристика Сарычева, куда более достоверная.

Сарычев остался верным себе и в объективной передаче обстановки, сложившейся при плавании на «Ясашне» и «Палласе». Из приведенной выше цитаты Берха видно, что сей почтенный историк, сидя в кабинете, нашел возможным обвинить Биллингса в трусости, в нежелании предпринимать дальнейших попыток продолжать плавание. Мы уже приводили выдержки из журналов «Ясашны» и «Палласа» по этому поводу. А вот что Сарычев ответил непосредственно Берху. Приведя дословно слова Берха, он написал: «Сею выпискою, конечно, любопытство читателя останется неудовлетворенным, и всяк, кто не читал подлинного описания сего плавания в книге моего путешествия, подумает, что капитан Биллингс по выходе в Ледовитое море не встретил никаких препятствий, переходил с одного места на другое без всякой причины и стоял на якоре по своему произволу, сколько хотел, ибо г. Берх выпустил все затруднения и опасности от льдов, принуждавшие капитана Биллингса возвращаться назад и укрываться за мысом на якоре»³¹.

Сделав далее выписку из своей книги, Сарычев продолжал: «Из сей выписки можно усмотреть, что Биллингс употреблял все возможные усилия и многократные покушения пройти к востоку, но всегда непреодолимые препятствия от льдов принуждали его обращаться назад и по необходимости останавливаться на якоре у берега. Наконец, приступил

³⁰ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 408, ч. II, л. 134.

³¹ Г. А. Сарычев. Письмо к издателю.— «Сын Отечества», ч. 61, кн. XIV. СПб., 1820, стр. 43.

он к совету с офицерами о возвращении не прежде, как уверившись совершенно в невозможности пройти далее за Баранов Камень. Посылал на оный, как выше сказано, штурмана для смотрения, который по возвращении донес, что с самой высокой горы видел он по всему морю далее Баранова Камня, к востоку и северу, сколько его зрение простиралось, сплошь льды и что никакого отверстия нет. После того сам капитан Биллингс с офицерами ходил туда, чтобы лично увериться в невозможности прохода, и нашел показание штурмана справедливым. Наконец, не взирая на все то, 20 числа июля употребил последнее усилие и с обоими судами старался пробраться, сколько возможно, далее за Баранов Камень к востоку, но с великою опасностью принужден был возвратиться, ибо встретил непроходимые льды, из коих многие стояли неподвижно на 16 саженьях глубины столь твердо, что не можно было предполагать, чтоб ветры и течения когда-нибудь могли их сдвинуть с места. И так после всего оного капитану Биллингсу не оставалось ничего более делать, как с совета своих офицеров возвратиться»³².

В литературе встречаются более категоричные заявления о том, что Екатерина II, недовольная ходом экспедиции, распорядилась прекратить ее. Да, действительно, такое распоряжение было, но оно вызвано международным положением России, войной со Швецией. Для доказательства этого приведем письмо Екатерины II графу И. Г. Чернышеву от 16 октября 1789 г.: «Граф Иван Григорьевич! Как по настоящему военному времени, требующему сбережения казны нашей на самые нужные по оному издержки, предписано уже от нас продолжение известной экспедиции флота капитана второго ранга Биллингса остановить, то по тем же уважениям повелеваем и предполагаемое Адмиралтейств-коллегию отправление от помянутого начальника одного штаб-офицера с командою для описания северной части отложить до удобнейшего времени»³³. Заметим, кстати, что в это же время была отложена полностью подготовленная первая русская кругосветная экспедиция под руководством капитана 1-го ранга Г. И. Муловского (в которой, между прочим, должен был принимать участие и брат Г. А. Сарычева — лейтенант Алексей Сарычев).

³² Г. А. Сарычев. Письмо к издателю. — «Сын Отечества», ч. 61, кн. XIV, стр. 51—53.

³³ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 414, л. 41.

ПУТЕШЕСТВІЕ

КАПИТАНА БИЛЛИНГСА

Чрезъ Чукотскую земаю отъ Берингова пролива до Нижнеколымскаго острога,

и

ПЛАВАНІЕ

Капитана Галла

На суднѣ *Черномъ Орлѣ* по Сѣверовосточному Океану въ 1791 году;

Съ приложеніемъ

Словаря двенадцати нарѣчій дикихъ народовъ, наблюденія надъ служею въ Верхнеколымскомъ острогѣ, и наставленія даннаго Капитану Биллингсу изъ Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи.

Извлечено изъ разныхъ журналовъ

Виде Адмирала, Непрерывнаго Члена Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, Почетнаго члена Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента и ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, Гидрографомъ и Кавалеромъ

Гавриломъ Сарычевымъ.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ,

Въ Морской Типографіи

1811 года.

Титульный лист «Путешествия капитана Биллингса...»
СПб., 1811

Это письмо подтверждает не только полную непричастность распоряжения Екатерины о прекращении экспедиции к ходу ее деятельности, но из него становится видно также, что путешествие по Чукотке было заранее согласовано Биллингсом с Адмиралтейств-коллегией. А это существенно меняет дело. Биллингсу оставалось только решить, кому идти в поход. И он решил отправиться сам.

В письме к издателю «Сына Отечества», опубликовавшему по существу пасквиль на Биллингса, замечательный его помощник и защитник Сарычев разбирает доводы «за» и «против» в вопросе, почему Биллингсу не пришлось идти

морем к Колыме и почему этот мужественный моряк решил до конца исполнить возложенные на экспедицию поручения и лично сам пошел в труднейший поход по Чукотке.

Но здесь необходимо сделать небольшой экскурс назад. Справедливости ради следует отметить, что даже и Сарычев в различных условиях по-разному говорил о фактах, предшествовавших походу Биллингса по Чукотке. В своей книге, пространную выписку из которой Сарычев приводит в «Сыне Отечества», он рассказал, что Биллингс уже приготовился идти морем к Колыме, но потом чукчи убедили его не делать этого. «Таковые причины вынудили капитана Биллингса переменить прежний свой план; он решился сам с малым числом из нашей команды ехать с чукчами берегом, кругом Ледовитого моря и описать Шалацкий нос; на сей конец уговорил чукотского тоена Имлерата Киренева, чтобы он согласился на своих оленях доставить его в Нижне-Колымский острог»³⁴. Напомним, что так писал Сарычев в то время, когда Биллингс был еще жив.

Когда же Биллингс умер и когда появилось выше приведенное высказывание Крузенштерна, Сарычев об обстоятельствах, предшествовавших походу Биллингса по Чукотке, писал несколько по-другому: «Тщетно старались прочие офицеры отвратить капитана Биллингса от сего неосновательного предприятия, представляя, что ему, как начальнику, не должно оставлять главную цель экспедиции для частного и не важного дела, которое может исполнить один из подчиненных ему офицеров [...] Капитан Биллингс, не внимая сему, решился непременно ехать»³⁵.

Соур по этому поводу высказывается так: «За исключением капитана Биллингса Сарычев был единственным морским офицером на борту, и я могу утверждать, что он был единственным моряком-ученым в нашей экспедиции: джентельмен, который обладал той скромностью, которая является всегда спутником заслуг, с исключительно обостренной чувствительностью, утонченной истинным чувством чести; к своим заслугам он надеялся (по крайней мере, одно время) добавить некоторый блеск своим участием в настоящей экспедиции (разговор идет о походе или плавании вдоль берегов Чукот-

³⁴ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II. СПб., 1802, стр. 110—111.

³⁵ Г. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса... СПб., 1811, стр. 3—4.

ки.— А. А.). Однако со временем долг взял у него верх над чувствами до такой степени, что он даже поставил вопрос, нельзя ли послать на сушу еще одного человека, в то время как капитан Биллингс сделает вторую попытку пройти морем. И было ли абсолютно необходимо для него (Биллингса.— А. А.) отправляться в путь? Получая только уклончивые ответы, он продолжал надеяться на лучший исход, если прибытие капитана Галла подкрепит его усилия»³⁶.

Второе высказывание Сарычева и свидетельство Соура, как видно, и породили выступления А. С. Сгибнева, Н. Н. Зубова и др. о том, что якобы Биллингс покинул свою экспедицию, что он больше любил путешествовать по суше и пр. В «Сыне Отечества» Сарычев вернулся к первому высказыванию. Сославшись на выписку из своей книги, он написал: «Из сей полной выписки и всяк увидит, что капитан Биллингс кроме уверения от чукчей имел весьма достаточную причину (тяжелые льды.— А. А.) переменить прежнее свое предположение (идти морем в Колыму.— А. А.) и поступил в сем случае согласно данному наставлению из Адмиралтейств-коллегии XXII статьи»³⁷.

Мы совершенно убеждены в том, что Биллингсом руководили не трусость и не жажда наживы, когда он покидал «Славу России» и отправлялся в тяжелый поход по Чукотке. Им руководило чувство ответственности за государственные интересы. Вне всякого сомнения, Биллингсу поручалось обследование Чукотки с целью установления дружественных отношений с «немирными чукчами». И никак нельзя согласиться с критиками Биллингса в этом вопросе. Он поступил так, как должен был поступить начальник экспедиции, ибо в данном конкретном случае интересы научные, интересы

³⁶ M. Sauer. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by J. Billings. London, 1802, p. 231. Перевод Е. С. Колобродовой.

³⁷ Г. А. Сарычев. Письмо к издателю.— «Сын Отечества», ч. 61, кн. XIV, стр. 56. В упомянутой статье, в частности, говорилось («Путешествие капитана Биллингса...», стр. 184), что если не удастся пройти морем до Колымы, то «в таком случае можете вы, окончив предписанное вам на Восточном море и около Америки, поискать гавани на Чукотской земле, и если то с успехом сделать будет можно, сошед на берег, возьмите с собою надобное число служителей и инструментов; и имеете приказать командующим на судах, после назначенного от вас времени для обождания вас (если рассудите их тут несколько продержать), возвратиться в Камчатку, а оттуда в Охотск, где они будут ожидать от вас дальнейших повелений».

морских исследований отодвигались на второй план, уступая место интересам государственным, политическим.

Поэтому был прав М. Б. Черненко, когда писал: «Тот факт, что начальник оставил основное ядро экспедиции, можно объяснить только наличием каких-то особых заданий, связанных с более важными целями, чем морская часть экспедиции. Несомненно, такие задания сводились к обследованию Чукотской земли и установлению мирных добрососедских взаимоотношений с чукчами [...] К этому надо добавить, что исход экспедиции Биллингса сыграл немалую роль в выработке той правительственной политики, которая определила новый этап во взаимоотношениях государственной власти с «немирными чукчами»³⁸.

Биллингсу иногда ставят в вину, что он мало занимался, и даже совсем не занимался научными вопросами, не делал астрономических (ведь он же астроном!) определений, не вел гидрографических исследований, что он не составил описания своей экспедиции. Такие обвинения голословны, они ничем не обоснованы. Биллингс научными исследованиями занимался всегда, когда это представлялось ему как начальнику экспедиции возможным. Биллингс, например, составил первую карту внутренних районов Чукотки³⁹. Белов показал, что по крайней мере 12 карт и планов составлено лично Биллингсом.

Найдено еще одно официальное подтверждение активного участия Биллингса в исследовательских работах. В списке морских и береговых журналов, карт и планов, которые велись во время экспедиции и которые были сданы по окончании экспедиции в Адмиралтейств-коллегию, значителся, что Биллингс составил 20 карт и планов, Сарычев — 15, Гилев — 14, Галл — 4, Прибылов — 3, Елистратов — 1. Но зато если Биллингс, Галл и Беринг вместе заполнили только 13 журналов с описями, то на одного Сарычева приходится 29 журналов⁴⁰.

Совершенно неверны также утверждения, что Биллингс не составил книги-отчета о своей экспедиции. Такая книга им написана, переведена на русский язык и до сего времени

³⁸ М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг.— «Летопись Севера», т. II. М., 1957, стр. 127.

³⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23476.

⁴⁰ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 44.

благополучно лежит в архиве. Ниже мы расскажем об этом особо.

Сейчас же остается закончить разговор о статье Сарычева в «Сыне Отечества». Стоит привести начатую ранее цитату до конца, чтобы убедиться, как горячо и страстно защищал Сарычев честь своего командира. В этих словах весь Сарычев — честный, гуманный человек, большой патриот. Он пишет в заключение своего письма, что Берх «позволяет себе употреблять не только насмешки, пристрастные суждения и заключения, но и старается еще помрачить память капитана Биллингса, выставляя его незнающим и нерадивым в исполнении порученного ему дела. Но поверит ли сему тот, кому известно, что дела капитана Биллингса по его экспедиции рассматриваемы были в Государственной адмиралтейств-коллегии? Ежели бы найдено было какое-нибудь с его стороны нерадение или упущение, то великая и мудрая Екатерина не наградила бы его по окончании экспедиции — сверх прежде пожалованных чинов и полного пансиона — еще орденом Св. Владимира 3-й степени и при отставке чином капитан-командора?»⁴¹.

Этим и хотелось бы завершить многолетний спор о роли Биллингса и Сарычева в экспедиции. Биллингс был начальником экспедиции и ревностно исполнял все (именно все) порученные ему задачи, главными из которых, были, разумеется, политические. Он успешно выполнил возложенную на него обязанность по распространению и закреплению русского влияния в отдаленных местах России. Биллингс гуманно относился к местным жителям, помогая им чем можно, награждая их, тщательно разбирая их жалобы. Этим он заслужил их хорошее к себе отношение и приобрел много врагов среди представителей русской государственной власти на Дальнем Востоке и среди купцов-промышленников, причем не только на Востоке, но и в Петербурге. Г. И. Шелихов, пользовавшийся не всегда гуманными методами при обращении с местными жителями, очень недолюбливал Биллингса за вмешательство последнего в его дела и делал все, чтобы опорочить начальника экспедиции.

Как мы указали, Биллингс занимался и научно-исследовательской работой. Наконец, из разбора материалов хорошо видно честное, патриотическое отношение Биллингса к по-

⁴¹ Г. А. Сарычев. Письмо к издателю. — «Сын Отечества». ч. 61, кн. XIV, стр. 57.

рученному делу. Биллингс проявил себя и неплохим организатором, благодаря чему экспедиция, действовавшая на таких огромных просторах и в такое длительное время, успешно справилась с заданием. Имя Иосифа Биллингса, хорошего моряка и человека, выдающегося путешественника, исследователя Крайнего Северо-Востока и северной части Тихого океана, увековечено на карте мира: мыс на Чукотском берегу в Восточно-Сибирском море и мыс на острове Акун в группе островов Креницына Алеутской гряды носят его имя.

Талантливый Сарычев проделал колоссальную работу по гидрографическому исследованию посещенных районов, возглавлял одно время (до 2 сентября 1791 г.) саму экспедицию. Сарычев обработал и издал материалы экспедиции, а на основании опыта и применения новых методов исследований написал основополагающий труд по гидрографии моря. Это был ученый. Он никогда не претендовал на роль начальника экспедиции и во всем поддерживал Биллингса, хорошо понимая истинное значение экспедиции.

Почему не была издана книга Биллингса?

Уже говорилось, что книга-отчет Биллингса о всех действиях вверенной ему экспедиции была им написана, переведена, подготовлена к изданию, а затем заброшена и до такой степени забыта, что ее понадобилось снова открывать в архивах. Именно открывать, так как в литературе укоренилось мнение, что Биллингс ничего не написал, а все письменные работы проделал за него Сарычев.

В Центральном государственном архиве Военно-Морского флота в Ленинграде 260 лет лежат три рукописные книги. Нельзя сказать, чтобы они никем не просматривались. Записи свидетельствуют, что кое-кто интересовался ими. Но широкой известности эти книги, такие важные для истории географического изучения нашей Родины, не получили. Вот их полные названия.

Книга первая: «Журнал или поденник флотского капитана Иосифа Биллингса. Путешествие из Санкт-Петербурга в Охотск; из Охотска на реку Ковыму и в Ледовитый океан; возвращение в Якутск, в Иркутск и потом в Охотск; возвращение из Охотска в Якутск и описание Якутского народа; возвращение из Якутска в Охотск и отъезд в Камчатку на судне, именованном „Слава России“. От 1785-го до 1789-го года. С рукописного английского подлинника, хранящегося в

Журналъ или Подѣнникъ
флѣтскаго Капитана Іосифа
Биллингса.

Путешествіе,

изъ Санктпетербурга въ Охотскъ;
изъ Охотска на рѣку Ковѣму и въ
Ледовитой Океанъ;
возвращеніе въ Якутскъ, въ Иркутскъ,
и потомъ въ Охотскъ;
возвращеніе изъ Охотска въ Якутскъ,
и описаніе Якутскаго
Народа;

возвращеніе изъ Якутска въ Охотскъ,
и отътуда въ Камчатку
на судно именовавшаго
Слава Россіи.

отъ 1785го до 1789го года.

Изъ рукописнаго Английскаго перепищика,
Хранящагося въ Адмиралтейской Коллегіи
своей Архивъ, перевелъ Федора
Карпавина.

Часть первая.

Въ Санктпетербургѣ
при Адмиралтейской Коллегіи.

Журнал, или Поденник И. Биллингса. Не опубликован.
Титульный лист первой части

Адмиралтейской коллежской архиве. Перевод Федора Каржавина. Часть первая. В Санкт-Петербурге. При Адмиралтейской коллегии» ⁴².

Книга вторая: «Путешествие господина Биллингса из Охотска в Камчатку; пребывание его в сей стране; отправление на американские острова; возвращение на Камчатку; вторичное шествие морем до тех же островов с северной стороны; оттуда в Берингов пролив и на Чукоцкий нос. 1789. 1790. 1791. Перевод Федора Каржавина. Часть 2-я. В Санкт-Петербурге» ⁴³.

Книга третья: «Журнал или поденник флотского капитана Иосифа Биллингса. Поход землемерной по Чухотской стране до Ануйской крепости. В годах 1791-м и 1792-м. Перевод Федора Каржавина. Часть 3-я. Тринадцатязычный словарь. В Санкт-Петербурге при Государственной адмиралтейской коллегии» ⁴⁴.

В первой книге — 760 страниц, во второй — 602 (761—1363) и в третьей — 420 (1363—1783). Первая книга начинается отличным алфавитным географическо-именным указателем, составленным известным переводчиком Ф. В. Каржавиным. На букву «с» мы находим: «Сарычев — капитан-лейтенант, правая рука у Биллингса». Создается такое впечатление, что сочинение Биллингса более точно, нежели книги Сарычева. В трудах последнего больше обобщений, выводов. У Биллингса же указаны курсы, направление и сила ветра, расстояния непосредственно из журнала плавания или похода. Приводится в некоторых случаях даже форма журнала. И так день за днем в течение всей восьмилетней экспедиции.

Книга начинается изложением указа Екатерины II о задачах экспедиции, которая была послана «для определения точных градусов широты и долготы устья реки Колымы, всего берега от Шалацкого до Восточного носа и островов, по Восточному морю простирающихся до берегов американского материка; и для совершенного познания моря, лежащего между материками, азиатским и американским,— словом сказать, для усовершенствования познания о реченных всех местах, полученных во время славного царствования императрицы всероссийской Екатерины второй» ⁴⁵.

⁴² ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 159.

⁴³ Там же, д. 215.

⁴⁴ Там же, д. 259.

⁴⁵ Там же, д. 159, л. 10.

Описание хода экспедиции сопровождается любопытными характерными подробностями. Вот, например, при каких холодах проходило путешествие по Чукотке (запись от 4 декабря 1791 г.): «Имел я в погребе одну хрустальную бутылку, и в ней слишком три фунта ртути; половина замерзла и составляла твердое тело и совершенно отделилась от другой половины, которая еще была жидка. Водка, которая в Охотке продается по 17 руб. 96 коп. ведро, тому уже 5 суток что замерзла в моем дорожном погребе»⁴⁶. В конце третьей книги есть примечание, что книги эти «с подлинных английских записок господина Биллингса перевел при Государственной адмиралтейской коллегии англо-американского языка переводчик коллежский секретарь Федор Васильев сын Каржавин», и стоит дата — 1 марта 1799 г.⁴⁷

Итак, отчетное сочинение было Биллингсом написано и затем при его службе во флоте переведено на русский язык и подготовлено целиком к печати. На это ушло четыре года. Если учесть, что все это время Биллингс не был освобожден от службы, а, наоборот, командовал кораблем и производил гидрографическую опись побережья Черного моря, то выходит, что срок этот совсем небольшой. И становятся понятными командировки Биллингса с Черного моря в Петербург, где сочинение переводилось, где перечерчивались набело отчетные карты экспедиции. Надо полагать, что Биллингс рассчитывал на издание книги. Именно поэтому он так ревностно следил за происками Соура, просил следить за ним, производил у него обыск. Он соблюдал интересы России и ждал распоряжения правительства о публикации своего отчета. Такое распоряжение, конечно, было. Иначе ничем нельзя объяснить огромный переводческий труд Ф. В. Каржавина, подготовившего самым лучшим образом дневные записки Биллингса для набора.

Судя по дате в конце книги, перевод книги был закончен к 1 марта 1799 г. Известно уже, что Биллингс к этому времени был на Черном море и тяжело болел и, несмотря на то, что он занимался гидрографическими работами, именно в это время подал рапорт с просьбой об увольнении в отставку. Наверное, Биллингс был совершенно уверен в том, что теперь рукописи будет дан надлежащий ход и она будет издана.

⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 259, л. 1539об.

⁴⁷ Там же, л. 1786об.

Пока не найдено никаких даже малейших следов жизни Биллингса после получения отставки. Где он жил, занимался ли научной работой, следил ли за своей книгой, мог ли он этим заниматься по состоянию здоровья? На эти и многие другие вопросы пока нет ответов. Можно только делать некоторые предположения.

Фактом является то, что Биллингс удалился от дел, в то время как Сарычев вступал в пору расцвета своей деятельности. Как мы увидим позже, Сарычев с 1794 по 1799 г. включительно плавал на различных кораблях Балтийского флота и одновременно готовил свои книги — «Путешествие флота капитана Сарычева...» и «Правила, принадлежащие к морской геодезии...». Первая была издана в 1802, а вторая — в 1804 гг. При сопоставлении этих фактов и при учете реальной обстановки, сложившейся в 1794—1799 гг. и даже в более поздние годы, можно заключить, что она была не в пользу Биллингса.

Болезнь и отставка Биллингса не позволяли ему активно вмешиваться в издательские дела, связанные в те годы с большими трудностями, как организационными, так и финансовыми. Несомненно, возымело свое действие и то обстоятельство, что Биллингсом были недовольны многие в Сибири, на него писались жалобы в Адмиралтейств-коллегию. Эти жалобы имели место и при дворе. Они осторожно высказывались при службе Биллингса, а после его отставки зазвучали более открыто.

Немалое значение имело и то, что Биллингс почти не знал русского языка в такой степени, чтобы самому следить за русским переводом книги. Он, вероятно, просто рассчитывал, что дело будет доведено до конца Ф. В. Каржавиным и ждал... Но так и не дождался.

В то же время была представлена рукопись Сарычева. Вполне возможно, что это было уже после перевода книги Биллингса на русский язык. Сарычев, конечно, использовал «поденник» Биллингса. Он об этом упоминает и сам. Но использовал он английский вариант или русский перевод — об этом не говорится. В связи с этим трудно говорить и о степени использования Сарычевым рукописи Биллингса. Можно лишь предположить, что Сарычев прекрасно мог обходиться отчетными материалами и журналами экспедиции, которые вместе с его собственными описями и систематически ведшимися дневными записками представляли обширное поле деятельности. Вероятнее всего, что он мало причастен

к тому, что рукопись Биллингса не была издана. Вина его может состоять только в том (и то предположительно), что он не настаивал на ее издании, когда рукопись была готова и когда она по каким-то соображениям была отклонена Адмиралтейств-коллегией. Но сразу же следует напомнить, что после смерти Биллингса Сарычев обработал его дневники путешествия по Чукотке и издал их под именем Биллингса. Он постоянно выступал в защиту своего командира во всех вопросах.

Естественно, что после выхода в свет книги Сарычева, которой было отдано предпочтение, о Биллингсовой книге перестали говорить. Когда же, через четыре года после этого, Биллингс умер безвестным офицером, то о рукописи совсем забыли. Книга Сарычева окончательно заслонила ее. Со временем же стали думать, что Биллингс вообще ничего не написал. А тем временем его подготовленная к печати рукопись лежала в архиве. Лежит она там и сейчас...

О художнике экспедиции Луке Воронине

Каждому, кто занимался историей этой экспедиции, нравились иллюстрации, сделанные художником Лукой Ворониным к книгам Сарычева и Биллингса. Существует коллекция рисунков этого мастера. Люди благодарны Луке Воронину за то, что он донес до нас суровую действительность Крайнего Северо-Востока конца XVIII в. Благодаря ему ученые получили возможность изучать жизнь чукчей, юкагиров, коряков, а история сохранила изображение дорогих русскому сердцу селений Шелихова на Кадьяке, многих внутренних районов и участков побережья северо-востока Азии и северо-запада Америки. Но до сих пор о нем ничего не было известно. Мы только чуть-чуть приоткрыли завесу над этой жизнью, ждущей своего исследователя.

Удалось наконец-то узнать его отчество и дату рождения. Лука Алексеевич Воронин родился 6 февраля 1765 г.⁴⁸ С пятилетнего возраста, т. е. в 1770 г., он стал воспитанником Академии художеств, в стенах которой провел 15 лет, обучаясь рисовать зверей и птиц. 21 апреля 1785 г. за то, что «отметил себя перед протчими особливым добронравием, честным и похвальным поведением и точным исполнением

⁴⁸ С. Н. Кондаков. Список русских художников, т. II. СПб., 1916, стр. 43.

своих должностей»⁴⁹, Лука Воронин при окончании Академии художеств получил «аттестат первой формы за подписанием господина президента, коим он также удостоивался в 14 класс».

Первоначально в экспедицию Биллингса намечался другой художник, но затем по какой-то причине это назначение не состоялось. Только что выпущенный из Академии художеств 20-летний Лука Воронин узнал о вакансии и, не раздумывая, попросился в экспедицию. Поскольку о Воронине ничего почти не известно, то мы считаем необходимым привести здесь его собственноручное заявление о приеме в состав экспедиции от 5 сентября 1785 г.:

«Узнав от господина коллежского советника Палласа, что в некоторую экспедицию, отправляющуюся по высочайшему ея императорского величества повелению в восточную страну Российского государства, потребен рисовальный мастер, я тем охотнее на сие согласился, что более буду иметь случаев доказать мою любовь и благодарность к моему отечеству, которыми должен за воспитание, доставленное мне в Академии художеств, несмотря на обещание и обнадеживания, какия мне предлагают в сей Академии, я сочел сей путь способнейшим к достижению моего щастия и надеюсь, что ваше сиятельство меня в сем вашею милостию не оставите. Я имею аттестат от оной Академии, имею свидетельства от господина коллежского советника Палласа, для которого я некоторые рисунки делал. Итак, если я могу быть годным вашему сиятельству при сем случае, то осмеливаюсь просить ваше сиятельство и об жалованье, которое одинакое чтоб было 250 рублей, а во время экспедиции удвоенное. Милость таковая усугубит во мне старание, и без того заслуживать благодеяния моего отечества готовое.

*Лука Воронин»*⁵⁰.

В экспедиции Воронин зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Он не только оставил богатое наследство в виде рисунков, далеко не полностью найденных, но был ревностным помощником Сарычева. Он часто сопровождал его, а позднее помогал иллюстрировать книгу. Для этого он не только давал свои рисунки, но также перерисовывал начисто

⁴⁹ Центральный государственный Исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 789, оп. 1, д. 958, л. 1—106.

⁵⁰ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 589, л. 135.

черновые наброски, сделанные Сарычевым. На одном рисунке, на котором запечатлен вид хребта Черского, Воронин изобразил, судя по всему, Сарычева верхом на якутской лошади. Это второе изображение путешественника и ученого, сохранившееся до наших дней (см. рисунок на стр. 47).

По возвращении из экспедиции Биллингс долгое время не отпускал Воронина, который нужен был ему для оформления отчетных материалов. До 1797 г. он значился при Адмиралтейств-коллегии⁵¹. А вот что стало дальше с художником, с «рисовальным мастером живописи птиц и зверей» Лукой Алексеевичем Ворониным, мы пока не знаем. Есть сведения, что он был учеником художника Г. Гроста и умер после 1800 г.

*Почему Г. А. Сарычев не упомянул в своих книгах
о плавании И. Кобелева и Н. И. Дауркина
через Берингов пролив в Америку?*

Путешествие Н. И. Дауркина и И. Кобелева через Берингов пролив в Северную Америку в 1791 г. стало совершенно очевидным фактом с момента находки подлинного письма Дауркина на моржовом клыке. До этого различные авторы в зависимости от материалов, которыми они располагали, совершенно по-разному трактовали важный в истории географических открытий на Крайнем Северо-Востоке вопрос о пребывании Дауркина и Кобелева на американском берегу.

Дауркин и Кобелев были участниками экспедиции Биллингса. Оба много сделали для успеха похода Биллингса по Чукотке, плавали на «Паласе» и «Ясашне», готовили местных жителей Чукотки к предстоящему походу Биллингса и сопровождали его в этом трудном путешествии. В ожидании прихода судна «Слава России» экспедиции Биллингса они находились в июне 1791 г. на чукотском берегу Берингова пролива. Именно в это время, а точнее 11 июня, они и побывали на американском берегу.

Почему же об этом весьма примечательном факте нет никаких упоминаний ни в книгах Сарычева, ни в неопубликованных книгах Биллингса? Не станем во всех подробностях рассматривать и сопоставлять факты. Отметим лишь, по наш взгляд, самые главные из них, самые убедительные.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, д. 958, л. 61.

Биллингс и Сарычев появились у берегов залива Св. Лаврентия на Чукотке 4 августа 1791 г. Здесь Биллингс получил рапорт от Кобелева, который доносил, что он ожидал здесь с 26 июня по 26 июля и уехал к острову Колючину с чукчами, не желавшими больше ждать. «Сотник Кобелев ничего не написал в своем рапорте о толмаче Дауркине, почему спрашивали мы о нем здешних чукочь, которые сказали, что он живет у оленного чукчи, называемого Имлерата Киренева, кочующего не очень далеко от здешнего места, и обещали в то же время послать нарочного дать ему знать о нашем прибытии»⁵². Примерно то же самое пишет и Соур, о чем мы уже говорили.

На следующий день, 5 августа, к вечеру «приехал к нам на 12 больших байдарах толмач Дауркин с оленными чукчами, и с ними их тоен Имлерат Киренев, тот самый, который привез Дауркина из Инжиги (Гижиги.— А. А.) и у которого сей жил в ожидании нашего прибытия»⁵³.

Вне всякого сомнения, что Дауркин, а впоследствии и Кобелев неоднократно рассказывали Биллингсу и Сарычеву о своем плавании в Америку. Дважды в описании своего путешествия и один раз в описании похода Биллингса по Чукотке Сарычев прямо писал о пребывании чукчей в Америке, но не называл имен Дауркина и Кобелева. Упоминается о чукчах, бывавших на американских берегах, и у Биллингса, и у Соура, и даже на карте, о которой мы говорили.

Конечно, такие подробные сведения об Америке Сарычев и Биллингс могли получить в первую очередь от Дауркина и Кобелева. Почему же, много раз упоминая о них в своих книгах, Сарычев ни разу не сказал, что они побывали на американском берегу? Вопрос этот кажется по крайней мере странным. В самом деле, почему бы Сарычеву не рассказать о путешествии Дауркина и Кобелева к берегам Америки? Ведь приводит же он различные рассказы чукчей о своей жизни. Рассказал он и о земле, лежащей к северу от Шелагского мыса, позже получившей название острова Врангеля: «Капитан Шмалев сказывал мне, что он слышал от чукочь о матерой земле, лежащей к северу, не в дальнем расстоянии от Шалагского носа, что она обитаема и что шалагские чукчи, зимнею порою, в одни сутки переезжают туда по льду на

⁵² Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 101.

⁵³ Там же, стр. 103.

оленях»⁵⁴. А вот об интереснейшем событии, современником которого он сам стал, Сарычев не сказал ни слова.

Ответ на этот вопрос надо искать в обстановке, сложившейся в экспедиции в то время, в воззрениях самого Сарычева. Экспедиция достигла впервые берегов Америки 21 июля 1791 г. у мыса Св. Ильи. Именно здесь Биллингс стал капитаном 1-го ранга. Первых американцев участники экспедиции повстречали на американском берегу у мыса Родней 28 июля. А Дауркин с Кобелевым были в Америке 11 июня 1791 г. Сопоставление этих дат наводит на мысль, что Биллингс и Сарычев, очевидно, умышленно не упоминали об этом факте, ибо он был не в их пользу: Кобелев и Дауркин побывали на берегах Америки более чем на полтора месяца раньше Биллингса и Сарычева. Сознание того, что какой-то низший чин и крещеный чукча могут помешать офицерам пожать все лавры первооткрывателей Америки в эту экспедицию, решило исход дела об участии похода Дауркина и Кобелева к берегам Америки. И надо сказать, что такое замалчивание плавания Дауркина и Кобелева вполне удалось Сарычеву. Слухи об их походе были, но доказать этого никто не мог до настоящего времени. И только письмо Дауркина на моржовом клыке, сохраненное Сарычевым или Мерком, прояснило дело.

Это — одна часть ответа, на поставленный выше вопрос. Другая часть ответа кроется в отношении Сарычева к мореходам, землепроходцам, промышленникам, местным жителям. Сарычев был дворянином, офицером из Петербурга. Несмотря на целый ряд его блестящих качеств, его талантливость, трудолюбие, организаторские способности и пр., он оставался сыном своего века. Между ним и простыми людьми лежала огромная пропасть, перешагнуть которую Сарычев никогда не стремился, а, наоборот, как показывают некоторые его высказывания, границы которой он свято соблюдал.

Достаточно напомнить, например, что Сарычев сомневался в походе Ф. А. Попова и С. И. Дежнева вокруг Чукотки. Выше мы ругали В. Н. Берха за несправедливую критику им Биллингса. Теперь же мы вынуждены в целях объективности воспользоваться его же высказываниями, подтверждающими нашу мысль. В № 43 журнала «Сын Отечества» за

⁵⁴ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I. СПб., 1802, стр. 97.

1819 г. Берх поместил окончание статьи «Описание плавания купца Шалаурова по Ледовитому морю». В № 46 и 47 Сарычев возражал ему. Он прямо утверждал, что северо-западный и северо-восточный проходы открыть невозможно (стр. 32, 47). О знаменитых русских мореходах, промышленниках, плавания которых в северной части Тихого океана привели к открытиям исключительной важности и составили целую эпоху в истории географического изучения данного района, Сарычев отзывался с явным пренебрежением.

Вот его мнение о промышленниках: «Дабы иметь истинное о них понятие, надлежит ведать, что российские промышленники, отправляющиеся на купеческих судах в Восточный океан, состоят по большей части из людей, которые или от невозддержанного поведения своего, или от приключившихся с ними каких-либо несчастий, пришли в разорение и доведены до того, что принуждены удалиться в толь отдаленные страны и искать там с великими трудами и опасностью своего пропитания»⁵⁵.

Без обиняков он говорил, что все походы-плавания Глотова, Неводчикова, Соловьева, Толстых не нужно принимать во внимание, так как они совершались не с научной целью, и что суда промышленников не были приспособлены к научным исследованиям, а потому и результатам таких плаваний верить нельзя. Сарычев указывал Берху, что сведения о мореплавателях «должны быть основаны на подлинных журналах и других письменных свидетельствах, а не на рассказах безграмотных промышленников и на иных тому подобных изустных преданиях, из которых часто выходят одне нелепые басни»⁵⁶.

В № 4 за 1820 г. «Сына Отечества» Берх справедливо осудил Сарычева за барство, за неуважение к промышленникам, и в частности к Неводчикову — одному из первооткрывателей Алеутских островов, к Глотову, Соловьеву, Серебренникову. Он спрашивал Сарычева: «Но вопрошу, кем открыта вся цепь островов, от Камчатки к Америке простирающаяся? Не Глов ли, Серебренников, Неводчиков и Соловьев познакомили нас с оными?»⁵⁷.

⁵⁵ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, стр. 23.

⁵⁶ Г. А. Сарычев. Замечания на известия об открытиях в Северном океане.— «Сын Отечества», № 47, СПб., 1819, стр. 47.

⁵⁷ В. Н. Берх. Ответ Сарычеву.— «Сын Отечества», № 4, СПб., 1820, стр. 162.

Надо ли говорить после этого, что несмотря на все услуги, оказываемые Кобелевым и Дауркиным, Сарычев, а вероятно, и Биллингс, считали их „людьми второго сорта“. Особенно не внушал им доверия непосредственный «дикий и неполноценный» чукча Дауркин. Их услуги Сарычев и Биллингс принимали как должное, как само собой разумеющееся. Но рассказывать об их, и только об их открытиях было совсем необязательно. Сарычев, видимо, не считал достойным упоминания плавание Кобелева и Дауркина вместе с чукчами на байдарках в Америку. Вот если бы они сопровождали его, Сарычева, или Биллингса в таком плавании, пусть даже на байдарках, тогда — да, о них можно было бы упомянуть.

Вот, на наш взгляд, двуединые части ответа на поставленный вопрос. Сарычев не написал о походе Дауркина и Кобелева вместе с чукчами в Америку в июне 1791 г. потому, что считал недостойным упоминать об этом. Он не признавал таких плаваний, а в данном конкретном случае и не хотел признавать. Все-таки Кобелев и Дауркин оказались в Америке раньше самого Сарычева.

Хотелось бы сказать еще несколько слов о сотнике Кобелеве. Дело в том, что в литературе укрепилось мнение об его долголетию. Богораз-Тан передает, что Кобелев жил еще в 1849 г. и что, следовательно, ему было в то время более 100 лет. Думается, что это — заблуждение, основанное на том, что в XVIII и XIX вв. на Северо-Востоке жило несколько Кобелевых. Иван Кобелев после окончания экспедиции Биллингса получил чин поручика⁵⁸. Между тем есть свидетельства, что в начале XIX в. по Чукотке ездил отставной сотник Андрей Кобелев⁵⁹. Можно предположить, что Андрей Кобелев — сын Ивана Кобелева. Вообще же Кобелевы вполне заслуживают специального исследования.

Об одной ошибке Биллингса

О месте гибели Н. П. Шалаурова и его спутников писали многие путешественники и историки. Первые сведения об этом в печати появились еще в первой половине XIX в. Ф. П. Врангель со слов своего товарища Ф. Ф. Матюшкина, лицейского друга А. С. Пушкина, сообщил, что «к востоку от устья Веркона находятся остатки хижины», построенной

⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131, л. 98об.

⁵⁹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 89, л. 7.

спасшимися русскими с разбитого здесь корабля. Чукчам эта хижина была давно хорошо известна, и они рассказали о ней Матюшкину. Тот съездил, осмотрел и предположил, что это остатки последней зимовки Шалаурова и его спутников. Поскольку река Верконь впадает в море к востоку от Шелагского мыса, то и было решено, что Шалаурову удалось обогнуть Шелагский мыс.

В дальнейшем писали по этому поводу Г. Майдель (1893) и советские историки географии О. М. Медушевская, М. И. Белов, М. Б. Черненко, В. И. Греков. Приходилось и автору этих строк выступать неоднократно с этим вопросом. Сарычев в описании похода Биллингса по Чукотке, да и сам Биллингс в своем неопубликованном сочинении касались его, сказал о нем и Соур, хотя и очень кратко и неточно. Поэтому необходимо ввиду большой путаницы еще раз остановиться на вопросе гибели Н. П. Шалаурова и его спутников.

В 1954 г. М. И. Белов на основании обнаруженной им записи в дневнике Биллингса сделал вывод, что Шалауров не обогнул Шелагский мыс и погиб на устье реки Елькана, впадающей в Чаунскую губу. Такой вывод было нетрудно сделать, так как Биллингс прямо об этом написал в своем дневнике: «Чукчи сказывали нам, что несколько лет тому назад нашли на устье сей реки (Елькан, или Еловка.— А. А.) в зимнее время избу, покрытую парусиной, и что в той избе было множество костей человеческих и что те остовы принадлежали промышленникам российским Шалауровой компании, которых судно тут зимовало»⁶⁰. Между прочим, этими сведениями пользовался, вероятно, и Сарычев, когда писал, что чукчи «сказывали также, что там за несколько лет перед сим (т. е. перед путешествием Биллингса по Чукотке.— А. А.) чаунские чукчи зимою нашли палатку, покрытую парусами, и в ней много человеческих трупов, съеденных песцами, так что остались одни их остовы; тут же в палатке найдены образа, котлы медные и железные со многими другими вещами, что все чукчи разделили по себе. Из сего известия, вероятно, можно заключить, что найденные чукчами трупы были российских промышленников, погибших тут с судном купца Шалаурова в 1764 году»⁶¹.

⁶⁰ М. И. Белов. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова.— «Географический сборник», вып. III. М.— Л., 1954, стр. 177.

⁶¹ Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса..., стр. 48.

Эта точка зрения получила широкое распространение и отразилась в литературе последних лет. В частности, в «Атласе истории географических открытий и исследований», выпущенном в 1959 г., место гибели Шалаурова указано в Чуанской губе и маршрут его последнего плавания не проведен за Шелагский мыс.

М. Б. Черненко, занимавшийся изучением походов И. Кобелева, полностью согласился с выводами Белова: «Это важное сообщение Биллингса, подтвердившее, что экспедиция Шалаурова погибла в Чуанской губе, а не восточнее Шелагского мыса, несомненно получено через Кобелева, в дневнике которого находка зафиксирована за год до путешествия Биллингса»⁶². Согласимся с Черненко и скажем, что да, зафиксирована, но как? Об этом несколько позже.

Были, правда, и другие взгляды на место гибели Шалаурова и его спутников. О. М. Медушевская прямо указывала на основании архивных документов, что таким местом является устье реки Веркунь. Опираясь на ее выводы, В. И. Греков анализировал этот вопрос, но по существу оставил его открытым⁶³. Вот как об этом думается нам и о чем мы уже писали⁶⁴.

Совершенно неопровержимое на первый взгляд свидетельство Сарычева и Биллингса, переданное Беловым, оказалось ошибочным. При анализе фактов, связанных с обстоятельствами и местом гибели Шалаурова и его спутников, выяснились любопытные подробности. Прежде всего нужно указать, что Биллингс был почему-то до того уверен в правоте сведений, полученных им от местных жителей, что даже не проверил их на месте. Никто из отряда Биллингса не ездил на устье реки Элькана для проверки показаний чукчей. Тем не менее Биллингс занес это предполагаемое место на свою карту и сделал на ней соответствующую надпись⁶⁵. Как же обстояло дело в действительности?

Разобраться в этом помогают документы, хранящиеся в архиве внешней политики России. 11 декабря 1766 г. командир Анадырского острога капитан Я. М. Пересыпкин при-

⁶² М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле... — «Летопись Севера», т. II, стр. 130.

⁶³ В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 193—194.

⁶⁴ А. И. Алексеев. Ученый чукча — Николай Дауркин, стр. 79—81.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23476.

слал охотскому командиру рапорт, в котором, в частности, сообщал: «...в бытность до ево Пересыпкина при урочище Чекаева для збору с волно приходящих в российское подданство чукочь ясака и промыслу аленей того ж году 25 числа августа (1766 г.— А. А.) аленной чукоцкой старшина Петунин Киргинтов скаскою объявил. Оного де 766 года летом известился он, Петунин, от живущих в самом Чукоцком носу пеших чукочь, а те-де чуками, живущими в северной стороне при реке Чауне. Чукчи ж объявили, прошедшаго до 1765 году лета от той реки Чауна к северо-востоку при реке (называемой ими) Веркуне, а жительствующие на самом устье оной чукчи в проезд свой для промыслу зверей усмотрели стоящую при том устье ис холста полатку. То-де останавливаясь хотели знать какия из оной люди выдут, а как да по немалому времени никого усмотреть не могли, то-де и принуждены были в тою полатку стрелять, чтоб тем к выходу встревожить. Но и потому никто не выходил. Тогда-де подошед и увидели во оной мертвыя человеческия тела, коих-де было сорок человек в суконной и холщевой одежде и при бедрах по небольшому ножу, а притом де имелось же и до шестидесяти ружей, также несколько в лядунках пороху и свинцу, копей троюгранных сорок, то же немало было топоров, куб большой медной один. Да вверху-де той же реки Веркуни (т. е. в верховьях этой реки.— А. А.), а при каком урочище не знают живущими при Чаунской губе чуками найдены копанния в земле ямы, в кои кладены были мертвыя человеческия ж тела, а около де тех ям стояли ж на ратовьях двадцать железных копей (по коему числу думать можно, что столько человек было), да при роскладываемом де при той же полатке огнище лежали ж мертвых два человека...» Т. И. Шмалев, со слов которого мы передаем данный документ, приписал к нему: «Слых носился чрез верноподданных коряк, когда Шалауров с работными вышел на берег, то чукчи пришли к ним под видом ласковости и якобы из усердия в приветствие и тем русским людям принесли для пищи ягод, называемой морошки, кою они от начавшейся цынги вскоре все есть стали, а как-де во оные ягоды чукчи намешали лютика травы ядовитой соку, то зделалось к великому вреду и явной гибели, от чего они заболели и в кратком времени примерли, а оставших больных же прибили. И яacob, видя такое приключение, из работных двое на судно бросились, конат отрубя, в море судном отвалили, но после, может, опять прибило и судно до основания разбило, как то из ре-

порту прапорщика Леонтьева с товарищи видно, что часть судна отыскана близ Колымского устья по западную сторону. Они ж, чукчи, при реке Анадыре при торгах с российскими променивали ис платья суконныя епанчи, камзолы, медныя чернильницы и протчия им, чукчам ненадобныя вещи»⁶⁶.

Из рассмотрения этих документов ясно, что спутники Шалаурова погибли при устье реки Веркунь, а не Элькан. Надо думать, что чукчи говорили об этом и Биллингсу. Но он допустил ошибку, перепутав реки. Надо иметь в виду, что в том месте, где проходил по Чукотке маршрут Биллингса, русла реки Кувета, или Хивата, впадающей в реку Веркунь, самой реки Веркунь, а также реки Элькана, или Еловки, очень близко подходят друг к другу. Устье реки Веркунь, или Верконь, через тройной перевод (чукотско-русско-аппликийский) легко было переделано в устье реки Элькана.

О том, что чукчи говорили Биллингсу именно о реке Веркунь, указывает и следующая интересная подробность, на которую не обратил внимания М. Б. Черненко. Путешествовавший по Чукотке сотник И. Кобелев написал в своем дневнике 14 марта при переезде реки Хивата, что «на устье оной купца Шалаурова судно льдами разбило и люди от гладу все померли на самом том устье»⁶⁷. Да, действительно, Кобелев за год до Биллингса зафиксировал факт места гибели Шалаурова и его спутников, но не в Чаунской губе, а на устье реки Веркунь.

Итак, обстоятельства гибели Шалаурова рисуются в таком виде. «Вера, Надежда, Любовь» летом 1764 г. прошла мимо Чаунской губы и обогнула впервые после похода Ф. А. Попова и С. И. Дежнева Шелагский мыс. Здесь судно было затерто льдами и прибито к берегу. По примеру прошлых зимовок Шалауров построил избу, в которую перешла жить часть экипажа судна. Какая-то часть ушла со стоянки, намереваясь, вероятно, достичь Нижнеколымска: в документах говорится, что чукчи нашли мертвых русских также и в одном из урочищ в верховьях реки Веркунь. Вполне возможно, что часть зимовщиков дошла и до устья реки Элькана, где также погибла. Отсюда и путаница. Зимовка была тяжелой. Все умерли от голода и холода. Ни один из участни-

⁶⁶ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 5, лл. 56об.— 57.

⁶⁷ М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле... «Летопись Севера», т. II, стр. 130.

ков этого похода не остался в живых. Но погибли они, пройдя Шелагский мыс.

Более полутора веков прошло с тех пор, как Иосиф Биллингс занес в свой дневник и нанес на карту ошибочные сведения о месте гибели Шалаурова. Почти столько же лет об этих записях ничего не было известно. Записки Биллингса хранились, как мы видели, нетронутыми в архиве. Ставшие достоянием широкой научной общественности, они невольно умаляли значение последнего похода Шалаурова. Но, к счастью, Биллингс ошибся. И без особого труда его ошибку сейчас, спустя столько лет, можно поправить. «Вера, Надежда, Любовь» обогнула Шелагский мыс!

К сожалению, уже после сообщений о гибели Шалаурова за Шелагским мысом в «Атласе географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке» повторяется версия, выдвинутая М. И. Беловым⁶⁸.

Научные результаты экспедиции

В оценке научных результатов экспедиции существуют значительные разногласия. В основном они вызваны многолетними спорами о роли Биллингса и Сарычева в экспедиции, о чем уже говорилось. Этот вопрос, как нам представляется, совершенно ясен и путать его в будущем не следует. Подведем краткие итоги.

Северо-восточная астрономическая и географическая экспедиция — крупнейшее географическое и политическое предприятие XVIII в. На всем огромном пространстве северо-востока Азии и северо-запада Северной Америки нет ни одной крупной области на суше и на море, которая не была бы охвачена географическими исследованиями. Особенно много было сделано на северо-востоке Сибири Сарычевым. Он впервые описал Верхоянский хребет и по существу явился первооткрывателем хребта, получившего впоследствии название хребта Черского. Сарычев дважды пересек Оймяконское плоскогорье и сообщил первые сведения о его географических ландшафтах. Он же дважды пересек Колымскую низменность и доставил первые сведения о географии Индигирской низменности. Сарычев указал на существование Се-

⁶⁸ «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.». Под ред. А. В. Ефимова. Изд-во «Наука», 1964, комментарии, стр. 90.

верного Анюйского хребта. Сарычев вместе с Бронниковым пересекли Янское плоскогорье, первыми описали его, выделив характерные черты ландшафта в его центральной и южной частях; описали хребет Тас-Хаяктах, отметив характерные черты его орографии, его водораздельное значение и особенности его вертикальной зональности.

Бронников первым исследовал неизвестный горный район между рекой Юдомой и хребтом Джугджур. Он открыл и описал южную часть Горностахского хребта, хребты Улахан-Бам и Юдомо-Майский, отметив характерные черты их горного ландшафта. Отряд Биллинга фактически открыл для науки Анадырскую горную систему и Анюйскую горную систему.

Много было сделано и в исследовании побережья Охотского моря, части Тихого океана и Берингова моря, а также Северного Ледовитого океана. Во время плавания на «Паласе» и «Ясашне» была точно описана устьевая часть реки Колымы и часть берега до острова Айон. Сарычев рассказал о природе этой части побережья. Он отметил характерные черты рельефа, объяснил происхождение кекуров, сообщил о свойствах вечномёрзлых грунтов и об их использовании для практической деятельности человека, описал общий характер растительности. Находки мамонтов привели Сарычева к правильному объяснению этого явления⁶⁹.

Сарычев детально описал Охотское побережье от Охотска до Алдомы. Он составил точный план Охотского порта. Экспедицией был открыт остров Св. Ионы и обследованы первые пять островов Курильской гряды. Необходимо отметить также, что Сарычев производил наблюдения над колебаниями уровня воды, над течениями, движениями льдов, регулярно измерял температуру воздуха и глубин, определял грунты. Суда экспедиции пересекли пять раз Берингово море и четыре раза Берингов пролив. Во время этих плаваний был накоплен большой научный материал. Экспедиция установила шельфовый характер северо-восточной половины Берингова моря и мелководность всего пролива. Сарычев открыл характерные течения в южной и восточных частях моря, а также в проливе, предсказал географическое положение устья реки Кукоквима и первым точно положил на карту

⁶⁹ М. Б. Г р е н а д е р. Северо-восточная географическая экспедиция 1785—1795 гг., стр. 11.

море и пролив⁷⁰. Впервые детально были описаны Алеутские острова, острова Прибылова, остров Св. Матфея, остров Св. Лаврентия, острова Гвоздева и остров Кинг. Особенно обстоятельные исследования были произведены Сарычевым на о. Уналашке, который получил ценное географическое описание. Была составлена подробная карта этого острова.

Экспедиция сделала опись почти всех островов Алеутской цепи, завершившуюся точным картированием ее. Впервые были получены точные данные о географическом положении, очертании береговой линии, рельефе и вулканизме многих островов. Многочисленные измерения глубин, определение грунтов, наблюдения над течениями выяснили особенности акватории Алеутских островов, а регулярные измерения температуры и наблюдения над ветрами, проводившиеся во время зимовки на Уналашке, уточнили представления о климатических условиях островной цепи⁷¹.

Участники экспедиции имели вполне определенное представление о реке Хеуверене, которую так тщетно до сего времени ищут ученые, посвящая этому специальные исследования. Уже приводились высказывания на этот счет Сарычева. Вот еще совершенно точное указание, переданное Соуром: «Остров Кинг они (жители Америки.— А. А.) называют Окибянь, а остров Следж — Аяк. Залив, образуемый двумя мысами, принца Уэльского и Родней, называется Эмягра. Самая глубокая часть его образуется сбросом довольно большой реки, называемой Хеуверен. Местные жители говорят, что вблизи ее истоков местность покрыта густым лесом. Кобелев, рассказывая о реке вблизи этого места, упоминает, что на ее берегу имеется небольшой город с церковью и острогом, построенный и населенный русскими»⁷². Точнее не скажешь.

Первенствующее значение Сарычева в научных исследованиях экспедиции неоспоримо. Оно еще более возрастает от того, что ему удалось довести до конца эту работу, завершив ее изданием капитального труда о своих путешествиях и изданием книги о путешествии Биллингса по Чукотке. Благодаря участию Сарычева труды экспедиции получили извест-

⁷⁰ М. Б. Г р е н а д е р. Северо-восточная географическая экспедиция 1785—1795 гг., стр. 14.

⁷¹ Там же, стр. 15.

⁷² M. Sauer. An account of a geographical..., p. 258.

ность, а научные результаты стали достоянием ученых всего мира.

Северо-восточная географическая и астрономическая экспедиция явилась достойным завершением полувековых подвигов русских моряков, землепроходцев, мореходов, промышленников по исследованию северной части Тихого океана, по изучению Северо-Западной Америки и Алеутских островов. Вслед за ней начался период русских кругосветных и полукругосветных морских плаваний, которые окончательно завершили исследования этих районов, благодаря чему укрепилось русское влияние в этой части земного шара. Если экспедиция П. К. Креницына — М. Д. Левашева положила начало систематической съемке Алеутских островов, то экспедиция И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева завершила съемку и произвела обширные географические исследования этих островов. После экспедиции Беринга — Чирикова экспедиция Биллингса — Сарычева была самым крупным событием во всей истории исследований Россией на Дальнем Востоке в XVIII в. Значение ее особенно возросло благодаря участию в экспедиции трудолюбивого и талантливого Сарычева, выдающегося гидрографа и картографа⁷³.

⁷³ А. И. Алексеев. Г. А. Сарычев — выдающийся мореплаватель и ученый. — «Изв. Всес. геогр. об-ва», т. 96, № 2, 1964, стр. 106.

Балтийская гидрографическая экспедиция

Когда окончились хлопотливые и радостные первые дни возвращения из экспедиции, когда отдохнувший и немного уставший от материнских забот Сарычев снова принялся за дела, в его голове уже созрел план: вместе с книгой-отчетом об экспедиции написать еще и руководство по гидрографическим работам. В нем он хотел обобщить все имеющиеся к тому времени методы производства гидрографических работ и изложить свои, применявшиеся весьма успешно в экспедиции способы морской описи и гидрографической съемки.

И в 1796 г., когда Сарычев был назначен командиром корабля «Святослав», который простоял все лето на Кронштадтском рейде, он не переставал заниматься своей книгой. Много времени отнимали и дела экспедиции, по окончании которых 13 ноября 1796 г. Сарычев получил чин капитана 1-го ранга. Летом 1798 г. Сарычева перевели на корабль «Принц Густав», а затем — на «Иоанн Креститель». На них он всю навигацию находился в крейсерстве в проливах Бельт, откуда перешел в Ревель и наконец возвратился в Кронштадт.

Осенью 1798 г., когда Сарычев был в Петербурге, числясь на строящемся корабле «Рафаил», он несколько неожиданно получил приказание отправляться в Архангельск. Там он должен был принять строящийся корабль «Москва» и на нем прибыть в Кронштадт. Это сложное задание Сарычев успешно выполнил. С началом навигации 1799 г. он вышел на новеньком корабле «Москва» вокруг Скандинавии и благополучно прибыл на Эдинбургский рейд в Шотландии. Отсюда он перешел в Портсмут, где взял десантные войска и доставил их в Ревель. Только в 1801 г. Сарычев возвратился в Кронштадт. И в этом же году стал капитан-командором.

Между тем Адмиралтейств-коллегия при непосредственном участии Сарычева разработала план научно-исследовательских работ в Балтийском море. Ему же пришлось приводить в исполнение обширную программу этих исследований. Сарычеву и офицерам, выделенным в его распоряжение, вменялось в обязанность: «1-е. Морские карты, изданные покойным адмиралом Нагаевым, по многим открывшимся в них неверностям и недостаткам исправить, и для этого определить положение берегов Балтийского моря и Финского залива по геодезическим правилам и астрономическим наблюдениям; потом сочинить вновь морские карты, с означением на них географических широт и долгот, с показанием глубин, грунтов и склонения компаса. 2-е. Учредить в некоторых местах по Финскому заливу вновь маяки, возобновить ныне существующие, переменить неудобный образ освещения их и прибавить время для оного»¹.

Исследования начались уже в 1802 г. Указ о назначении Сарычева начальником экспедиции был подписан 29 мая, а ровно через месяц катера «Гонец» и «Вестник» под командованием капитан-лейтенантов Ендогурова и Рындина вышли из Кронштадта. За месяц с небольшим (до 5 сентября) участники экспедиции, руководимой Сарычевым, произвели промер и астрономические определения по южному берегу Финского залива, описали острова Финского залива, в частности остров Сескар, а также берег залива, реку и город Нарву. Сарычев сделал даже историко-географическое описание дворца Петра I в этом городе. Возвратившись в Кронштадт, где в эти годы жил Сарычев вблизи церкви Богоявления господня, он написал отчет о работах, который был представлен в Адмиралтейств-коллегию и в Академию наук.

В эту осень Сарычева ожидали сразу две награды. За участие в экспедиции Биллингса он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а за выслугу морских кампаний ему пожаловали орден Св. Георгия 4-го класса. Наконец, в этом же году вышла книга Сарычева «Путешествие флота капитана Сарычева...», о которой уже неоднократно говорилось. Но и это еще было не все.

¹ «Дневные записки плавания вице-адмирала, члена Государственной Адмиралтейств-коллегии, почетного члена адмиралтейского департамента и гидрографа Гаврилы Сарычева по Балтийскому морю и Финскому заливу в 1802, 1803, 1804 и 1805 годах. С астрономическими и геодезическими наблюдениями, принадлежащими к поправлению морских карт». СПб., 1808, стр. 1—2.

9 января 1803 г. он стал контр-адмиралом, а вслед за этим (14 января) был определен в члены Государственной адмиралтейств-коллегии. Сарычев заканчивал книгу о гидрографических работах и готовился к следующей кампании на Балтике, которая обещала быть сложной, интересной и имеющей большое значение для личной судьбы молодого контр-адмирала.

Плавание в 1803 г. было связано с учебными занятиями гардемарин Морского корпуса. 140 будущих морских офицеров разместили на 5 кораблях эскадры в составе фрегатов «Тихвинская богородица» (командир капитан-лейтенант Гамильтон), «Счастливый» (командир капитан-лейтенант Бестужев-Рюмин), «Феодосий Тотемский» (командир капитан-лейтенант Андрей Дезин), катера «Диспач» (командир капитан-лейтенант Каслищев), люгера «Князь великий» (командир лейтенант Куломзин) и яхты «Снапоп» (командир лейтенант Григорий Бутаков). Промерные работы выполнялись с трех галер.

Эскадра вышла в море 14 июня, имея на борту почетную гостью — фрейлину великой княжны Марии Павловны Анастасию Васильевну Мацкевич. По всей вероятности, Сарычев был знаком с ней и ранее, так как совместное плавание укрепило их взаимные чувства. Они горячо полюбили друг друга. 29 июня эскадра пришла в Росток, откуда Мацкевич отправилась к великой княжне. Между ней и Сарычевым завязывается оживленная переписка. Сарычев почти через день пишет своей невесте о положении дел на эскадре².

Сарычев провел учения в Травемюнде, где гардемарины обучались такелажному делу, вели артиллерийскую стрельбу, производили гидрографические работы. Между прочим, именно здесь Сарычев употребил новый способ морской описи, на который еще в 1879 г. обратил внимание П. И. Кузнецов³. Но затем это было забыто, и, к сожалению, до сих пор во многих трудах по гидрографии моря считается, что коренным образом способ морской съемки Кука был усовершенствован французом Ботам-Бопре, окончательно заменившим компасные пеленги астрономическими и введшим в гид-

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом), ф. Сарычева, письма Сарычева. Фонд не разобран, поэтому не представляется возможным сообщить точное их нахождение. В дальнейшем будем указывать: ПД, ф. Сарычева.

³ П. И. Кузнецов. Руководство к съемке берегов и промеру. СПб., 1879, стр. 173.

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ

ПЛАВАНІЯ

Вице-Адмирала, Члена Государственной Адмиралтейшней-Коллегіи, Почетнаго Члена Адмиралтейскаго Департамента и Гидрографа

Гаврилы Сарычева

по

Балтійскому морю и Финскому заливу въ 1802, 1803, 1804, и 1805 годахъ.

съ

Астрономическими и Геодезическими наблюденіями принадлежащими въ поправленію морскихъ картъ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Морской Типографіи 1808 года.

Титульный лист «Дневных записок» Г. А. Сарычева

рографию задачу Потенота, в которой положение точки определялось посредством измерения двух углов между тремя предметами. Метод этот был им опубликован впервые в 1808 г., затем в 1811 и 1829 гг.

К сожалению, Кузнецов не заявил тогда во весь голос, что Г. А. Сарычев еще в 1803 г. употребил при съемке Балтийского моря точно такой же способ, но о котором было напечатано лишь в 1808 г., т. е. одновременно с сообщением французского гидрографа и, разумеется, независимо от него. Вот что писал тогда Сарычев: «Сверх сего (других занятій.— А. А.) сочинили они план Травеминдской рейды по

новоизобретенному мною способу, не выходя на берег, только помощью одних пеленгов и измерения углов секстаном, взятых с судов дивизии нашей»⁴. А ведь суть способа, предложенного Сарычевым, именно в том и состоит, что с известных, астрономически определенных точек пути корабля, называвшихся главными морскими станциями, по пеленгам и углам фиксируются основные точки берега. Это то, о чем сообщал и французский гидрограф.

Сам Сарычев между тем сделал астрономические определения в устье реки Варны, так же как в местах других стоянок. Затем, приняв на борт великую княжну и свою невесту, Сарычев 16 июня с эскадрой вышел в море. По пути она заходила в Либаву и Ревель, где Сарычев также произвел астрономические определения. 17 августа эскадра встала на якорь в Кронштадте. Сарычев проводил гостей до Петергофа и снова загрустил. Вскоре после расставания он пишет Анастасии Васильевне, что очень страдает, так как целых два месяца не будет видеть ее, упрекает, что от нее нет писем: «Вам известны мои к Вам чувствования и потому можете судить, сколь драгоценны должны быть для меня Ваши письма и сколь мучительно не получать их тогда, когда ожидаешь. Но простите мне, что я осмелился произнести мои жалобы: я должен иметь терпение и только в молчании Вас обожать; я уверен, что чувствительная душа Ваша и без того примет участие в моем страдании и не оставит подать утешение тому, которой не только судьбу и счастье, но и жизнь свою навсегда посвятил Вам и будет вечно Вашим всепокорнейшим слугою»⁵.

До своего ухода в плавание летом 1804 г. Сарычев часто писал невесте, которая жила у фрейлины Е. И. Нелидовой в Павловске. 6 июня он пишет, что царь разрешил сыграть свадьбу в августе 1804 г. Между тем 26 июня катер «Гонец» (командир капитан-лейтенант Быченский), лоц-гукор «Св. Петр» (командир штурман 12-го класса Сорокин), галиот «Утка» (командир штурман 8-го класса Иванов) и лоц-галиот «Гофнут» (командир штурман 14-го класса Тебенков) вышли для производства гидрографических работ в Финский залив. В основном велись астрономические определения, которые должны были послужить основой для составления будущих морских карт.

⁴ Г. А. Сарычев. Дневные записки..., стр. 72.

⁵ ПД, ф. Сарычева, письмо от 28 августа 1803 г.

В начале августа Сарычев возвратился в Кронштадт. Вскоре состоялась свадьба, после которой молодые переехали в свой собственный дом в Литейной части (в 3-м квартале, в Хлебном переулке, близ Шести Лавок, под № 343). На свадьбе были родные Сарычева: матушка, брат и сестра, а также отец и мать Анастасии Васильевны — Василий Андреевич и Анна Михайловна Мацкевич, ее сестра Аграфена Васильевна Кафтырева и брат Иван Васильевич Мацкевич, а также многочисленные двоюродные братья и сестры, племянницы, племянники, тетушки и дядюшки. Свадьбу посетили высокопоставленные лица во главе с царем.

Кампания 1805 г. была более продолжительной и интересной. Выполнение гидрографических работ связывалось с выполнением особого задания — конвоированием купеческих судов из Риги к острову Рюген. 3 июня эскадра в составе фрегата «Эммануил» под командованием капитан-лейтенанта Михайлова, яхты «Снапоп» и катера «Диспач» отправилась для проведения гидрографических работ в Финском заливе, Моонзунде и Рижском заливе. Работы продвигались успешно, но через некоторое время Сарычев из Ревеля выехал в Ригу, где подготовил купеческие суда к переходу через южную Балтику к острову Рюген. Он же и проводил эти суда к острову, при этом едва не утонул. Сарычев возвратился в Кронштадт на корабле «Рафаил» в эскадре адмирала Тета.

Продолжались работы и в 1806 г. В этот год велись исключительно астрономические определения и обрабатывались многочисленные материалы прошлых лет. Очень важное значение имело определение точных координат Кронштадта, поскольку все наблюдения начинались от этого пункта. И Сарычев с помощью адъюнкта В. Вишневого⁶ 22 и 23 марта сумел определить очень точно долготу по сигналам, принимаемым с колокольни церкви Богоявления господня на обсерватории в Петербурге и у Штурманского училища в Кронштадте.

В течение всего времени Сарычеву помогали учитель Морского корпуса чиновник 8-го класса Алексей Абросимов и штурманский ученик Алексей Емельянович Колодкин. Кро-

⁶ Викентий Карлович Вишневский (1781—1855), академик, астроном. Определил 250 главных астрономических пунктов России. С 1819 по 1836 гг. читал астрономию в С.-Петербургском университете. Активно сотрудничал с Адмиралтейств-коллегией и Управлением генерал-гидрографа.

ме них в промерных работах и астрономических определениях принимали деятельное участие офицеры выделенных кораблей, а в 1804 г. еще и пять мичманов, только что выпущенных из училища. Работа была проведена огромная: весь Финский залив заново положен на карту, промерены проходы Моонзунда, исследованы подходы к Либаве, Мемелю, Риге, Виндаве, портам южной части Балтийского моря, астрономически определены широты и долготы 23 пунктов побережья и островов Балтийского моря. На основании этих больших по своим масштабам и результатам исследований Сарычев уже в 1809 г. выпустил Атлас Балтийского моря, дополненный в 1812 г. В 1817 г. появилась и Лоция Балтийского моря.

О высоком качестве астрономических определений Сарычева свидетельствовали отзывы ученых, которым они были препровождены на рассмотрение. Возвратившись из плавания 1804 г., Сарычев, как всегда, докладывал товарищу министра морских сил вице-адмиралу П. В. Чичагову о проделанной работе. Особенно он подчеркивал, что «останавливался на пути моем во всех тех местах, которые почитал неверно положенными на прежних картах, и старался, сколько можно, поверить их как чрез астрономические наблюдения, так и чрез пеленги и измерение углов секстаном»⁷. Журнал астрономических определений был передан Чичаговым в Академию наук, от имени которой его просматривали В. К. Вишневский и маститый академик-астроном П. Иноходцев. Последний писал 10 октября 1804 г. в учное собрание Императорской Академии наук, что журнал астрономических наблюдений контр-адмирала Сарычева «просматривал и нахожу во всем сходным с двумя прежними таковыми же журналами, о коих в свое время 27 октября 1802-го и 23-го ноября 1803 года представил мое мнение, которое и ныне повторяю, что наблюдения и вычисления деланы со тщанием и определенные из них широты и долготы упоминаемых в журнале мест для географического употребления достаточны и полезны»⁸. То же самое говорилось и об отчете Сарычева по кампании 1805 г.⁹

Составленные по таким материалам Атлас и Лоция достойно сменили отслужившие свою службу аналогичные

⁷ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2428, л. 19.

⁸ Там же, л. 2.

⁹ Там же, лл. 44—52.

МОРСКІЙ АТЛАСЪ

всего БАЛТІЙСКАГО МОРЯ съ ФИНСКИМЪ ЗАЛИВОМЪ и КАТЕГАТОМЪ;
 включающій въ себя

ГЕНЕРАЛЬНУЮ МЕРКАТОРСКУЮ и 12 ЧАСТНЫХЪ КАРТЪ съ ВИДАМИ БЕРЕГОВЪ
 вновь исправленный

по ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

*Възле Адмираловъ, непреклонныхъ членовъ Государственной
 Адмиралтейской Коллегіи, Платонъ членовъ Государственнаго Адмиралтейства
 Архиппъ и Непрострѣной, Антонъ и Непрострѣной, Непрострѣной и Непрострѣной
 Непрострѣной*

Титульный лист «Морского атласа Балтийского моря»
 Г. А. Сарычева

гидрографические документы А. И. Нагаева, изданные в середине XVIII в.

В предуведомлении к Атласу¹⁰ Сарычев писал, что в Атласе Нагаева накопились с 1752 г. ошибки, что при составлении его также имели место погрешности, неверности: неправильно были положены некоторые острова и берега Финского залива на карты, частные карты составлены без обозначения на них географических широт и долгот, карты составлены по компасу, а склонение не указано, Петербург нанесен с ошибкой на 18' по широте и на 2° по долготе. Сарычев сумел избежать ошибок Нагаева благодаря новым методам определения положения места. «Я определил,— указывает он,— чрез многократные астрономические наблюдения, географические широты и долготы 20-ти мест по берегам и островам Балтийского моря и Финского залива и на оных утвердил основание новых карт». Астрономические определения давали, таким образом, надежную основу для карт, а ситуация на них также была вполне достоверна. «Взаимное положение между мысами, островами и мелями,— писал далее Сарычев,— в некоторых местах определил чрез истинные румбы,— сысканные по астрономическим наблюдениям, а в других — по пеленгам и измерению секстаном углов между предметами и потом связал треугольниками»¹¹.

Таким образом, были нанесены на карту все русские берега Балтийского моря; шведские берега нанесены в Атласе с новейших шведских карт, а карта Катега та и датские берега сняты с последних датских карт, немецкое побережье — «с береговых описаний, произведенных россиянами после издания г-ном Нагаевым Атласа».

Сарычев придавал большое значение достоверности морских карт. Он хорошо знал, что многие мореплаватели имели все основания не слишком полагаться на карты, составленные Адмиралтейств-коллегией. Поэтому он издал еще дневник своих плаваний и наблюдений. В предисловии к ним он подчеркивал, что эти записки напечатаны, «дабы мореплаватели

¹⁰ Полное название Атласа таково: «Морский атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Катега том; заключающий в себе генеральную меркаторскую и 12 частных карт с видами берегов, вновь исправленный по высочайшему повелению вице-адмиралом, непременным членом Государственной Адмиралтейств-коллегии, почетным членом Государственного адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук, гидрографом и кавалером Гаврилом Сарычевым».

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23053, «Морский Атлас», л. 2.

с большею доверенностью могли положиться на исправность карт, видя способы, употребленные мною к вернейшему определению географических широт и долгот, служащих главным основанием оных»¹².

Атлас Сарычева длительное время служил единственным и верным пособием для русских моряков при плавании по Балтийскому морю. Его существенным образом дополнила изданная в 1817 г. Лоция¹³ Сарычева. Дело в том, что Лоция Нагаева к тому времени также устарела: в ней были показаны компасные румбы без указания склонения; большие перемены произошли и в навигационном ограждении (маяки, вежи и т. д.), устарели многие сведения береговой черты. Кроме того, в Лоции Нагаева было затруднительно отыскать сразу место, соответствующее положению по карте. Все эти недостатки постарался устранить Сарычев.

Помимо того, что он существенным образом уточнил и обновил сведения, помещенные в Лоцию, он очень удобно расположил в ней материал, соответственно картам, помещенным в Атласе: каждая карта Атласа комментировалась соответствующей главой Лоции. Иными словами, каждая глава Лоции содержала материал об определенном участке моря и соответствующем участке берега: от Невы до Кронштадта, от Кронштадта до Сескара и т. д. Описание внутри главы построено по следующему принципу: сначала дается описание морской части, затем берегового участка, затем описываются острова, маяки, приметные места, мели, рифы и банки, глубины моря и фарватеры, рекомендованные курсы, предостережения при плавании вблизи мелей, течения, якорные места, географические широты и долготы мест, определенных астрономическим путем, и склонение компаса. Такое построение, распределение материала очень удобно — мореплаватель легко находит необходимую справку. Все румбы в Лоции показаны истинные, как и карты, которые сделаны по истинному компасу.

Примером лаконичности и точности, полноты сведений, приведенных в Лоции, может служить небольшой отрывок, в котором описывается остров Лавенсаари: «Остров Лавенсар имеет вокруг берегов своих подводные и наружные камни;

¹² ЦГВИА, ф. ВУА, № 23189, стр. 1.

¹³ Полное название Лоции таково: «Лоция, или Путеуказание к безопасному кораблеплаванию по Финскому заливу, Балтийскому морю и Категау. Составил вице-адмирал и гидрограф Гаврила Сарычев. Санкт-Петербург. В Морской типографии 1817 года».

с северо-восточной и восточной сторон оные простираются не далее 250 саженей, с северо-западной — на полторы версты, с западной — на одну версту; а к югу выдалась отмель двумя рифами, из коих один широкий от юго-западного края острова на 4 версты, другой — узкий от восточного мыса к StO $\frac{1}{2}$ 0 на 3 версты и 400 саженей; оба сии рифа наполнены наружными и подводными камнями»¹⁴. Мореплавателю все ясно, и он сразу же решит, как лучше подойти при необходимости к острову и как расположить курсы, если потребуется проходить вблизи него. Кроме этого чисто навигационного, гидрографического описания есть еще и другие сведения, интересующие географа: рельеф, растительность, жители, населенные пункты и пр.

Одновременно с непосредственными гидрографическими работами на Балтийском море и созданием практических пособий для мореплавателей Сарычев продолжал писать свою книгу, в которой разрабатывал и теоретические вопросы гидрографии моря. Громадная гидрографическая практика в отдаленных местах России, полная самостоятельность при выполнении работ, личные способности к исследовательской гидрографической деятельности помогли Сарычеву создать совершенно оригинальный теоретический и практический курс — «Правила, принадлежащие к морской геодезии, служащие наставлением, как описывать моря, берега, острова, заливы, гавани и реки, плавая на больших парусных и малых гребных судах, также и идучи с мерою по берегу, с показанием, как сочинять морские карты и на оных располагать описанные места», — изданный в 1804 г. В «Предупреждении» к своей работе Сарычев писал, что в течение долголетних гидрографических работ он накапливал все то, что служило к улучшению методов гидрографических наблюдений, выбирал «из своего журнала особенные лучшие правила», составленные им самим; делал «многие полезные замечания, принадлежащие к усовершенствованию геодезии»¹⁵.

Труд Сарычева состоит из пяти глав. В первой наряду со способами производства описи на больших парусных судах, определения течения и измерения высот гористых берегов даются наставления для проверки необходимых при этом инструментов: компасов, песочных часов, лаглиней, лотлиней,

¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23220, стр. 54—55.

¹⁵ Г. А. Сарычев. Правила, принадлежащие к морской геодезии..., СПб., 1804, стр. II и III.

ЛОЦІЯ,

или

Путеуказаніе къ безопасному ко-
раблеплаванію по Финскому зали-
ву, Балтійскому морю и Капегату.

Составилъ
Вице-Адмиралъ и Гидрографъ
Гаврила Сарычевъ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Морской Типографіи 1817 года.

Титульный лист «Лоции Балтийского моря»
Г. А. Сарычева

хронометров, секстанов, телескопов. Во второй главе «предлагается способ описывать берега, заливы и устья рек на гребных судах с приложением примерного журнала, как его должно вести»¹⁶. Этот способ был впервые блестяще разрабо-
тан Сарычевым во время его работ на Алеутских островах. Он утверждает, что «для верной описи берегов (крупные мореходные суда) совсем неудобны»: на них нельзя близко подходить к берегу, производить точный промер глубин в мелководных местах и там, где надводные и подводные камни,

¹⁶ Г. А. Сарычев. Правила, принадлежащие к морской геодезии..., стр. III.

определять из-за этого подробности береговой черты и др. «Следовательно,— продолжает Сарычев,— чтобы иметь верные карты здешних морей, надобно опись делать, так сказать, *ошупью*. Для сего нужно производить ее на больших кожаных байдарках или на малых гребных судах, удобных по малому углублению своему безопасно плавать подле самых берегов и могущих находить всегда закрытие себе, при крепких ветрах, в мелководных речках или заливах»¹⁷. При таком способе значительно возрастает точность определений, а также быстрота выполнения работ.

Третья глава посвящена производству описи берега для случая, когда эта опись ведется наблюдателем, идущим по берегу. По существу это инструментальная, топографическая съемка, усиленная элементами морской описи. В четвертой главе разбирается вопрос о «сочинении карт плоских и меркаторских», в пятой же «предлагается средство узнавать расстояние от одного корабля до другого с показанием способа снимать планы гаваней с кораблей, стоящих на рейде»¹⁸.

Потребность в подобном руководстве была столь велика, что в 1825 г. этот труд Сарычева, значительно переработанный и дополненный новыми материалами,— по существу новый труд — вышел вторым изданием под названием «Геодетические и гидрографические правила, сочиненные вице-адмиралом Сарычевым». Всю первую половину XIX в. в штурманских училищах и в Морском корпусе морскую съемку изучали по руководству Сарычева.

Успехи в гидрографической деятельности, выпуск книги, удачно проведенная многолетняя Балтийская гидрографическая экспедиция, не говоря уж о заслугах Сарычева в экспедиции Биллингса, выдвинули его в число ведущих ученых-гидрографов мира. 20 марта 1808 г. он назначается почетным членом Государственного адмиралтейского департамента с присвоением звания гидрографа русского флота, 16 апреля производится в вице-адмиралы и назначается главным командиром в Свеаборг.

Сохранились некоторые частные письма, связанные с назначением и поездкой Сарычева в Свеаборг. В путешествии до Свеаборга его сопровождал слуга Федор Никитич. Жена

¹⁷ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I. СПб., 1802, стр. VI.

¹⁸ Г. А. Сарычев. Правила, принадлежащие к морской геодезии..., стр. IV.

П Р А В И Л А
П Р И Н А Д Л Е Ж А Щ І Я
къ
М О Р С К О Й
Г Е О Д Е З І И,
с л у ж а щ І Я

Наставленіемъ, какъ описывать моря, берега, острова, заливы, гавани и рѣки, плавая на большихъ парусныхъ и малыхъ гребныхъ судахъ, также и идучи съ мѣрою по берегу, съ показаніемъ, какъ сочинять морскія карты, и на оныхъ располагать описанныя мѣста.

Сочинено

Конспръ-Адмираломъ Сарычевымъ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
При Морской Типографіи 1804 года.

Титульный лист «Правил, принадлежащих к морской геодезии» Г. А. Сарычева, 1804

Сарычева не могла поехать с ним, так как серьезно болела: у нее отнялась правая рука; она и письма писала левой рукой. Только в июне она стала подниматься с постели и немедленно приготовилась ехать за мужем в Свеаборг. Мать Сарычева в это время была в Петербурге и жила, вероятно, с братом Г. А. Сарычева Алексеем Андреевичем и собиралась ехать в Новгород. Между тем Анастасия Васильевна Сарычева, побывав у царицы и великой княжны Марии Павловны и получив у них благословенье, в этот же день 19 июня 1808 г. выехала в Свеаборг.

Профильный портрет А. В. Сарычевой

В документах фонда Сарычева этих лет хранится профильный портрет женщины. Можно думать, что это — изображение Анастасии Васильевны Сарычевой, жены адмирала. Никаких других портретов членов семьи Сарычева, за исключением гравюры его собственного портрета, обнаружить не удалось.

Сарычеву не пришлось долго служить в Свеаборге. Из дел видно, что он заболел и возвратился с женой в сентябре того же года обратно в Петербург. Здесь он снова принялся за исполнение любимых дел, связанных с гидрографическими исследованиями в стране. Несмотря на то что в эти годы не было официального гидрографического органа в составе военно-морского флота, гидрографическими исследованиями занималась группа офицеров Адмиралтейств-коллегии, а за-

тем Адмиралтейского департамента во главе с Сарычевым. Очень трудно проследить непосредственное участие и роль Сарычева в решении вопросов по гидрографическому исследованию морей, омывающих страну, и в кругосветных русских плаваниях. Вся переписка шла через Адмиралтейств-коллегию, и можно только угадывать за этой перепиской большую работу гидрографа вице-адмирала Сарычева и его группы.

Помимо ежедневных текущих гидрографических дел Сарычев привлекался к морским плаваниям. Так, в 1814 г., командуя эскадрой и имея свой флаг на корабле «Ростислав», Сарычев руководил морской практикой офицеров и нижних чинов, плавая от Кронштадта до Готланда, откуда в Ревель и затем в Кронштадт. А несколько раньше ему пришлось «по старой памяти» заниматься дальневосточными делами. По высочайшему повелению он возглавил в 1810 г. комитет, который должен был представить проект преобразования Камчатского края. Через год такой проект былработан и, как известно, приведен в исполнение некоторое время спустя.

Сарычев составлял инструкции для многих кораблей, отправлявшихся в кругосветные плавания или к нашим владениям в Северной Америке. Он напутствовал В. М. Головнина в обоих его путешествиях, имел отношение и к организации первой русской Антарктической экспедиции. В конце 1818 г. он по распоряжению русского правительства составил памятную записку по поводу организации экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева.

Не переставал Сарычев интересоваться делами экспедиции и по ее окончании. В ЦГВИА хранится «Карта Южного полушария с показанием вновь открытых островов, в плавании экспедиции к Южному полюсу на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством Беллинсгаузена и Лазарева». Карта подписана Сарычевым и управляющим чертежной Адмиралтейского департамента А. Е. Колодкиным¹⁹.

На этой большой по размерам карте нанесены черной тушью для сравнения маршруты экспедиций Кука 1772—1773 гг. и Фирни 1774 г., а красной — маршруты «Мирного» и «Востока». Карта составлена с разных карт 20 сентября 1821 г., т. е. непосредственно после прихода шлюпов (24 июля) в Кронштадт. Это — первая обобщающая, итого-

¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23787.

ГЕОДЕЗИЧЕСКІЯ И ГИДРОГРАФИЧЕСКІЯ

ПРАВИЛА

снимать находящіяся на земной поверхности мѣ-
стоположенія, измѣрять глубины морей, заливовъ и
рѣкъ, и все оное означать на морскихъ картахъ.

Сочинилъ

Вице-Адмиралъ и Гидрографъ Сарычевъ,

для обученія благороднаго юношества Морского
Кадетскаго Корпуса.

2^е Изданіе

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Морской Типографіи 1825 года.

Титульный лист «Геодезических и гидрографических
правил» Г. А. Сарычева, 1825

вая сравнительная карта по данным экспедиции Ф. Ф. Бел-
линггаузена и М. П. Лазарева. В местах, где путешествен-
ники видели землю, имеются соответствующие надписи:
«О-в Петра I, 10 генваря 1821-го» и «Берега Александра 1-го,
17 генваря 1821-го».

Эти годы явились годами расцвета русских кругосветных
плаваній. За плаванием Головнина последовали кругосвет-
ные походы З. Понафидина на корабле «Бородино», М. Ла-
зарева на фрегате «Крейсер», С. Хрущева на шлюпе «Апол-
лон», О. Кодебу на шлюпе «Предприятие», Ф. Врангеля
на транспорте «Кроткий» и плаванія к берегам Русской

Дни санией Шонин
мо 82. Н 8 та тн. 2
70 28 Декабря 26
краве Сарычев 1^н

медицинско
возража.

Герб Сарычевых

Америки Е. Ключкова на бриге «Рюрик», А. Лазарева на шлюпе «Ладога» и другие выдающиеся русские океанические и морские плавания. В подготовке всех этих мероприятий принимал участие Сарычев. К нему же попадали карты и журналы экспедиций после их завершения. Сарычев стал тем центром, вокруг которого вращалась вся научная гидрографическая мысль России.

После завершения работы по изданию описаний путешествия Биллингса по Чукотке (1811), Атласа (1812) и Лоджий Балтийского моря (1817) Сарычев в 1820 г. составил и издал точный план Петербурга, работал над «Атласом северной части Восточного океана» и перерабатывал руководство по гидрографическим работам, вышедшее в 1804 г.

«Атлас северной части Восточного океана» увидел свет в 1826 г. Сарычев прекрасно знал этот район земного шара по собственным наблюдениям. Многолетний труд его по организации кругосветных и полукругосветных плаваний, обработка их материалов дали в его распоряжение богатейшие данные, которые нашли свое отражение в 26 картах и планах Атласа. Эти карты и планы, а также лоджийные зарисовки (7 листов) изображали отдельные районы побережий северной части Тихого океана и частично Северного Ледовитого океана. Обобщающей картой явилась «Меркаторская карта Восточного океана и части Ледовитого моря», которая охватывала огромную часть водной акватории этих океанов от 5° до 80° северной широты.

В 1825 г. вышло второе издание руководства Сарычева по гидрографическим работам под названием «Геодезические и гидрографические правила снимать находящиеся на земной поверхности местоположения, измерять глубины морей, заливов и рек и все оное означать на морских картах». Так как за прошедшие 20 лет в практику гидрографических работ прочно вошли секстан и хронометр, то Сарычев ввел две новые статьи: «как определять расстояния между многими предметами посредством снятия углов секстаном, от каждого предмета на все прочие, и измерения одной линии» и «как находить верное расстояние и истинный румб между отдаленными предметами посредством астрономических наблюдений двумя способами: по сысканию географических широт и определением разности долгот по хронометрам, чрез сигналы»²⁰.

²⁰ Г. А. Сарычев. Геодезические и гидрографические правила..., СПб., 1825, Предуведомление.

Остановимся подробнее на этом втором издании труда Сарычева. Это вызывается тем, что труды выдающегося русского гидрографа стали основополагающими работами отечественной гидрографии. Если сочинения Соймонова, Нагаева можно считать сводками правил, применяемых при гидрографических работах, руководствами при съемке и промере, то труды Сарычева, бесспорно, первые теоретические русские гидрографические научные работы. В них наряду с обобщением всего нового и полезного, имеющегося у иностранных гидрографов, указывается на своеобразие развития гидрографической науки в России, базирующейся на собственном богатом опыте, применительно к самым различным географическим условиям.

В первой главе — «Начальное основание геодезии, или деятельное употребление геометрии и тригонометрии на земной поверхности» — приводятся основные правила геодезии на основе знаний геометрии и тригонометрии. Подробно описываются самые совершенные для того времени геодезические инструменты и способы их употребления: астролябия, теодолит, мензула, или геометрический столик. Причем указывается, что «теодолит употребляется предпочтительно астролябии при измерении углов с большею точностию между отдаленными предметами»²¹. Для измерения длин, расстояний применялась мерительная (мерная) цепь из мягкой толстой медной проволоки (иногда и железной) длиной в 10 сажень, разделенная на сажени и футы (или поларшина). Приводились определения всех мер длины, площадей и т. д. Интересно, например, что десятина имела в длину 80, а в ширину 30 сажень или 60 сажень в длину и 40 в ширину и содержала, следовательно, в себе 2400 квадратных сажень (семифутовых). Теодолит имел круг диаметром 10 дюймов, деления которого (360°) были разбиты на полградуса, а нониусы — на минуты. Уровни-ватерпасы были спиртовыми. В конце этой подробной главы приводится ряд практических примеров. Например, в параграфе 71 рассматривается на примере Кронштадта с гаванями задача, как снимать «план с города прямо на столик». Поэтапно говорится о всех рабочих моментах выполнения этой задачи.

Вторая глава — «Геодезические правила береговой описи рек и заливов, с промером глубин их» — содержит практиче-

²¹ Г. А. Сарычев. Геодезические и гидрографические правила..., л. IV, стр. 19.

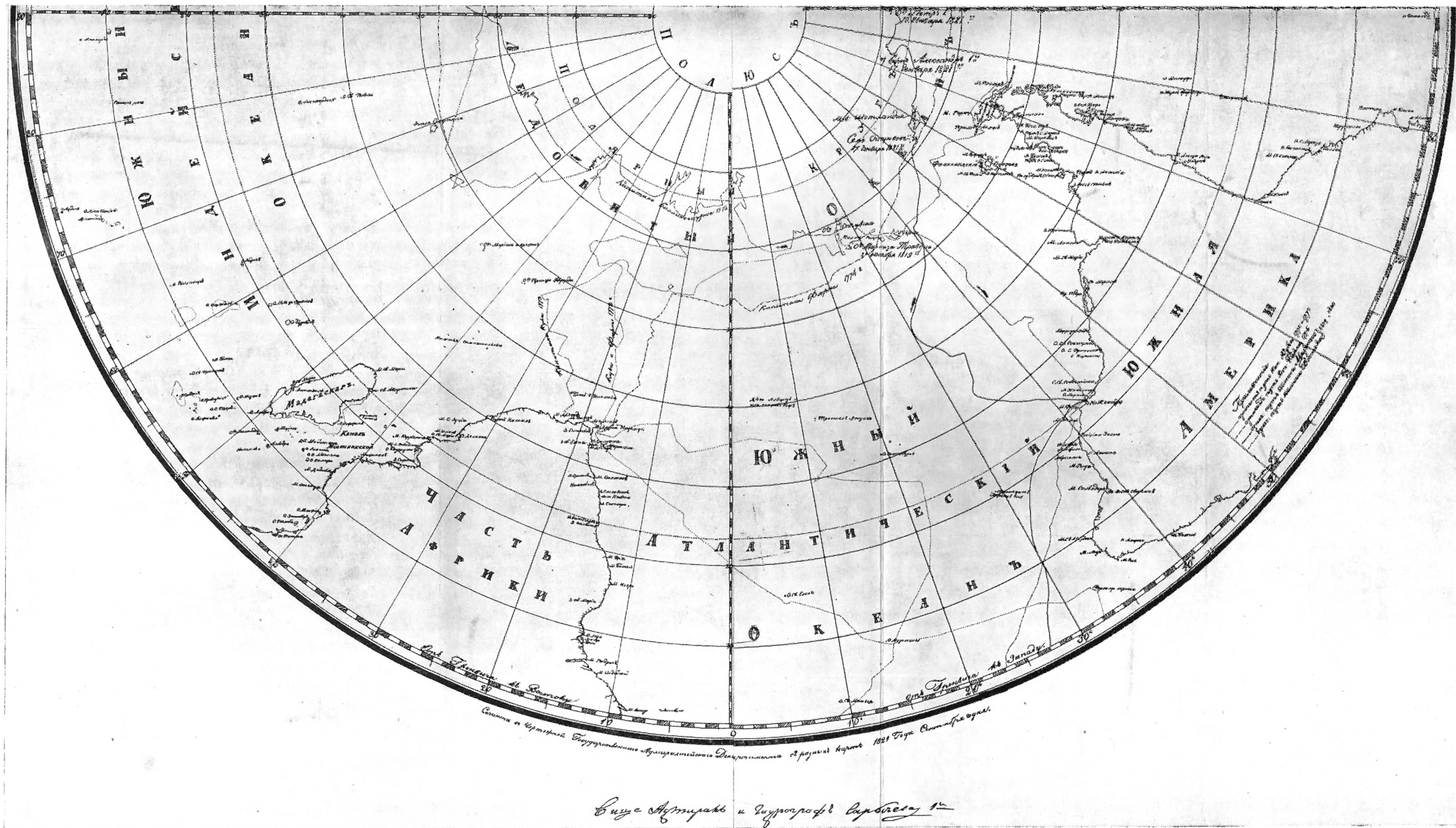
ские рекомендации береговой описи, базирующиеся в основном на собственном опыте Сарычева и его теоретических изысканиях. Если опись начинается с места, координаты которого неизвестны, то он рекомендует определить эти координаты астрономическим путем. Большие заливы и бухты надлежит описывать, «обходя кругом с мерою, а малые привязывать к мере магистральной перпендикулярами»²². Он приводит пример, когда из-за высокого берега невозможно было брать пеленги. «В 1784 году, будучи при описи реки Сожи, находил я великое затруднение в определении берега, другой стороны реки, пеленгами потому, что берег реки, по которому шли с мерою, оброс высоким кустарником, из-за которого ничего не было видно и никаких пеленгов брать было не можно; в таком случае я при началах или при окончании магистралей на концах перпендикуляров у берега реки оставлял высокие шесты и знаки с номерами, означающими, у какой магистрали, на конце перпендикуляра, оный знак поставлен; и после при промере реки косыми румбами из берегу в берег приходил к оным знакам и с лодки брал на видимые места пеленги, которые после и вносил в журнал, веденный при береговой описи. Через сей способ не токмо другой берег реки определялся пеленгами, но и промер реки привязывался верно к береговой описи и глубина означалась в своих местах»²³.

В третьей главе рассказывается о правилах описи морских берегов, островов и мелей с большого парусного судна, т. е. говорится о морской съемке, о способах морской описи. Сначала дается описание инструментов, и в частности секстана, приводятся четыре поверки секстана. Особое внимание обращается на значение течения и важность правильного, точного его определения. Несмотря на то что «по сие время еще надежного правила не найдено», Сарычев предлагает способ определения течения в случае длительной лавировки у одного места (среднее течение за время стоянки, направление его и скорость).

Совершенно новый взгляд предлагается на измерение течения на малых глубинах. «Течение моря на малых глубинах можно сыскивать помощью лота; я с пользою оной употреблял во время плаванья по Ледовитому морю в 1787 году

²² Г. А. Сарычев. Геодезические и гидрографические правила..., стр. 49.

²³ Там же, стр. 48.

Половина карты Южного полушария с открытиями Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, составленная А. Е. Колодкиным и подписанная Г. А. Сарычевым сразу после завершения плавания

на судне «Ясашна», где коловратные неправильные течения причинили бы великое затруднение в определении пути, ежели б положиться на лаг. Небольшая глубина сего моря способствовала производить удачно сей опыт. Лоты обыкновенно употреблял я 6, 8 и 12-фунтовые, смотря по глубине и по скорости судна»²⁴. Далее следуют некоторые практические рекомендации, и среди них рекомендация брать высоты гор с помощью секстана.

«О описи морских берегов, бухт, гаваней и устья рек на гребных судах, с приложением, для образца, примерного журнала» — следующая, четвертая глава. Она написана исключительно на основе собственного опыта Сарычева. С этого времени опись с гребных судов, или прибрежный промер, вошла во все учебники по гидрографии моря. Шлюпка или баркас, предназначенные для описи, должны быть снабжены тремя или четырьмя хорошими пель-компасами, лотами разных сортов, лаглинями, хорошим секстаном и верными карманными часами. «В продолжение описи не пропускать без обстоятельного осмотра, — писал Сарычев, — примечания достойные острова, а особливо те, кои своим положением к берегам составляют какую-нибудь гавань или закрытую от ветров рейду, устья больших рек и вдавшиеся внутрь берега закрытые от моря губы, заливы или бухты, разбирая притом выгодность местоположения и способность якорных мест»²⁵. В морях с приливами Сарычев рекомендовал при промере вести наблюдения с помощью выставляемого футштока через каждые полчаса. Он требует тщательности в работе — этого необходимого условия создания качественных карт.

Пятая глава посвящена тому, как на морских плоских и меркаторских картах «полагать описанные места и переносить оныя с одной карты на другую». Ссылаясь на книгу П. Я. Гамалея «Теория и практика кораблевождения», вышедшую в 1806—1807 гг., в которой подробно рассматриваются вопросы морской картографии, Сарычев пишет, что «поэтому здесь нужно только показать, как описанные места, из журналов полагать сперва на плоские, потом на меркаторские карты»²⁶. Эти практические рекомендации и приводятся в данной главе.

²⁴ Г. А. Сарычев. Геодезические и гидрографические правила..., стр. 91.

²⁵ Там же, стр. 110.

²⁶ Там же, стр. 147.

В последней главе излагается «способ узнавать на море в одну минуту с одного корабля до другого точное расстояние помощью измерения углов секстаном, как при движении флота, так и во время стояния на якорях, для снятия планов с гаваней, рейдов и заливов»²⁷. Способ этот, впервые изложенный Сарычевым, долго употреблялся на флоте. Сарычев предложил заранее вычисленные таблицы расстояния до корабля по углу, измеренному по различным снастям корабля, его рангоуту.

Напряженная энергичная научная деятельность Сарычева не проходила незамеченной. Правительство награждало его, многие научные общества и учреждения избирали его своим почетным членом.

25 августа 1809 г. Сарычев за долговременную и усердную службу получил орден Св. Анны 1-й степени. Через два года он получил алмазные знаки ордена Св. Анны 1-го класса. 20 марта 1812 г. за труды по описи и сочинению атласа морских карт Балтийского моря Сарычев был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. 26 августа 1818 г. ему вручили высший орден — Св. Александра Невского.

5 апреля 1809 г. Императорская Академия наук избрала его своим почетным членом. 16 марта 1812 г. он стал почетным членом Императорского Вольного экономического общества. 20 марта Сарычев был определен непременным членом Адмиралтейского департамента и стал почетным членом С.-Петербургского общества любителей словесности и художеств. В 1813 г. он принят в почетные члены Московского университета, в 1817 г. — в почетные члены Минералогического общества, в 1819 г. — в почетные члены Харьковского университета, а 14 января 1823 г. он стал почетным членом Императорской Российской академии.

Наряду с главными занятиями — присутствием в Адмиралтейств-коллегии и в Адмиралтейств-департаменте — Сарычев выполнял различные задания. 9 августа 1824 г. он стал членом Главного правления народных училищ, а в 1826 г. совершил поездку в Архангельск, куда был командирован для разбора конфликтных дел.

Многое изменилось за эти годы и в личной жизни Сарычева. В 1809 г. родилась дочь Елизавета, а в 1811 г. — Екатерина. В 1819 г. Анастасия Васильевна Сарычева купила

²⁷ Г. А. Сарычев. Геодезические и гидрографические правила..., стр. 160.

имение вблизи Новой Ладogi, состоявшее из деревень Борки, Пурово и Селиверстово. Сарычев очень любил отдыхать в Борках, недалеко от широкой Ладogi. Но с семьей он бывал здесь наездами. Постоянно в течение нескольких лет в Борках жило семейство Аграфены Васильевны Кафтыревой — сестры Сарычевой.

Сарычев в основном жил в Петербурге, занимаясь любимым делом. Немногие часы свободного времени он отдавал детям, родным, знакомым. Анастасия Васильевна часто собирала гостей, среди которых бывали Екатерина Ивановна Нелидова, Алексей Кузьмич Давыдов, Генриетта Александровна Мордвинова, Мария Николаевна Арсеньева, Прасковья и Николай Ахвердовы, переехавшие в 1817 г. в Тифлис, Алексей Иванович Огарев, Екатерина и Данил Рачковские, Николай и Иван Римские-Корсаковы, а также многочисленные племянницы и племянники. Иногда в дом к Сарычевым заносило далеким морским ветром старого сослуживца — Роберта Галла, частенько бывал Леонтий Спафарьев, навещал их и Александр Сергеевич Меншиков.

Сарычев вел обширную переписку со многими моряками мира, аккуратно отвечал на письма многочисленных своих родственников из Новгородской губернии, Новой Ладogi, Смоленщины. Но ни разу нам не встретились письма с родины отца Сарычева — из Севского уезда, что на Брянщине. Видимо, с ранней смертью отца всякая связь с его родиной прекратилась. Тщетно искали мы также в многочисленных письмах семейства Сарычевых упоминаний о Пушкине, Лермонтове, Грибоедове, о декабристах, а также о многих примечательных событиях, современниками которых они были. Таких свидетельств мы не нашли.

Управление генерал-гидрографа ~ штаб русских кругосветных и полукругосветных плаваний

Исключительно плодотворная и активная деятельность русских моряков в первой трети XIX в. привела к невиданному расцвету отечественной морской гидрографии. На повестку дня встал вопрос о сосредоточении всех научно-исследовательских морских и океанических плаваний, исследований в одном месте. Адмиралтейский департамент не мог в силу большого разнообразия обязанностей уделять должное внимание гидрографическим работам. Поэтому было принято решение об организации специального гидрографического органа — Управления генерал-гидрографа.

Управление генерал-гидрографа Морского штаба состояло из канцелярии генерал-гидрографа, в которой были 1-е и 2-е отделения, а также два дежурных штаб-офицера. Генерал-гидрографу подчинялись Гидрографическое депо и Корпус флотских штурманов. В составе Гидрографического депо были два отделения, а также чертежная, гравировальная, литография, типография. Офицеры Корпуса штурманов были разбросаны по всем морям: на Балтике — в Петербурге, Ревеле, Риге, Свеаборге, Дерпте, Кронштадте, Ораниенбауме, Красногорске, на Белом море — в Архангельске, на Каспии — в Астрахани, а также в Охотске, Иркутске, Обдорске, на Средиземном море, в Черноморской и Дунайской флотилиях, в Российско-Американской компании. Офицеры штурманы и гидрографы бороздили моря и океаны в составе боевых эскадр славного русского флота, изучали просторы Ле-

довитого океана, обеспечивали безопасность плавания у берегов на всех морях России, составляли карты в Русской Америке и в далекой Бразилии. И всем этим руководил штаб во главе с генерал-гидрографом флота вице-адмиралом Сарычевым.

Он сам подбирал себе помощников — преданных гидрографии людей, знающих свое дело, хорошо понимающих и сознающих задачи гидрографической службы. Начальником Гидрографического депо был известный ученый-астроном Федор Федорович Шуберт. Старые испытанные товарищи, сослуживцы Сарычева сопутствовали ему и здесь. Алексей и Василий Абросимовы, Алексей Колодкин, Ефим Ключков, постоянный его оппонент по вопросам истории географических открытий на северо-востоке страны Василий Берх и многие другие продолжали служить под начальством старого своего начальника и товарища.

Указ об образовании Управления генерал-гидрографа был подписан 24 августа 1827 г. В это время Сарычев находился в Кронштадте, куда он был определен главным командиром и военным губернатором с 1 января этого года. Морской министр Антон Васильевич Моллер уже 4 сентября препроводил Сарычеву указ и приказание явиться в Петербург до 1 октября, когда намечалось открытие Управления генерал-гидрографа¹.

Появившись в Петербурге, Сарычев сразу же включился в дела. Несмотря на то что в основном все было подготовлено заранее, дел оказалось много. Главное — штаты, передача-прием из Государственного адмиралтейского департамента имущества типографии, чертежной и пр. Под Управление было отведено крыло здания Адмиралтейства, выходящее к Дворцовой площади. С тех пор в нем всегда располагались органы гидрографической службы.

1 октября 1827 г. в Адмиралтействе собрались офицеры и чиновники Управления генерал-гидрографа. Прибыл и начальник Морского штаба со своей свитой. Генерал-гидрограф флота и кавалер вице-адмирал Сарычев после молебна открыл Управление. Было зачитано положение об Управлении генерал-гидрографа, указ о назначении на должности

¹ Любопытная деталь: Сарычеву по должности Главного командира Кронштадтского было положено 10 тыс. столовых денег, а генерал-гидрографу — только 6 тыс.; Сарычеву же было разрешено выплачивать 10 тыс., т. е. столько, сколько он получал в Кронштадте.

112

23 Декабря 1827
2^о отнуд: Императору 57

Городничу Висс. Адмиралу и Капитану Гармизу

Генералъ Адютанта Князя
Меншикова

Рапортъ

Въ послѣдствіе рапорта моего отъ 26го ноября
сего года № 478 имѣю честь доложить, что Государство
Императору благодарно было избрать въ Дирек-
тора Гидрографическаго депо Генерала Князя Шубер-
та, съ оставленіемъ его прикомандированнаго имъ въ
Главномъ Штабѣ должности, о чемъ и послѣдова-
вшей прикомандировки въ копіи Высш. Правитель-
ствующему Сенату, 22го числа сего Декабря, удо-
стоенный Высочайшаго подписанія.

Генералъ Адютанта Князь Меншиковъ

Копію съ означеннаго указа Его Императорскаго
Всесвященства Государства Императора, изданную
Сенату, съ отнудомъ Директора въ въ Гидрогра-
фическаго депо Генерала Князя Шуберта, пред-
принявшаго въ Гидрографическомъ депо
о назначеніи ономъ въ должность; Князь Шубертъ
отъ 1го декабря. Гидрографическаго депо
отъ Его казначества В. Гармиза

С. Петербургъ

№ 551

23 Декабря 1827

Указ о назначении Ф. Ф. Шуберта начальником
Гидрографическаго депо

№ 34
в 1828 году

Генерал 1828
Потом: Киселев.

45

Вашему Генералу Гидрографу, Вице Адми-
ралу и Капитану Саркису

Директора Гидрографического Депо
Генерал Майора Шуберта

Рапорт.

Вашему Превосходительству честь имею
докладывать о вступлении моем в управле-
ние сверского моего Гидрографического Депо,
по тому и покорнейшим прошу, кудато-
ни Фрета сиемный в том же ведомстве
для обзрения по делу Корсакову, мною
спертому, окаянным моим в в то же де-
лосе, дабы в случае нужды и мо-
ею оспосити вх развилье каляеиства
для поурения моудиро быти поурейе
свдсией и ввдосити для Гидрографиче-
ского Депо Чина, Маю, Мелу

о вступлении в должность
Директора Гидрографического Депо
генерал Вице Адмирала
Капитана В. Саркиса

№ 1:
7 Января 1828 года

Итого. Кор. Маю. Депо. сб. 102 52-
Сарк. сб. 102 53
Директ. Маю. Мелу. сб. 102 54
Капитан. Саркис. сб. 102 55

и рескрипт от 25 сентября о новых штатах морского министерства ².

23 декабря 1827 г. генерал-адъютант Меньшиков извещал Сарычева о назначении Ф. Ф. Шуберта директором Гидрографического депо ³. 7 января 1828 г. Шуберт донес Сарычеву о своем вступлении в должность и просил объявить об этом приказом по Управлению ⁴. Сарычев в этот же день предложил Шуберту «представить, какие виды и предположения Вы имеете для усовершенствования порученной Вам части» ⁵. Началась совместная хотя и непродолжительная, но очень плодотворная деятельность двух выдающихся ученых.

За четыре года содружества Сарычева и Шуберта было проведено в жизнь много нововведений в организации гидрографической службы и в производстве гидрографических работ. Сарычев не только поддерживал все начинания, он также и сам принимал в них активное участие. В 1827—1830 гг. была проведена большая и очень важная реформа в средствах навигационного ограждения. Инициатором этого вопроса выступил директор маяков и лоций Балтийского моря Л. В. Спафарьев. Он предложил употреблять на вежах голики разных размеров и формы вместо применявшихся до сего времени флагов. Его предложение в июне 1827 г. было направлено командующему Балтийским флотом Д. Н. Сенявину, который передал его Сарычеву. Суть предложения сводилась к тому, чтобы ограждать банки, мели на северной их стороне голиком раструбом вверх (нордовая вежа) и на южной — раструбом вниз (зюйдовая вежа).

Сарычев согласился с предложением Спафарьева, а также и с мнением общего морского офицерского Кронштадтского собрания и сделал соответствующее представление начальнику Морского штаба, в конце которого написал: «...таково предположение директора маяков с некоторыми дополнениями по мнению общего Собрания к постановлению тех веж посредством пароходов я нахожу сколько полезным и удобным, столько же и для казны выгодным» ⁶.

Была выработана целая система применительно к Балтийскому морю, конкретно указывалось ограждение, выставаемое у Лондонской, Деманстейнских и Лавенсарских банок,

² ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 23, л. 10—10об.

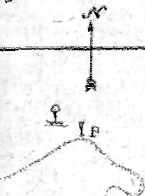

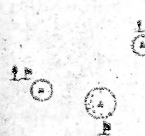

³ Там же, д. 44, л. 57.

⁴ Там же, л. 75.

⁵ Там же, д. 128, л. 1.

⁶ Там же, д. 14, л. 10.

Изображение ветей, вех и голиков.	Указания при каких ветях какой отложить голик.
	у Лондонской ветви по северной сто- рону ветви разтрубить в врата
	у Диманштейнских ветвей для ветки по N. разтрубить в врата и LW разтру- бить в низ.
	у Трековой ветки по южной стороне ветки разтрубить в низ
	у Секарского рифа по северной стороне ветви разтрубить в врата.
	у Лавенбургских ветвей по северной сто- рону при каждой ветке по ветке рас- трубить в врата.
	у Голландской 25-футовой ветки по южной сторону ветки разтрубить в низ.

«Изъяснение» о постановке вех с голиками

у Сескарского рифа и у всех других опасных для мореплавателей мест. Применявшиеся до того времени флаги были плохо заметны, очень однообразны и недолговечны. К тому же система флагов была гораздо труднее для запоминания, нежели система вех с голиками.

Адмиралтейств-совет в первый раз принял решение по этому вопросу 3 октября 1828 г., положив, что «для вящей безопасности мореплавателей бесполезно ставить вместе с вехами и голики в опасных местах»⁷. Позднее по предложению Сарычева было решено не только выставлять в наиболее опасных местах вехи с голиками, но и не снимать их в конце навигации, «так как оные не стоят значительных для казны издержек»⁸. «Адмиралтейств-совет, находя вышеизложенное предположение г. генерал-гидрографа для мореплавателей полезным и потому одобряя оное, положил предоставить ему привести его в исполнение». Это постановление подписали генерал-гидрограф Сарычев, контр-адмиралы Мачаков, Крузенштерн, Ратманов и Рентель, генерал-интендант Головнин и чиновник 4-го класса Наумов⁹.

Другим важным нововведением Сарычева явилось употребление часов вместо склянок на флоте. В мае месяце 1828 г. Шуберт доложил Сарычеву, что мастер Гаут изготовил такие часы. Сарычев распорядился выплатить за работу 200 руб. и отправил часы для испытаний Д. Н. Сенявину. Часы испытывались на Балтийском море всю навигацию. И вскоре несмотря на не благоприятный отзыв Сенявина, который заключил, что часы «не совсем удобны ко введению в употребление на флоте»¹⁰, они широко употреблялись на всех морях России.

Сотни различных дел решались Сарычевым оперативно, грамотно, с соблюдением государственных интересов. Все они были направлены на улучшение безопасности плавания по морям нашей страны. Когда не хватало отечественных навигационных пособий и руководств для плавания, Сарычев использовал имеющиеся подобные документы за границей. 7 января 1828 г. Шуберт доложил Сарычеву, что он нашел в делах «гравировку переведенной на русский язык карты Черного моря капитана Готье, почти оконченную, ис-

⁷ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 14, л. 84об.

⁸ Там же, л. 85.

⁹ Там же, л. 85об.

¹⁰ Там же, д. 101, л. 4.

ключая последней корректуры»¹¹. Карту отпечатали, послали на Черное море, где ее опробовали, откорректировали на местности и затем отпечатали для пользования на кораблях.

Знаменитый первооткрыватель Антарктиды Ф. Ф. Беллинсгаузен прислал Сарычеву изданную в Англии гидрографом Пурди лоцию под названием «Новый путеводитель для плавания Средиземным и Адриатическим морем, Архипелагом, Мраморным и Черным морями». Внимательно изучив лоцию, Сарычев решил, что всю ее переводить для русских мореплавателей не следует: «Сочинение сие нахожу весьма полезным для наших мореплавателей, но перевод и напечатание сей лоции полагаю сделать отдельно и преимущественно, во-первых, Черного моря, Архипелага и Средиземного моря, к плаванию по коим ныне наиболее предвидится экспедиций»¹².

Вместе с тем Сарычев не упускал возможности вводить в нашу гидрографию отечественное и горячо поддерживал подобные начинания, отстаивал приоритет русских ученых, моряков. Уже упоминалось, что Сарычев впервые ввел в гидрографию задачу Потенота. В 1827 г. Сарычев и Спафарьев открыто заявили, что «вехи, якобы изобретенные де ла Кудри, уже ставятся у нас»¹³.

Вся научно-исследовательская работа на морях России проводилась под контролем Сарычева и по планам Управления генерал-гидрографа. Когда по рапортам Ф. Ф. Беллинсгаузена, плававшего на Балтике в 1826 и 1827 гг., были обнаружены неточности в положении некоторых островов и мысов, то Сарычев тщательно проверив данные Беллинсгаузена и затем окончательно обсудив вопрос с Шубертом, передал карты этих мест.

Сарычев внимательно отнесся к проекту Шуберта о так называемой «Хронометрической экспедиции на Балтийском море». Он передал «Предположение к съемке части Балтийского моря» Шуберта на рассмотрение Адмиралтейств-совета, который утвердил его и постановил: «...исполнение во всех прочих частях высочайше апробованного проекта генерал-майора Шуберта поручить генерал-гидрографу, которой и может сноситься во всех случаях, где нужно, прямо от себя»¹⁴. Немедленно были приняты меры к реализации этого

¹¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 68, лл. 1—3.

¹² Там же, д. 51, л. 206.

¹³ Там же, д. 20, л. 1.

¹⁴ Там же, д. 95, л. 15.

проекта. В частности, был прикомандирован к Депо гидрограф Б. Врангель, отправлены два офицера слушать в Дерпт лекции Струве и т. д.

Этот проект, как и многие другие, выполнялся уже без Сарычева.

Предметом постоянного внимания Сарычева были северо-восточные окраины страны и русские владения в Северной Америке — места, близкие его сердцу, места, в которых ему довелось так много и плодотворно потрудиться. Так, он не оставляет без внимания того, что не сумел сделать во время экспедиции. 11 апреля 1828 г. Сарычев запросил начальника Охотского порта капитана 1-го ранга Валронта о том, кому из офицеров в Охотской флотилии можно поручить экспедицию «для проведения описи берегов: 1) Охотского моря от Охотска к Пенжинской губе и 2) от границы Китайской до устья реки Уди с Шантарскими островами»¹⁵. Переписка тянулась год, и 14 марта 1829 г. стало известно, что по поручению Российско-Американской компании «для описи малоизвестных островов и морского берега Охотского моря от устья реки Уды до устья реки Тугура» отправились поручик П. Т. Козьмин и кондуктор Шилов¹⁶.

Сарычев внимательно следил за ходом этой экспедиции, и, когда правление Российско-Американской компании представило ему отчет об описи Козьмина и Шантарских островов, он не ограничился чтением только краткого отчета компании, а наложил резолюцию: «Подать все дело»¹⁷.

Мичман А. К. Этолин донес в 1828 г. П. Е. Чистякову в Главное правление РАК в Америке об описи Гавани Чичагова на острове Атту и некоторые свои выводы о мореплавании в этом районе. Чистяков переслал все материалы Сарычеву, который, поблагодарив Этолина за старательность, просил «Правление Северо-Американских Российских колоний поставить обязанность командирам судов, принадлежащих компании, во время пребывания их со своими судами в заливах, портах и якорных местах при Алеутских и Курильских островах и при Американском берегу лежащих тем из оных, которые не показаны в Атласе Восточного океана, делать опись как берегов, так и входов в оные, определять географические их широту и долготу, делать наблюдения над приливами и от-

¹⁵ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 90, л. 2.

¹⁶ Там же, л. 14.

¹⁷ Там же, д. 383, л. 1.

ливами, определяя по оным прикладной час, и замечания о их местных положениях, господствующих ветрах и вообще всего того, что может относиться к лоции»¹⁸.

Не удовлетворившись этим, Сарычев поставил 2 марта 1828 г. вопрос об отыскании земель по северную и южную стороны от Алеутских островов. Видимо, он сомневался в том, что все острова Алеутской гряды известны и описаны. Он мог предполагать существование других островов в такой гуще гряды. Он направил начальнику Охотского порта Валронту, карту, составленную в Управлении, на которой были нанесены пути всех мореплавателей в этом районе, и описания их плаваний. Эти материалы должны были служить для офицера, назначенного для плавания, путеводными вехами и помогли бы правильно располагать курсы, не повторяя уже сделанных ранее маршрутов. Валронт ответил Сарычеву, что он в настоящее время не в состоянии этого распоряжения выполнить и просит поручить это Правлению Российско-Американской компании.

Один из директоров компании, И. Прокофьев, направил для выполнения этого задания лейтенанта Зарембо. Летом 1830 г. Зарембо на бриге «Охотск» ходил по рекомендованным маршрутам, но ничего не обнаружил. «Никаких признаков береговых не имели. К берегам же Алеутской гряды от острова Атхи до Атту за густыми туманами приблизиться было невозможно»¹⁹. Но, очевидно, Сарычев был так убежден в своих предположениях, что не поверил отчетным данным Зарембо. Каким-то особым чутьем он угадал, что к порученному делу отнеслись недобросовестно. Об этом мы узнали из интересного замечания, сделанного А. Е. Колодкиным на данном отчете: «При прокладке по словесному приказанию г. генерал-гидрографа курса г. лейтенанта Зарембо на бриге «Охотске», принадлежащем Российско-Северо-Американской компании, на карте Алеутских островов оказалось: что означенный курс проходит по близости путей прежних мореплавателей»²⁰. Значит, Зарембо не ходил там, где ему предписывалось. Сарычев оказался прав. Но было это уже в 1831 г.

Начальник Камчатки капитан 1-го ранга А. В. Голенищев 2 июня 1830 г. донес Сарычеву об описи поручиком корпуса флотских штурманов П. И. Ильиным побережья Камчатки от

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 200, лл. 2—6об.

¹⁹ Там же, д. 91, л. 17об.

²⁰ Там же, д. 91, л. 21.

устья Авачи до мыса Лопатка и просил возместить затраченные из казны денежные средства на эти работы. Сарычев внимательно отнесся к этому донесению. Характерна его резолюция: «Доложить со справкой, когда, какой были прежде описи сего берега»²¹. Оказалось, что этот берег был уже описан в 1790 г. А. Гилевым. Тогда Сарычев, одобрив проект, рекомендовал Голенищеву предложить Ильину описать Камчатский берег «от устья помянутой губы (т. е. Авачи.— А. А.) к северу, потому что г. капитан 1-го ранга Литке определил только на сем берегу главные пункты, а бухты залива и большая часть берега остались неисследованными»²². Как следует из дел, Голенищев принял к сведению рекомендации Сарычева. 13 декабря 1830 г. он доносил Сарычеву о новой описи Ильина и затем В. Скрыпова²³.

Сарычев держал под контролем экспедицию офицера Корпуса штурманов Васильева в Северной Америке, который исследовал реки Нушагак, Кускоквим, причем достиг верховьев этой реки и реки Квихпака²⁴.

Любопытные подробности мы узнаем об открытии острова Врангеля. 2 марта 1828 г. Сарычев написал письмо генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Ловинскому о том, что Адмиралтейств-совет решил узнать, «каким образом можно отправиться на оную землю», виденную к северу с мыса Якан, «ибо генерал-гидрографу известно, что обитающий на оной земле народ чукчи ежегодно приезжают на оленях в Нижне-Колымск, где производят торг»²⁵.

В ответе Главного управления Восточной Сибири от 2 июня 1828 г. подробно излагается история этого вопроса и говорится, что для сбора сведений была организована целая экспедиция, в которую входили колымский исправник Тарабукин, священник Трифонов, переводчик чукотского языка отставной сотник Андрей Кобелев и два его ученика — казак Киприянов и юкагир Востряков. После смерти Сарычева эта экспедиция заглохла. «Сведения сии основаны большей частью на преданиях и догадках; достоверного ж в себе ничего не заключают» — писал 10 октября 1832 г. полковник Вилламов²⁶.

²¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 309, л. 1.

²² Там же, д. 309, л. 406.

²³ Там же, лл. 7—8.

²⁴ Там же, д. 401.

²⁵ Там же, д. 89, л. 1.

²⁶ Там же, д. 89, л. 18—18об.

Большое участие принимал Сарычев и в работе гидрографических партий и экспедиций, исследовавших моря Северного морского пути. Он ведет энергичные переговоры с генерал-интендантом В. М. Головинным, знаменитым путешественником, по поводу организации снабжения экспедиции И. Н. Иванова по описи Печоры, пишет письма тобольскому гражданскому губернатору и архангельскому командиру порта, прося их о содействии. Он призывает во что бы то ни стало отправить Иванову термометр взамен сломавшегося: если нет в Архангельске, то из Петербурга ²⁷.

В 1829 г. он рассматривает проекты описи Карского моря И. А. Бережных и описи Новой Земли П. К. Пахтусова и одобряет их ²⁸, решает вопрос о проверке карт Белого моря описи М. Ф. Рейнеке ²⁹. Все эти проекты были осуществлены. Экспедиции Рейнеке, Иванова, Бережных, Пахтусова, а затем Цивольки и Моисеева доставили богатейший материал по гидрографическому исследованию побережья Баренцова, Белого и Карского морей. По ним были составлены точные карты для мореплавателей, прослужившие несколько десятков лет.

Постоянно в центре внимания Сарычева находились русские кругосветные и полукругосветные плавания. Его значение в организации и проведении, а особенно в подведении итогов, результатов этих экспедиций очень велико. Однако этому факту до сих пор не уделялось должного внимания. Все эти экспедиции подчинялись Управлению генерал-гидрографу. Именно здесь в те годы был научный штаб всей науки о море. И, забегая вперед, можно смело утверждать, что, не будь в России такого штаба, возглавляемого Сарычевым, многие экспедиции не внесли бы того вклада в науку, который имел огромное значение для познания океанов и морей и благодаря которому они вошли в историю отечественной морской гидрографии.

В 1826—1830 гг. проходили две экспедиции. Одна — известные плавания Ф. П. Литке на «Сенявине» и М. Н. Станюковича на «Моллере» и вторая — крейсерство Л. В. Гагенмейстера на транспорте «Кроткий». Были в эти годы и другие плавания — В. С. Хромченко на корабле «Елена» и Ф. П. Врангеля на транспорте «Кроткий». Но нам хочется

²⁷ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 41, л. 1.

²⁸ Там же, д. 80, л. 86.

²⁹ Там же, д. 130.

показать роль Сарычева в обработке материалов экспедиции Ф. Литке и М. Станюковича.

Шлюпы «Сенявин» и «Моллер» вышли в плавание в 1826 г. и возвратились в Кронштадт в 1829 г. Оба командира шлюпов получили тщательно разработанные и составленные Сарычевым инструкции. Сарычеву же оба командира слали донесения о том, как проходит плавание: 18 октября 1827 г. Литке прислал отчет о плавании от берегов Англии до Камчатки, затем отчет из Ново-Архангельска, донесение о зимней кампании 1827/28 г. и пр. Вместе с донесениями Сарычев получал карты плаванья и карты открытых островов³⁰. Приходили материалы и от Станюковича.

А когда шлюпы прибыли в Кронштадт, то к Сарычеву поступили все журналы, карты, планы, которые он направил для обработки и проверки в Депо. Научные наблюдения были переданы на отзыв академику В. К. Вишневскому, который уже в 1829 г. писал в Депо, «что сии записки (журналы и прочие документы Литке.— А. А.) свидетельствуют о неусыпном старании господина капитан-лейтенанта Литке споспешествовать усовершеннии гидрографии и ученых исследований о виде земли и о земном магнетизме. Наблюдения над постоянным маятником довольно многочисленны и учинены с особенным рачением, приносящим большую честь сему весьма искусному наблюдателю»³¹.

Между тем Сарычев счел своим долгом предоставить Литке полную возможность завершить научную обработку всех материалов, и написать книгу-отчет о своем плавании и открытиях, о наблюдениях в океане. 13 сентября 1829 г. он обратился к начальнику Морского штаба А. С. Меньшикову: «Я, признавая за нужное, чтобы капитан-лейтенант Литке находился некоторое время здесь для окончания сделанных им описей и наблюдений, покорнейше прошу вашу светлость позволить г. Литке прибыть в С.-Петербург для вышеобъявленных занятий, без назначения уже его в другие по службе должности»³². Разрешение было получено, и Литке благополучно завершил огромную работу. И во все это время вплоть до подготовки к изданию книги рядом с Литке был Сарычев.

Несколько иной оказалась судьба материалов экспедиции Л. В. Гагенмейстера на транспорте «Кроткий». Решение об от-

³⁰ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 104, лл. 1—58.

³¹ Там же, д. 124, л. 8.

³² Там же, д. 215, л. 5—5об.

правления экспедиции было принято 16 марта 1828 г. В Управлении генерал-гидрографа при непосредственном участии самого Сарычева составлялась инструкция Гагенмейстеру. Копии с этой инструкции были отправлены находившимся в плавании Литке и Станюковичу для координации научных работ. К инструкции давалось приложение о распознавании земли, о приближении к неизвестным берегам.

«Кроткий» вышел из Кронштадта 8 сентября 1828 г. Гагенмейстер регулярно посылал Сарычеву донесения о ходе плавания, а из порта Джексона в Австралии прислал описание плавания от Джексона до Камчатки, затем описание плавания от Петропавловска до Рио-де-Жанейро. Это были материалы добротные, подробные, вполне пригодные для обработки, для написания книги-отчета о путешествии. По возвращении из плавания Гагенмейстер также по просьбе Сарычева остается при нем для приведения дел в полный порядок. Это было 3 ноября 1830 г.³³ Но затем последовала неожиданная смерть Сарычева... и мы не имеем описания плавания Гагенмейстера.

Видимо, только смертью Сарычева можно объяснить также тот факт, что материалы экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию по части астрономической, географической и гидрографической остались неопубликованными и до настоящего времени пролежали в архивах. Об этом стоит сказать особо. Как известно³⁴, первая русская экспедиция в Бразилию проходила в 1822—1828 гг. Ею руководил русский генеральный консул в Бразилии академик Г. И. Лангсдорф. В числе прочих участников этой экспедиции был астроном, подпоручик корпуса флотских штурманов Н. Г. Рубцов. Экспедиция была прекращена ввиду болезни начальника экспедиции. Рубцов привез все материалы экспедиции в Петербург. Дневники Лангсдорфа, натуралистические коллекции и материалы других участников экспедиции он сдал в архив Академии наук, где их обнаружили почти через столетие³⁵.

Вместе с тем Рубцов, явившись в Управление генерал-гидрографа, доложил о проделанной многолетней работе и пе-

³³ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 88, лл. 7—13, 21—28, 43—48, 51—52, 55—62, 63—65.

³⁴ Г. Г. Манизер. Экспедиция Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828). М., 1948.

³⁵ Б. Н. Комиссаров. Новый русский источник по истории и этнографии Бразилии 20-х годов XIX века. (Записки Н. Г. Рубцова.) — «Советская этнография», № 3, М., 1963, стр. 172—176.

редал Шуберту отчет, в конце которого отмечалось: «Во время сих путешествий по приказанию г-на начальствующего экспедициею занимался я 1) ведением географического журнала, 2) астрономическими наблюдениями для определения широт и долгот мест, где мы останавливались и где позволяли обстоятельства, 3) определением высоты гор по барометрам, 4) наблюдениями над наклоном магнитной стрелки, 5) снятием планов некоторых мест.

Материалы сих занятий моих, по причине болезни, захватившей меня в последнем путешествии, коего одержим я был даже до самого отправления моего в Россию, настоящим образом в порядок не приведены, и именно: метеорологический журнал нужно перебелить, астрономические наблюдения, кои весьма близкие выводы при сем представляю, нахожу нужным в долготам перевычислить, и, приводя оные в порядок, переписать. Вычисления об определении высот гор и наблюдений над наклоном магнитной стрелки переписать, а карты и планы, кои мог составить, переделать начисто». К отчету приложен «Реестр широтам и долготам мест, определенных подпоручиком Рубцовым», насчитывающим 42 пункта, координаты которых выведены из многих наблюдений³⁶.

Шуберт препроводил все предварительные отчеты Рубцова Сарычеву, который 23 октября 1829 г. написал: «Я прошу Вас по окончании подпоручиком Рубцовым отчета оставить его для занятий в чертежной Гидрографического депо»³⁷. Приказом по Депо № 33 от 29 октября Рубцов был определен к начальнику чертежной А. Е. Колодкину. 6 марта 1830 г. Рубцов стал поручиком. В конце 1830 г. (сопроводительная Гидрографического депо в архив от 20 декабря № 402) Рубцов передал в архив все карты, составленные по черновым материалам. В сопроводительной к картам Рубцов приписал: «Во время путешествия по силе возможности не оставил я без внимания ни одного предмета, обещающего пользу, и при составлении карт употребил все материалы, при собирании коих подвергал значительному ущербу здоровье свое, а при плавании через пороги даже и самую жизнь опасности»³⁸.

12 февраля 1831 г. Рубцов сдал в Гидрографическое депо: 1) географический журнал, 2) описание рек от города Порто Фелиз до порога Фурнас в реке Кошин, 3) обсервации по

³⁶ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 243, лл. 7об.—14.

³⁷ Там же, л. 4.

³⁸ Там же, д. 243, л. 16—16об.

инclinатору. Астрономические определения были им сданы ранее (25 февраля 1830 г.). И этим все кончилось. Драгоценные материалы остались лежать в архиве, и теперь мы разыскиваем, открываем их. Так, автору этих строк удалось летом 1965 г. разыскать сданные 130 лет назад отчетные карты экспедиции, сохранившиеся в отличном состоянии³⁹.

Материалов, подготовленных Рубцовым, хватило бы на прекрасную научную географическую книгу. Ведь о внутренних частях Бразилии, как и вообще всей Южной Америки, в те годы не имели никакого представления. Сарычев просто не мог пройти мимо таких богатейших материалов. Он заставил Рубцова подготовить отчетные материалы, он перевел его в чертежную Депо, он бы принял все меры к тому, чтобы издать отчетные работы, и в том числе карты экспедиции, подготовленные Рубцовым. Но в 1831 г. Сарычева не стало.

Сарычев находил время, несмотря на огромную занятость, вникать в детали гидрографической службы. Любопытна его записка относительно приспособления для лучшего освещения маяков, адресованная в Морской штаб: «На всех маяках, освещаемых лампами, рефракторы поставлены по отвесу, почему самый яркий свет от них отражается горизонтально и проходит над точкою видимого с маяку морского горизонта, в такой высоте, что идущие к маяку суда не могут никак видеть полного его освещения. Для лучшего объяснения прилагается при сем чертеж: АВ — высота Дагерортского маяка от поверхности моря 538 футов, АС — направление самого яркого от рефракторов света, АД — линия видимого горизонта, касающегося моря в точке Д. Из сего ясно видно, что полный свет, отражаемый рефракторами, проходит над поверхностью в высоте более 538 футов; а чтоб обратить его к поверхности моря, следует только наклонить рефракторы столько, чтобы они были перпендикулярны линии видимого горизонта»⁴⁰.

Записка Сарычева была передана на рассмотрение Спфарьеву, который выразил сомнение в правдивости этих предположений. Вишневский, выполняя постановление Адмиралтейств-совета, рассматривавшего проект Сарычева 18 марта 1829 г. и одобдившего его, сообщил Сарычеву: «...делаемы были мною опыты над освещением рефрактором, наклонным

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 663.

⁴⁰ Там же, ф. 402, оп. 1, д. 177, л. 1, 2.

к горизонту, чтобы удостовериться в том, что таким образом можно обратить почти все отбрасываемое количество света на освещение некоторой части окрестных мест. Опыты сии, как кажется, удовлетворительно разрешили сей вопрос; почему предположение вашего превосходительства касательно наклонения оптической оси рефракторов к горизонту может принести выгоду, есть ли только будет приведено в действие с надлежащею точностью и с предосторожностями в установлении и устройстве рефракторов, какие окажутся лучшими»⁴¹.

Дальше этого отзыва Вишневского дело все-таки не пошло. Опять поручено было Спафарьеву провести надлежащие опыты, который 20 июня 1831 г. писал Сарычеву, что в этом году наклонит рефрактор. Но в этом же году Сарычев умер. После его смерти опыты не проводились.

Сарычев внимательно, чутко относился к нуждам, заботам своих сотрудников, семьям офицеров и нижних чинов. Когда просматриваешь дела Управления генерал-гидрографа, то сплошь и рядом натыкаешься на резолюции Сарычева, каждая из которых решала большой, жизненно важный для просителя вопрос. Сам выходец из мелкопоместного дворянства, Сарычев помогал семьям простых нетитулованных офицеров, выходцам из нижних чинов, пристраивал на службу и учебу детей-сирот, детей солдат и матросов. Именно благодаря его решению был принят в штурманское училище будущий военно-морской историк, «сын 3-го ластового экипажа подшкипера, затем 5-го рабочего экипажа содержателя котельного машинного мастерства 13-го класса Степана Андреевича Сгибнева» Александр Степанович Сгибнев⁴². Сарычевым был также решен вопрос о приеме в штурманское училище непосредственного предшественника Г. И. Невельского по исследованиям лимана Амура — Александра Михайловича Гаврилова, который был сыном сосланного на поселение баталера сержантского чина⁴³. К Сарычеву обращались родные будущих сподвижников Г. И. Невельского — Алексея Ивановича Воронина, Александра Ивановича Петрова, Николая Васильевича Рудановского, Дмитрия Семеновича Кузнецова, Никиты Ильича Шарыпова, Льва Александровича Попова, будущего известного гидрографа Александра Петровича Андреева и

⁴¹ Архив АН СССР, разр. 1, оп. 134, д. 24, л. 15.

⁴² ЦГАВМФ, ф. 1212, оп. 3, д. 417, лл. 1—2.

⁴³ Там же, д. 105, лл. 1—3.

многих других деятелей отечественной гидрографии с просьбой о приеме их детей в штурманское училище⁴⁴.

Сарычев был блестящим организатором. Все его распоряжения выполнялись четко, своевременно и полно. А между тем, аппарат Управления генерал-гидрографа был небольшим. Он насчитывал в 1831 г., например, 60 офицеров и 97 нижних чинов⁴⁵. В это число входил управленческий аппарат гидрографической службы на всех флотах и флотилиях. Сарычев обращал серьезное внимание на обработку материалов, доведение их до конца, на хранение отчетных материалов в архивах. Через аппарат Управления проходило множество самых различных текущих дел: освещение маяков, ремонт зданий, постройка створов, заготовка вех, разработка сигналов на телеграфах и др. Все они не миновали рук Сарычева, многие из которых он брал на контроль.

Деятельная служба Сарычева всячески поощрялась правительством. 21 апреля 1829 г. он стал полным адмиралом. С 15 июня по 1 августа 1828 г. Сарычев исправлял должность начальника Морского штаба и морского министра. Замещал он морского министра и в 1830 г. (с 16 мая по 1 сентября). В 1829 г. он стал почетным членом С.-Петербургского университета.

У Гавриила Андреевича почти не хватало времени для семьи. Он лишь в 1830 г. сумел побывать в своем имении Борки, и то приезжал туда только на две недели. Вполне возможно, что это пребывание связано с устройством детей брата Алексея, незадолго перед тем умершего, — заботы о его многочисленном семействе легли на плечи Сарычева. В архиве Сарычева сохранилось много писем племянников и племянниц, рассчитывавших на покровительство знаменитого и богатого дядюшки и осаждавших его самыми красивыми письмами с обещаниями вести себя примерно и похвально! И всем им он помогал словом и делом.

Но вот Сарычева не стало. Случилось это при обстоятельствах точно не известных, несмотря на то, что мы располагаем официальными докладами, донесениями и распоряжениями. 30 июля 1831 г. дежурный штаб-офицер Управления полковник корпуса флотских штурманов Дохтуров доложил А. С. Меншикову, что «его высокопревосходительство г. генерал-гидрограф, адмирал Гаврила Андреевич Сарычев сего

⁴⁴ ЦГАВМФ, ф. 1212, оп. 3, д. 103, 357, 397, 256, 519, 368, 8.

⁴⁵ Там же, ф. 402, оп. 1, д. 377, л. 13.

30 числа в 2 часа по полуночи от холеры умер»⁴⁶. Перед этим он не болел. Во всяком случае, за 10 дней до смерти, 20 июля, он внимательно просматривал материалы путешествия по Северной Америке штурмана Ивана Васильева, достигшего в последнем своем (из трех — в 1829—1830 гг.) путешествии вершины реки Кускоквима⁴⁷. Все дела генерал-гидрографа принял на себя начальник Главного морского штаба А. С. Меншиков.

Вероятнее всего, что смерть Сарычева была действительно очень неожиданной: судя по письмам, принимались все меры для того, чтобы оградить его от холеры, эпидемия которой вспыхнула в Петербурге в лето 1831 г. Не сохранилось никаких свидетельств обстоятельств смерти Сарычева: где, как это произошло. Не сохранилось никаких личных вещей Сарычева, лишь чудом уцелели письма к нему и от него. Личный архив Сарычева был сохранен одним из чиновников Сарычева, Никольским, и оказался впоследствии в Борках, имении Сарычевых. Оттуда наследники Никольского, в частности, Н. К. Никольский, советский академик, незадолго перед смертью, в 1936 г., передал его в рукописный отдел Пушкинского дома, где он и находится.

Но и в этих письмах нет ни слова об обстоятельствах смерти Сарычева. Пожалуй, это можно объяснить только тем, что все бумаги, вещи, находившиеся рядом с Сарычевым в момент его смерти, затем были уничтожены. Он и похоронен был на Холерном кладбище, расположенном на бывшем Куликовом поле. Ныне этого кладбище не существует, не существует и могилы Сарычева и его семьи. Вдове Сарычева была назначена пенсия в размере 10 тыс. руб. в год. Так распорядился сам царь.

Очень верно охарактеризовала значение Сарычева в развитии отечественной гидрографии его жена. В письме к А. С. Меншикову в сентябре 1831 г. она писала: «Не знаю, возвратит ли флот свою потерю? Для несчастного его семейства потеря благодетеля и отца ничем не возвратима, ничем не вознаградима! Пятьдесят два года своей жизни адмирал Сарычев посвящал отечеству все способности, все дарования свои. В свободные часы от службы (которые по справедливости принадлежали его семейству) он неусыпно трудился над составлением Атласа российских портов около 10-ти лет.

⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 364, лл. 1—2.

⁴⁷ Там же, д. 411, л. 2, л. 10.

Останавливаюсь потому, что мне слишком много сказать должно»⁴⁸.

Интересное указание на «домашние труды» Сарычева по истории портов наводит на мысль, что материалы этих трудов должны сохраниться в архивах. Пока нам не удалось этого сделать. Известна лишь одна статья этой серии — «Свеаборгский военный порт и город Гельсингфорс, с торговым портом»⁴⁹. Вполне возможно, что материалами Сарычева воспользовался впоследствии военно-морской историк А. П. Соколов.

На смерть Сарычева откликнулись многие. Большую статью о нем опубликовали «Записки Ученого комитета Морского штаба», особо отмечая его склонности к научным занятиям: «Гавриил Андреевич с самого начала своей службы особенно занимался всеми науками, принадлежащими к морскому искусству: астрономия и геодезия были любимые его части сих наук»⁵⁰. Сообщая о смерти Сарычева, столичная газета «Северная пчела» в заключении некролога подчеркивала, «что Адмирал Сарычев был один из тех почтенных Россиян, которые, делая честь роду своему, увековечивают имя свое в летописях отечественных»⁵¹.

Небезынтересно было бы проследить судьбу потомков Г. А. Сарычева. К сожалению, сведений о них удалось собрать очень немного. Елизавета Сарычева (1809—1846) вышла замуж в 1833 г. за Федора Александровича Нелидова и имела четырех детей, которые умерли в раннем детстве. Пятилетний сын Александр умер в 1841 г. и в этом же году умерла двухлетняя Наташа. В 1845 г. скончалась дочка Варвара, а в 1846 г. умерла двухлетняя дочурка Александра. Этого, видимо, не могла перенести мать: она скончалась 27 января того же года. Таким образом, по линии Нелидовых потомков нет. В 1846 г. умерла и А. В. Сарычева, верная подруга всей жизни адмирала.

Младшая дочь Сарычева Екатерина (1811—1869) вышла замуж в 1841 г. за статского советника Сергея Ивановича Богданова, умершего в 1855 г. Он служил в министерстве иностранных дел, был 12 лет в Константинополе. Об этой

⁴⁸ Архив АН СССР, разр. 1, оп. 134, д. 19, л. 3.

⁴⁹ «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом», ч. X. СПб., 1826, стр. 273—293.

⁵⁰ «Записки Ученого комитета Морского штаба», 1831, ч. VII, стр. 327—340.

⁵¹ «Северная пчела», 1 августа 1831 г., № 171.

семье мы не могли найти подробных сведений: нужны специальные изыскания, так как фамилия Богданов — весьма распространенная в нашей стране.

Очень много родственников Сарычева по линии его брата Алексея, имевшего троих сыновей и четырех дочерей. Существуют также Безобразовы — родственники Сарычева от его сестры.

В имении Борки, развалины которого сохранились до нашего времени, имеется улица Сторона Нелидова, о чем нам любезно сообщила Ф. И. Кравченко из Краеведческого музея Новой Ладоги.

Может быть, публикация данных материалов поможет более точно установить родственников Сарычева и получить новые материалы о нем.

Сарычев

и отечественная морская гидрография

Уже неоднократно многими исследователями отмечалось, какой большой вклад внес Сарычев в изучение северной части Тихого океана, северо-востока Сибири и северо-запада Америки. Молодой моряк проявил себя выдающимся физико-географом, этнографом, мерзлотоведом, мамонтоведом, археологом и океанологом. Сарычев является первооткрывателем острова Врангеля; он первым указал на юго-западную оконечность острова Каяк, как на место, у которого оказался корабль В. Беринга и который был назван мореплавателем мысом Св. Ильи; Сарычевым сделано правильное предположение о наличии большой реки на Аляске, произведена большая часть описи Алеутских островов и систематизация всех имеющихся материалов при составлении карты этих островов; именно Сарычев оставил потомству первое точное описание жителей посещенных им мест, именно он — первооткрыватель и первоописатель системы хребтов на северо-востоке Сибири, и в частности хребта, получившего впоследствии название хребта Черского. Сарычеву принадлежит неоспоримое первенство в проведении археологических раскопок на севере Азии; он указал на большое значение изучения мерзлотоведения, а также дал правильное объяснение обнаружению мамонтов в районах вечной мерзлоты. И лишь немногие авторы (Е. Е. Шведе, Н. Н. Зубов, К. А. Богданов, А. И. Алексеев, В. А. Есаков) уделяли внимание океанологическим, гидрографическим и картографическим работам Сарычева.

Влияние Сарычева на океанологию, гидрографию и картографию огромно. На конкретных примерах в данной книге были показаны четыре основных направления в этой его деятельности: вклад в изучение северной части Тихого океана, исследования на Балтийском море, вклад в организацию гидрографических и океанических исследований вообще и влияние Сарычева на разработку вопросов теории и практики гидрографической науки.

После экспедиции Биллингса-Сарычева гидрографическая наука обогатилась прекрасным описанием огромной территории, посещенной экспедицией. Во многих случаях книга Сарычева служила мореплавателям таким же незаменимым пособием для мореплавания, каким является лоция.

Сохранилось много карт экспедиции Биллингса-Сарычева¹, но наибольшую ценность для мореплавания и гидрографии представлял атлас, составленный Сарычевым. В нем, несомненно, нашли отражение картографические рукописные материалы экспедиции, большинство которых, как мы уже видели, было составлено самим Сарычевым, а также Биллингом, Гилевым, Худяковым и Бронниковым. Этот атлас не нужно путать с другим атласом Сарычева, изданным в 1826 г. Атлас, о котором идет речь, был приложен к первой части «Путешествия флота капитана Сарычева...» и издан в 1803 г.

В атласе, насчитывающем 50 листов, приведена общая итоговая карта экспедиции, а также помещены планы устьев, рек, гаваней, островов, карты отдельных заливов; большое место занимают виды для будущих лоций (зарисовки берегов, приметных мест, входов в заливы, проливы и пр.), зарисовки быта жителей Алеутских островов, Чукотки и Аляски, изготовленные часто по черновикам самого Сарычева Лукой Ворониным. Это уже вполне научные, замечательно исполненные гидрографические документы. На карте Авачинской губы нанесены масштаб, глубины, отмели, а также и течения.

Результативная карта — «Меркаторская карта северо-восточной части Сибири, Ледовитого моря, Восточного океана и северо-западных берегов Америки» весьма приближается к современной карте этих мест. На ней остался неописанным, несмотря на все старания Биллингса, участок берега от Ше-

¹ Нам приходилось видеть всю коллекцию карт в ЦГВИА (ф. ВУА) — 10 карт, в ЦГАВМФ (ф. 1331, коллекция карт бассейна Тихого океана) — 8 карт и в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), ф. Картографический, карты Иркутской губернии.

лагского мыса до мыса Дежнева. На карте весьма приближенно, но в общем довольно правильно нанесена береговая черта Северной Америки от мыса Принца Уэльского до Бристольского залива, отсутствовавшая на прежних картах. Исправлена погрешность карты И. Б. Синдта относительно многочисленных островов, якобы находящихся в северной, прилегающей к Берингову проливу части Тихого океана. На всех предыдущих русских картах велся счет долгот от произвольно выбранного меридиана, чаще всего от меридиана острова Ферро. Сарычев один из первых начал употреблять счет долгот от Гринвичского меридиана.

Инструменты, применявшиеся Сарычевым, в основном не претерпели существенных изменений за время, прошедшее от Беринговых экспедиций. Существовавшие астролябия, теодолит, квадрант, повторительный круг, мензула (или геометрический столик) получили некоторое усовершенствование лишь во второстепенных деталях. Из новых инструментов для астрономических определений в экспедиции были секстанты, хронометры и ахроматические телескопы.

Сарычев при своих столь результативных гидрографических исследованиях нашел возможным не применять способ морской описи в том виде, как он рекомендовался, т. е. с судна. Приводя в пример недостаток описи Кука, он писал, что Кук принужден был «многие места за крепкими ветрами, туманами и отмелями оставить неосмотренными, да и те берега, которые видел, означить на картах в некоторых местах не соответственно их настоящему положению, некоторые заливы пропустить, островов не отделить от матерой земли и, наконец, туманы почесть за острова [...] Следовательно, чтобы иметь верные карты здешних морей, надобно опись делать, так сказать, ощупью. Для сего нужно производить ее на больших кожаных байдарках, или на малых гребных судах, удобных по малому углублению своему находить всегда закрытие себе, при крепких ветрах, в мелководных речках или заливах»².

И всегда, когда представлялась возможность, Сарычев производил наблюдения и опись с байдар. Но и когда такой возможности не было, он ни одного наблюдения не принимал на веру. Расстояния до берегов брались не глазомерно, а вычислялись по пеленгам и плаванию между ними; астроно-

² Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. I. СПб., 1802, стр. V—VI.

мические обсервации выводились из серии наблюдений. При всем этом наблюдения производились с поразительной быстротой, которая отнюдь не шла в ущерб точности. Метод морской описи (правильнее сказать — прибрежной описи) с байдар или малых гребных судов после Сарычева вошел в практику русских гидрографических работ в районах с большим количеством островов и в шхерах.

При составлении многочисленных карт, в которых нашли отражение главные результаты гидрографических исследований, и особенно в генеральной карте, Сарычев также широко использовал и умело обобщал результаты предыдущих гидрографических работ. Сравнивая эту, в частности, карту с многочисленными картами промышленников, можно без труда убедиться, что Сарычев просмотрел большинство этих карт. Так, Гижигинская и Пенжинская губы и Курильские острова нанесены по данным мореходов Кожевина, Антипина и др., кого он недолюбливал и о ком он так неодобрительно высказывался.

Несомненно, была использована Сарычевым и карта А. И. Нагаева, послужившая до некоторой степени основой для вышеупомянутой карты³. Но если Нагаев составлял свою карту в Петербурге, используя только материалы и консультируясь с участниками экспедиций Беринга и др., то Сарычев в основу положил собственные наблюдения, определения и выводы. Так же как и карта Нагаева, «Меркаторская карта» Сарычева охватывает весь район северной части Тихого океана. На ней нанесены маршруты всех плаваний судов экспедиции Биллингса — Сарычева, значительно уточнены положения Алеутских островов, побережья Северной Америки и Курильских островов. Помещенные на карте часть Японского моря, лиман Амура и остров Сахалин сравнительно верно передают очертания. Главная же заслуга составителя карты — правильное нанесение всей гряды Алеутских островов.

Крупным достижением русской гидрографии явился составленный под руководством Сарычева «Атлас северной части Восточного океана», увидевший свет в 1826 г. Это фундаментальное пособие для мореплавания выдержало проверку временем. Содержащий 26 листов и 7 листов видов этот атлас Сарычева охватывает почти всю северную часть Тихого океана, включая Сандвичевы, Каролинские и Филиппин-

³ Подробно карта впервые рассмотрена нами в кн.: А. И. Алексеев, Адмирал Нагаев. Магадан, 1959, стр. 40—41.

ские острова. Долготы карт даются либо от Гринвича, либо от Петербурга.

При составлении этого атласа Сарычев проделал большую работу по собиранию материалов гидрографических исследований на Дальнем Востоке, которые он широко использовал. Им использованы описи и промеры Врангеля (1821—1823), Анжу (1821), Франклина, Парри, Пудри, Лаперуза, Крузенштерна, Борисова (1806), Фомина (1789), Шаховского (1766), Гилева (1790), Головнина и др. К этому богатому собиранию материалов Сарычев прибавил свои многочисленные выводы.

«Все карты атласа были составлены в меркаторской проекции, с обозначением линейных масштабов в российских верстах и немецких милях и содержали береговые линии (с указанием кое-где характера берегов), промер глубин в некоторых районах, отметки грунтов, рельеф суши (прекрасно выраженный гашюрами), надписи, условные обозначения якорных стоянок, данные о склонении компаса и другие подробности; на планах, помимо того, были обозначены маяки и указаны координаты астрономических пунктов, положенных в основание произведенной описи. Характерной особенностью всех карт атласа явилось отсутствие румбовой сетки, утратившей ко времени его составления свое практическое значение. Все карты, планы и рисунки атласа были выполнены гравюрой с хорошим качеством»⁴.

О точности составленных Сарычевым карт известно много самых лестных отзывов. Ограничимся одним из них, отзывом современника и ученика Сарычева, выдающегося русского мореплавателя В. М. Головнина. Во время плавания на «Диане» он записал следующие примечательные слова: «Усмотрев Петропавловскую гавань, мы взяли свой курс к оной таким образом, чтобы миновать мель, лежащую при входе в так называемую Раковую губу. В сем случае мы употребили карту Г. Сарычева; известная точность сего мореходца, с какою описывал он берега, заставила меня иметь к его планам гаваней полную уверенность, почему мы без всякого опасения шли под всеми парусами и, вошед в гавань около 8 часов вечера, положили якорь»⁵.

⁴ К. А. Богданов. Морская картография, ч. I. Л., 1954, стр. 38—39.

⁵ В. М. Головнин. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М., 1961, стр. 262.

Не менее важны гидрографические исследования Сарычева и на другом море — на Балтике. Балтийское море — самый налаженный морской путь в Европу, самый оживленный. Поэтому он требовал самого надежного гидрографического обеспечения. Как уже говорилось, еще Петр I выделял специальных морских офицеров, в какой-то мере отвечавших за навигационное ограждение на этом море. Сначала карты были шведские и голландские, затем появились первые русские карты, потом атлас Нагаева. Но менялись времена — менялись, повышались требования и к гидрографическому обеспечению, в том числе и картографическому, мореплавания. Карты атласа Нагаева уже не отвечали требованиям возросших точностей плавания, новым инструментам, новой методике определений.

И тогда было решено организовать Балтийскую гидрографическую экспедицию, которая бы на основе астрономических определений создала новые карты. Экспедиция под руководством Сарычева работала несколько лет и составила Атлас и Лоцию Балтийского моря. Вместе с ними были написаны и дневные записки, «дабы мореплаватели с большею доверенностью могли положиться на исправность карт, видя способы, употребленные мною к вернейшему определению географических широт и долгот, служащих главным основанием оных»⁶. Сарычевым и его помощниками были определены астрономически координаты 20 береговых пунктов, а у Нагаева атлас базировался только на 8 пунктах. Во время работ применялись новые методы промера, съемки. Сарычев широко использовал способы, которые он разработал во время своей богатой гидрографической практики. Вместе с тем он при всех случаях отдавал предпочтение новому: новым инструментам, новым методам, новым предложениям. Если гидрографические работы на Балтийском море до Сарычева больше относятся к разряду рекогносцировочных работ, то при Сарычеве гидрография стала на строго научную основу, а гидрографические исследования на Балтийском море, да и не только там, стали носить систематический характер.

Неоценим вклад Сарычева в организацию гидрографических и океанических исследований, проводившихся русскими

⁶ Г. А. Сарычев. Дневные записки плавания..., СПб., 1808, предисловие.

моряками. Необходимо отметить прежде всего, что именно при Сарычеве морская гидрография стала ведущей наукой среди географических наук. По существу, она по-настоящему получила права гражданства в 1808 г., когда во главе ее встал Сарычев. Затем, в 1827 г., вместо существовавшего Государственного адмиралтейского департамента было образовано два совершенно самостоятельных учреждения: Управление генерал-гидрографа и Морской ученый комитет. Выдающиеся личные качества Сарычева сыграли замечательную роль, после его смерти Управление генерал-гидрографа просуществовало недолго, не нашлось достойной замены Сарычеву, и в 1837 г. оно было реорганизовано в Гидрографический департамент. Именно с Сарычева ведет свое начало официальная русская гидрографическая служба.

Сарычев сосредоточил в своих руках всю полноту власти по составлению и изданию морских карт на все моря России, ему подчинялась также служба маяков и знаков, он контролировал выпуск руководств и других пособий для плавания, без его ведома не появлялись мореходные инструменты, вместе с тем ему подчинялся и Корпус флотских штурманов, образованный в 1827 г. по предложению Сарычева. Создание этого корпуса имело очень большое значение для океанических исследований. Теперь подготовка любого плавания русского корабля в любую часть мирового океана проходила в Гидрографическом управлении. Штурманское обеспечение плавания состояло в самой теснейшей связи с составлением и изданием карт, и, таким образом, все океанические и морские исследования были сосредоточены в одном месте — Управлении генерал-гидрографа.

Инструкции всем судам и кораблям, отправлявшимся в кругосветные и полукругосветные плавания, писались в этом управлении. Очень часто это делалось непосредственно самим Сарычевым. Примером может служить инструкция, составленная Сарычевым для командира шлюпа «Аполлон» капитана 1-го ранга И. С. Тулубьева, в которой он делал основной упор на гидрографические исследования. Вот часть этой инструкции: «Когда же случится вам быть в местах, мало посещаемых мореплавателями и которые не были еще утверждены астрономическими наблюдениями и гидрографически подробно не описаны; или случится открыть какую-нибудь землю или остров, не означенные на картах, то старайтесь, как можно вернее описать оные, определяя главные пункты наблюдениями широты и долготы, и составьте карту с видами

берегов и подробным промером, особливо тех мест, кои пристанищем служить могут»⁷.

В первой трети XIX в. не было такой русской гидрографической экспедиции, которая не направлялась бы в части научных исследований Сарычевым. Начиная с первого русского кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, в научной подготовке которой принимал участие Сарычев, и до смерти ученого не было ни одной научной экспедиции, в которой он бы не принимал участия своими советами, наставлениями, обработкой материалов. Что же касается первой русской экспедиции в Антарктиду, то проект о ней был также написан Сарычевым. В данной работе мы публикуем первую карту, составленную в чертежной Государственного адмиралтейского департамента — и, по-видимому, самую раннюю — по материалам экспедиции, только возвратившейся от берегов Южного материка.

Большое внимание уделял Сарычев и изучению морей, омывающих Россию. Не только Балтийское море, расположенное территориально ближе всего к Петербургу и Кронштадту, получило в первой трети прошлого столетия новые карты. Большие успехи в гидрографических исследованиях были сделаны в 1826—1832 гг. на Белом море, где в эти годы работала гидрографическая экспедиция под руководством известного гидрографа М. Ф. Рейнеке. Экспедиция эта направлялась и проверялась Сарычевым, который в 1826 г. сам побывал в Архангельске. Результатом работ экспедиции, исследовавшей Мурманский берег, Горло Белого моря, а затем и Онежский, Кандалакшский и Мезенский заливы, явилось издание в 1833 г. атласа карт Белого моря и Лапландского берега. Вместе с атласом появилась и лоция — «Гидрографическое описание северного берега России».

Ранее на Белом и Баренцевом морях в районе Новой Земли четыре года работал Ф. П. Литке, деятельность которого также постоянно находилась под контролем Г. А. Сарычева. Благодаря ему была издана и книга-отчет Литке о четырехкратном плавании на Новую Землю. Именно в эти же годы состоялось несколько экспедиций на Новую Землю, которые продолжили деятельность Литке. Ими руководили П. К. Пахтусов, А. К. Циволька.

⁷ В. А. Есаков, А. Ф. Плахотник, А. И. Алексеев. Русские океанические и морские исследования в XIX — начале XX в. Изд-во «Наука», 1964, стр. 82.

В Карском море еще в 1821—1822 гг. начал работать штурман И. Н. Иванов; затем И. А. Бережных и тот же Иванов довели опись берега до устья реки Оби. Несколько хуже обстояло дело в восточном секторе Арктики, но и там в 1809—1811 гг. работала экспедиция М. М. Геденштрома, а в 1820—1824 гг. под руководством Сарычева была организована экспедиция под начальством П. Ф. Анжу (Янский отряд) и Ф. П. Врангеля (Колымский отряд), решившая важные географические задачи по составлению карты Новосибирских островов, побережья значительной части морей этого сектора Арктики. Врангель нанес на карту землю, про которую писал впервые Сарычев, и она получила впоследствии имя Врангеля. В восточных морях Арктики побывала океаническая экспедиция М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный», в задачу которой по планам входило отыскание северо-восточного или северо-западного морского пути. Инструкцию для этой экспедиции писал опять-таки Сарычев.

Дальневосточные моря были всегда особой привязанностью Сарычева, и он не упускал случая расширить географические представления о них. Сарычев использовал возможности Российско-Американской компании и местных властей, организуя или помогая организовать исследования Берингова, Охотского морей. Уже было написано об исследовании восточного берега Камчатки В. Скрыповым и П. Ильиным в 1830—1835 гг., а в 1829—1830 гг. состоялись очень результативные плавания П. Т. Козьмина на шхуне «Акция» по описи Шантарских островов и юго-западной части Охотского моря, за которыми очень внимательно вплоть до самой своей смерти следил Сарычев. Кроме того, необходимо иметь в виду, что все кругосветные и полукругосветные плавания этого времени заканчивались на Дальнем Востоке и каждая такая экспедиция вносила свой вклад, подчас очень важный (например, В. М. Головнин, не говоря уже об описи И. Ф. Крузенштерна) в изучение отдельных районов дальневосточных морей.

Не оставались без внимания и «ближайшие» моря — Каспийское, Азовское и Черное. По рекомендации Сарычева Адмиралтейств-коллегия поручила верному и испытанному товарищу Сарычева А. Е. Колодкину «сочинить» атлас карт Каспийского моря. Колодкин работал с 1809 по 1813 г., постоянно держа связь с Сарычевым, отправляя ему все отчетные материалы, консультируясь с ним по всем вопросам. Ат-

лас был составлен и издан в 1826 г., прослужил он мореплавателям более 30 лет. В 1823—1825 гг. на Каспийском море работал Басаргин. На Черном и Азовском морях по работам офицеров-гидрографов была издана в 1817 г. генеральная карта, на которой долги́ты мест исправлены астрономическими наблюдениями постоянного сотрудника Сарычева В. К. Вишневого, южный и северный берега увязаны между собой, неописанным оставался восточный берег. В 1825—1836 гг. по инициативе Сарычева на Черном море была организована большая экспедиция под начальством Е. П. Манганари, которая охватила гидрографическими работами все доступное русским мореплавателям побережье Черного и Азовского морей.

Было уже сказано о большой роли Сарычева в воспитании целой плеяды замечательных русских ученых, моряков, гидрографов, океанографов. Это воспитание началось с практических плаваний с гардемаринами Морского кадетского корпуса, продолжалось в течение всей жизни Сарычева и завершилось появлением целой плеяды выдающихся русских моряков. Е. Е. Шведе справедливо заметил: «Он является предшественником целой плеяды замечательных русских мореплавателей начала XIX в., для которых методы Сарычева по описи морских берегов, составлению морских карт и планов и научному (а вместе с тем и литературному) изложению результатов плаваний и путешествий служили образцом»⁸. В этом определении все справедливо. Но к нему надо добавить, что Сарычев был не только предшественником, но и учителем, воспитателем этой плеяды.

Сарычева по праву можно называть основоположником научной гидрографии моря. На его трудах воспиталось несколько поколений русских гидрографов и штурманов. Замечательной особенностью Гавриила Андреевича Сарычева является то, что в нем сочетались превосходный практик, глубокий аналитик-теоретик, вдумчивый воспитатель и выдающийся организатор.

⁸ Е. Е. Шведе. «Г. А. Сарычев». В кн. «Отечественные физико-географы и путешественники». М., Учпедгиз, 1959, стр. 116.

Сочинения Г. А. Сарычева

- 1802 Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год., ч. I и II. СПб.
- 1804 Правила принадлежащая к Морской Геодезии, служащая наставлением, как описывать моря, берега, острова, заливы, гавани и реки, плавая на больших парусных и малых судах, также и идучи с мерою по берегу, с показанием, как сочинять морския карты и на оных располагать описанные места. Сочинено контр-адмиралом Сарычевым. СПб.
- 1807 Перечень наблюдений контр-адмиралом Сарычевым в 1805 году в Финском заливе учиненных, купно со следствиями из оных произведенными, представленный в департамент Степаном Румовским 1805 года апреля 13 дня.— «Записки Адмиралтейского департамента», ч. I. СПб., стр. 213—251.
- 1808 Дневные записки плавания вице-адмирала, члена Государственной Адмиралтейств-Коллегии, почетного члена адмиралтейского департамента и гидрографа Гаврилы Сарычева по Балтийскому морю и Финскому заливу в 1802, 1803, 1804 годах с астрономическими и геодезическими наблюдениями, принадлежащими к поправлению морских карт. СПб.
- 1811 Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном орле по Северо-восточному океану в 1791 году. С приложением словаря двенадцати наречий народов, наблюдения над стужею в Верхнеколымском остроге и наставления, данного капитану Биллингсу из Государственной Адмиралтейств-Коллегии. Извлечено из разных журналов вице-адмиралом, непременным членом Государственной Адмиралтейств-Коллегии, почетным членом Государственного адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук, гидрографом и кавалером Гаврилом Сарычевым. СПб.

- 1812 Морской атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Категадом, заключающий в себе генеральную меркаторскую и 12 частных карт с видами берегов, вновь исправленный по высочайшему повелению вице-адмиралом, непременным членом государственной Адмиралтейств-Коллегии, почетным членом Государственного адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук, гидрографом и кавалером Гаврилом Сарычевым. СПб.
- 1817 Лоция, или Путевказание к безопасному кораблеплаванию по Финскому заливу, Балтийскому морю и Категаду. Составил вице-адмирал и гидрограф Гаврила Сарычев. СПб.
- 1819 Замечания на известия об открытиях в Северном океане.— «Сын Отечества», № 46 и № 47. СПб.
- 1820 Письмо к издателю.— «Сын отечества», № 9. СПб.; Антикритика.— «Сын Отечества», № 14. СПб.
- 1820 О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю, с 1734 по 1742 год.— «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом», ч. IV. СПб. Испытания над примеченным неправильным действием магнитной стрелки у острова Юсари, учиненные в 1815, 1816 и 1817 годах.— «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом», ч. IV. СПб.
- 1825 Геодезические и гидрографические правила снимать находящиеся на земной поверхности местоположения, измерять глубины морей, заливов и рек и все оное означать на морских картах. Сочинил вице-адмирал и гидрограф Сарычев для обучения благородного юношества Морского кадетского корпуса. 2-е изд. СПб.
- 1826 Свеаборгский военный порт и город Гельсингфорс, с торговым портом.— «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом», ч. X. СПб.; Атлас северной части Восточного океана, составлен в чертежной Государственного адмиралтейского департамента с новейших описей и карт. Под руководством вице-адмирала и Гидрографа Сарычева 1-го. СПб.

Содержание

<i>Гидрография моря в России до Сарычева .</i>	<i>5</i>
<i>Путь к экспедиции . . . . .</i>	<i>26</i>
<i>В морях и странствиях . . . . .</i>	<i>42</i>
<i>О некоторых спорных вопросах экспедиции</i>	<i>69</i>
<i>Балтийская гидрографическая экспедиция .</i>	<i>108</i>
<i>Управление генерал-гидрографа — штаб русских кругосветных и полукругосветных плаваний . . . . .</i>	<i>132</i>
<i>Сарычев и отечественная морская гидрогра- фия . . . . .</i>	<i>156</i>
<i>Сочинения Г. А. Сарычева . . . . .</i>	<i>166</i>

Александр Иванович Алексеев
Гавриил Андреевич Сарычев

*Утверждено к печати редколлегией научно-биографической
серии Академии наук СССР*

Редактор **В. П. Большаков.** Художник **А. В. Коврижкин**
Технический редактор **О. М. Гуськова**

Сдано в набор 9/VII 1966 г. Подписано к печати 28/X 1966 г.
Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л. 5¹/₄+2 вкл. Усл. печ. л. 9,13.
Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 8000 экз. Изд. № 1264/66. Тип. вак. 1052. Т-14843
Цена 53 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.
2-я типография издательства «Наука» Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

ГАВРИИЛ АНДРЕЕВИЧ
САРЫЧЕВ

А. И. АЛЕКСЕЕВ

53 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»